

1947

ВОКРУГ

СВЕТА

№ 11
Ноябрь

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

КАРТА

ШТУРМ ГОРНЫХ ВЕРШИН

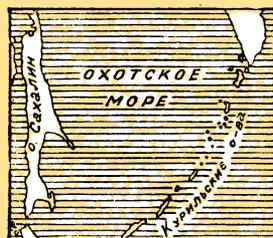
Экспедиция ученых географов совместно с виднейшими альпинистами СССР, во главе с проф. А. А. Летавет, побывала на высочайших хребтах Памира, нанесла на карту ранее не обследованные вершины и ледники. Группа альпинистов под руководством заслуженного мастера спорта Е. Абалакова поднялась на новую вершину высотой в 6 440 метров, которая получила название — пик имени 30-летия Советского государства. На вершине установлен бюст товарища Сталина и поднят флаг СССР.

ЛИПОВЫЕ ЛЕСА БАШКИРИИ

Экспедиция Академии наук СССР и Общества охраны природы изучает леса Башкирии, славящиеся своими богатыми массивами липы и других широколиственных пород. Здесь по постановлению Совета министров республики намечено создать два заповедника липы общей площадью в 45 тысяч гектаров.

НОВЫЙ РАЙОН СОВЕТСКОГО РЫБОЛОВСТВА

За два послевоенных года далеко шагнуло вперед освоение нового района советского рыболовства — Южного Сахалина и Курильских островов. Промыслы оснащены мощным современным флотом, восстановлены и заново созданы рыбные комбинаты, сушеверфи, электростанции. Широко используя механизацию, советские рыбаки увеличивают добычу и обработку ценной рыбы и морского зверя: кеты, горбуши, трески, камбалы, сельди, крабов, моржей. Развивается и китобойный промысел.

ВУЛКАНЫ КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДЫ

Сотрудник Академии наук СССР Г. С. Горшков закончил обследование 120 вулканов на островах Большой Курильской гряды. Смелый исследователь, путешествуя в надувной резиновой лодке от одного острова к другому, открыл несколько новых вулканов, описал рельеф островов, произвел фотосъемку их и собрал ценные геологические коллекции. Труды Г. С. Горшкова — часть больших работ по изучению природы Курильских островов, проводимых советскими учеными.

1947

ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 11
Ноябрь

Журнал основан в 1861 году

Иосиф Виссарионович Сталин.

Р. В. ПОКШИШЕВСКИЙ

Гравюры на дереве В Федяевской

Шестнадцать алых звезд горят на карте Союза Советских Социалистических Республик. Шестнадцать городов — средоточий культурно-политической и административно-хозяйственной жизни нашего союзного государства — образуют созвездие столиц СССР.

Эти города-звезды не похожи один на другой, — ведь горят они в разных географических широтах, в разных концах нашей огромной родины, служат выражением культурного творчества разных народов, но источник их света один и тот же: созидательная сила социалистического строя, созданного советским народом под водительством большевистской партии и ее вождей — Ленина и Сталина.

Тридцать лет назад, в 1917 году, советский народ впервые в истории совершил социалистическую революцию, сверг власть помещиков и капиталистов и приступил к строительству новой, социалистической жизни.

И в стремительном росте наших столиц, в расцвете их экономики и культуры отражается, как в зеркале, славный и величественный путь нашей родины вперед, к коммунизму.

Знойное солнце юга заливаает улицы Ашхабада и Сталинабада. Снежный Тянь-Шань великолепной рамкой высится над Алма-Ата и Фрунзе. Бледное северное небо отражается в серо-стальных водах Балтики, плещущих у песчаных дюн Риги, у набережных Таллина. Приветливо шумят каштаны и липы Киева над широким разбегом старого Днепра. У замерзшей глади Онежского озера, среди сосен Карелии стоят под снегом деревянные домики Петрозаводска. С Давидовой горы отражением небесных звезд кажутся огни Тбилиси. И, как старшая сестра в семье советских столиц, широко раскинулась среди чудесного среднерусского ландшафта любимая Москва. От ее древнего Кремля вдоль одетых в великолепные набережные плавных излучин Москва-реки, мимо памятных и дорогих каждому советскому человеку мест, то широкими новыми проспектами, то старинными

бульварами и переулочками на много километров тянется наша союзная столица, самый замечательный город мира.

В разных концах Союза стоят столицы 16 советских социалистических республик. Самая северная из них — Петрозаводск; летом светлые зори не сходят здесь с неба всю ночь, зимой не редкость северное сияние.

А самая южная — Ашхабад; в знойный полдень солнце стоит здесь почти в зените. Здесь можно наблюдать зодиакальный свет — чудесное ночное свечение неба, характерное для тропических стран. Самая западная из наших столиц — Рига — лежит под 24° восточной долготы, а самая восточная — Алма-Ата — под 77° восточной долготы; почти четыре часа надо вращаться земному шару, чтобы полдень «переместился» из Алма-Ата в Ригу.

Разное небо, разный климат... А люди в этих городах — наши, советские. Узбеки и карелы, молдаване и латыши, грузины и русские при всем несходстве своего внешнего облика, языка, одежды, многих обычаев — прежде всего советские люди, сыны нашей общей отчизны.

Представители 16 народов, составивших великий Союз Советских Социалистических Республик, образуют коренное население его столиц; они являются носителями и создателями культуры, имеющей разнообразные национальные формы, но единое социалистическое содержание.

Каждая из 16 столиц — как бы фокус, где собраны наиболее яркие и замечательные черты отдельных республик Советского Союза, где сосредоточено все наиболее передовое, где особенно напряженно ведется созидательный труд,двигающий каждую из республик и страну в целом по пути социалистического развития.

Индивидуальны наши столицы, как индивидуальны и те республики, для которых они служат центрами. Ничего стандартного нет в них. Но сходны их души. Одним стремлением они проникнуты. Согласно, в одном и том же темпе кипит в них работа, и цель ее — общая.

Как Москва — сердце всего Советского Союза, так же и каждая из столиц советских социалистических республик — сердце своей республики.

Между ними существует тесная связь. Подобно тому, как в жизни наших столиц нет и не может быть классовых противоречий, столь характерных для столиц капиталистического мира, нет в нашей стране и противоречий между столицами и периферией советских республик.

В высшие учебные заведения столиц стекается учиться сельская молодежь; вчерашние крестьяне становятся квалифицированными работниками. Каждая из столиц не только получает, но и щедро отдает периферии огромные материальные и культурные ценности, служащие общему делу подъема социализма.

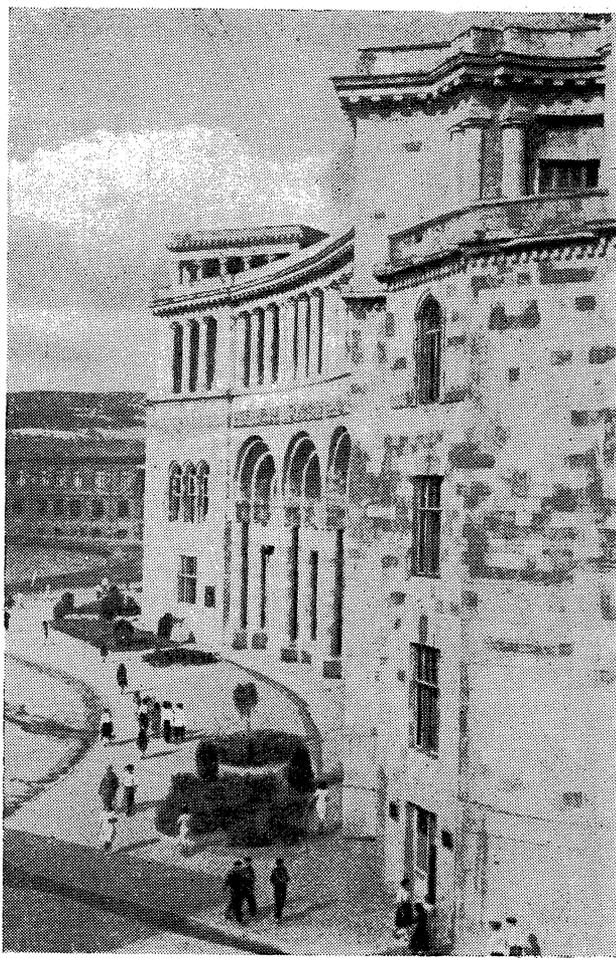
На периферию из столиц едут молодые специалисты, столицы обеспечивают техническими кадрами и руководством многочисленные стройки каждой из республик.

Столицы снаряжают научные экспедиции, открывающие новые богатства природы. Многотысячные тиражи книг, миллионы экземпляров газет широким потоком текут из столиц на периферию республик, попадая в каждое село, уничтожая былую культурную отсталость. Ежечасно по радио и по телефону столицы разговаривают со своими селами; и «столичный стиль» работы становится стилем каждого передового колхоза, каждого передового предприятия на периферии.

стирая грани отсталости, являясь могучим рычагом быстрого подъема материального и культурного уровня жизни во всей республике, каждая из столиц тем самым служит и делу уничтожения былой противоположности между городом и деревней.

Наблюдая кипучую жизнь столиц советских социалистических республик, мы с большой силой можем почувствовать все непререкаемые преимущества и мощь советского общественного строя.

Будучи «главным городом» в своей республике, каждая из наших столиц прежде всего является важнейшим ее экономическим центром. Здесь сосредоточены производства, требующие наиболее высокой производственной культуры, которой не всегда еще располагает периферия республик: тонкое машиностроение, электротехническая промышленность, нуж-

Ереван. Дом правительства Армянской ССР. Построен по проекту лауреата Сталинской премии академика архитектуры А. И. Таманяна.

дающиеся в рабочей силе высокой квалификации производства легкой промышленности, требующие художественного вкуса и мастерства (например швейные фабрики), полиграфическая промышленность, связанная с работой писателей, ученых, художников, кинофабрики и киностудии — вот, к примеру, некоторые отрасли специфически «столичного» профиля, образующие основу промышленного комплекса столицы.

Значительная доля населения столиц советских социалистических республик — индустриальные рабочие. Быстрый рост в столицах промышленности, многие отрасли которой имеют здесь особо благоприятные условия для развития, определяет и небывалые темпы увеличения численности населения наших столиц. Стоит напомнить о Сталинабаде, созданном почти на пустом месте, население которого за 1929—1939 годы достигло 83 тысяч человек, о Фрунзе, который был, до того как стал столицей Советской Киргизии, в сущности, крупным селом, а в 1939 году имел уже 93 тысячи жителей. Огромный рост населения наших столиц связан не только с притоком населения извне, но и с высокой рождаемостью. Перед войной рождалось в среднем за год на тысячу жителей: в Алма-Ата — 39,6, в Минске — 35,0, в Москве 28,5 детей. Как непохоже это на капиталистические столицы: в Лондоне в то же время на тысячу жителей рождалось в год всего 13,6, в Париже — 11,5, в Вене — даже только 5,6 детей. Основное население этих столиц, пораженное безработицей, нуждой, социальными противоречиями, вымирило, и численность его поддерживалась только за счет притока извне.

Многие из столиц советских социалистических республик являются крупными транспортными узлами. Железнодорожным узлом всеобщего значения является Москва, где сходятся 11 железных дорог; головные участки большинства из них за советские годы электрифицированы. За советский же период Москва стала и крупным речным портом. Постройка к 1937

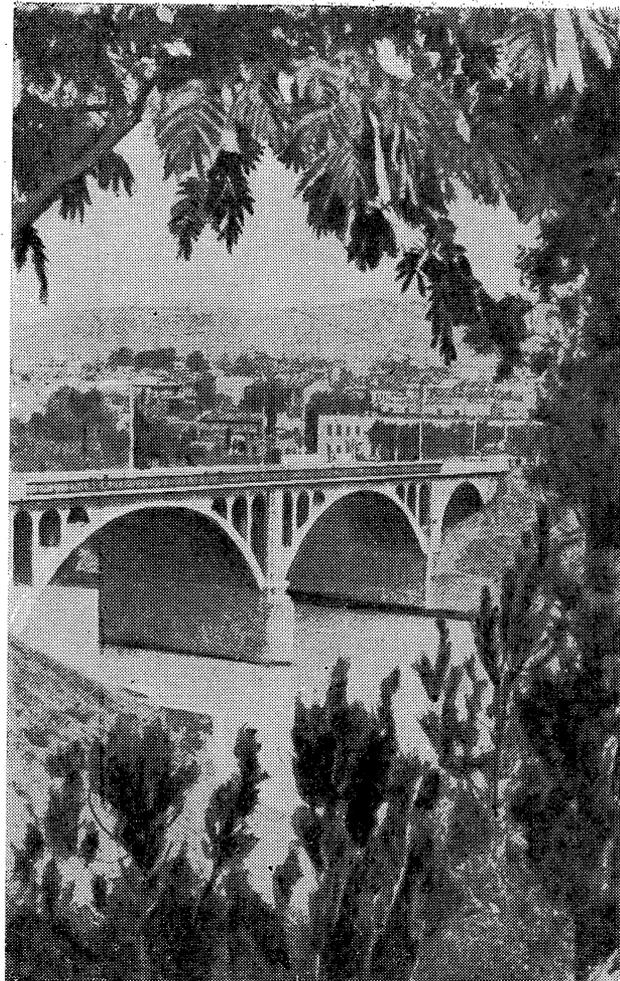
году канала имени Москвы, связавшего ее кратчайшим путем с Волгой, сыграла в этом решающую роль. Важными железнодорожными узлами являются Киев, Минск, Тбилиси, Вильнюс; Баку, Рига и Таллин — крупные порты, центры стыка железнодорожного и морского транспорта.

Каждая из столиц советских социалистических республик — это не просто главный центр экономики республики, но и средоточие ее культуры. Университеты и другие высшие учебные заведения, расположенные во многих столицах советских социалистических республик, получили заслуженную известность и как крупные расадники науки (подготавливающие, в частности, молодые национальные кадры) и как центры научно-исследовательской работы. В каждой из наших столиц сосредоточено по несколько высших учебных заведений со многими факультетами, в первую очередь тех профилей, которые особенно необходимы для развития местной хозяйственной и культурной жизни. В Киеве, Минске, Риге, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте, Алма-Ата, Таллине работают Академии наук соответствующих республик. В работе этих Академий видное место занимают вопросы развития национальной культуры языка и истории и темы, связанные с изучением местных ресурсов и путей их использования. Так, в Академии наук Казахской ССР под руководством ее президента К. И. Сатпаева сложилась целая школа геологов, сделавшая уже очень много для изучения рудных богатств Казахстана. Труды многих национальных академий приобрели значение, отводящее им почетное место в мировой науке. Например, Академия наук Армянской ССР стала выдающимся центром изучения истории Ближнего Востока и армянского народа.

Научные центры, в которые обратились столицы советских социалистических республик, созданы целиком за советское время. Ведь еще в 1915 году в царской России за пределами нынешних РСФСР и УССР существовало лишь одно единственное высшее учебное заведение!

Столицы республик стали у нас также и центрами развития национальных культур. Некоторые из народов СССР имели очень древнюю письменность (грузины, армяне); другие до революции не имели ее вовсе или пользовались чуждой народным массам письменностью, принесенной некогда вместе с средневековым религиозным арабско-мусульманским образованием (киргизы, туркмены, казахи). Сейчас на базе национальной письменности, ставшей достоянием трудящихся масс, стремительно стала развиваться советская литература народов СССР. Вместе с тем и классические произведения литературы, унаследованные от прошлого, стали достоянием самых широких масс. Творения Шота Руставели, Навои, Низами, киргизский эпос «Манас», прекрасные сказания армянского народа о Давиде Сасунском, звучные руны «Калевалы» и многие другие произведения, созданные народным гением много веков назад, предстали в новом свете; их читают и изучают сейчас миллионы людей.

В столицах союзных республик особенно высокого развития достигли и национальные театры. Почти в каждой из республиканских столиц представлены все виды театрального искусства: драма, опера, балет. Многие театры столиц Грузии, Армении, Казахстана,

Тбилиси. Мост Челюскинцев через реку Куру.

Латвии и других республик с большим успехом выступали на празднествах и фестивалях в Москве. Театральная жизнь наших столиц с большой яркостью показывает огромный путь культурного строительства, пройденный народами СССР за тридцать лет существования советского строя. Для новых театров построены великолепные здания, являющиеся монументальными памятниками Сталинской эпохи. Здания эти — существенный элемент нового архитектурного облика, который приобретают наши столицы.

Вот полукруглый фасад нового оперного театра Еревана, выстроенного в национальном вкусе, с тем особым «пониманием» камня, которое характерно для древнего зодчего армянских мастеров — сынов «страны камня». На фоне величественной панорамы Тянь-Шаня возвышается новый театр в Алма-Ата. Это, пожалуй, лучшее здание города. Четырехгранные колонны поддерживают массивный, но вместе с тем гармоничный антаблемент. Фасад богато отделан и чудесно вписывается в пейзаж гор и раскинутого у подножьев их города-сада. Так же богато отделан театр и внутри. Но не в архитектуре главное его богатство, а в людях. Ведь эти девушки и юноши, с таким мастерством исполняющие сложные балетные «па», эти уже зрелые актеры — дети вчерашних степных кочевников; многие из них и сами родились еще в убогих юртах.

Пронесемся мыслью по столицам советских социалистических республик, взглянем, как воплощены в жизнь общие для них черты социалистического города — черты нового облика, нового уклада жизни всего созвездия этих замечательных городов.

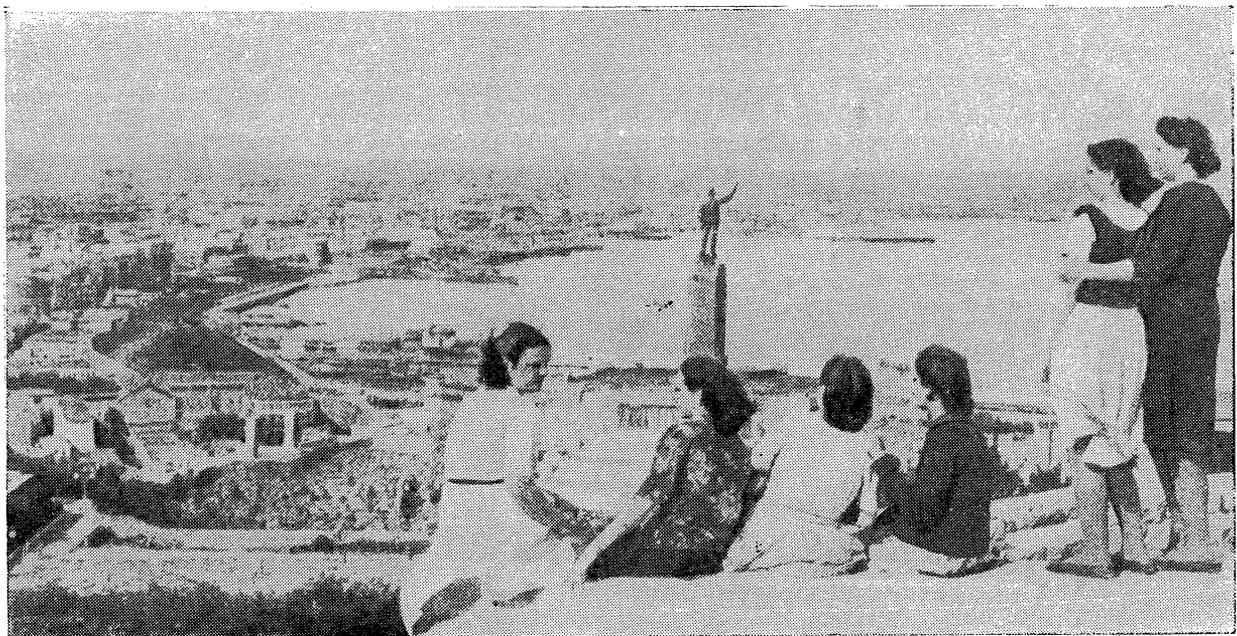
Вот «тройка» столиц Закавказья. Эти по-прежнему привлекливы, большие, шумные города — вместе с тем крупные промышленные центры. В Баку, кроме нефтяной промышленности, делающей его выдающимся индустриальным очагом всесоюзного значения, развито машиностроение, судостроение, легкая, химическая и пищевая промышленность и многие другие отрасли. Тбилиси стал за советские годы важным центром машиностроения и легкой промышленности, развив и свои старинные производства: виноделие, обработку табака и др. Сейчас под Тбилиси заканчивается строительство и крупного металлургического завода — первого в Закавказье. В индустриальном развитии столицы Грузии важную роль сыграла постройка неподалеку, у древнего города Мцхета, крупной Земо-Авчалской гидроэлектростанции. Взнузданная величавой плотной энергия Куры и Арагвы залила Тбилиси светом. Ныне вблизи Тбилиси, потребность которого в энергии неизмеримо возросла, сооружается еще более крупная станция на реке Храми.

В гидроэнергетике — ключ к развитию и промышленности Еревана. Опираясь на энергию станций Севано-Зангинского каскада, в Ереване вырастают многие энергоемкие предприятия: химические производства, алюминиевый завод. Создано сильное и многообразное машиностроение, в частности, обеспечившее армянские деревни оборудованием для небольших сельских гидростанций («микростанции»). Развита легкая и пищевая промышленность, производство строительных материалов. Все это — целиком создание Сталинской эпохи: ведь до революции в Ереване работал лишь небольшой коньячный завод.

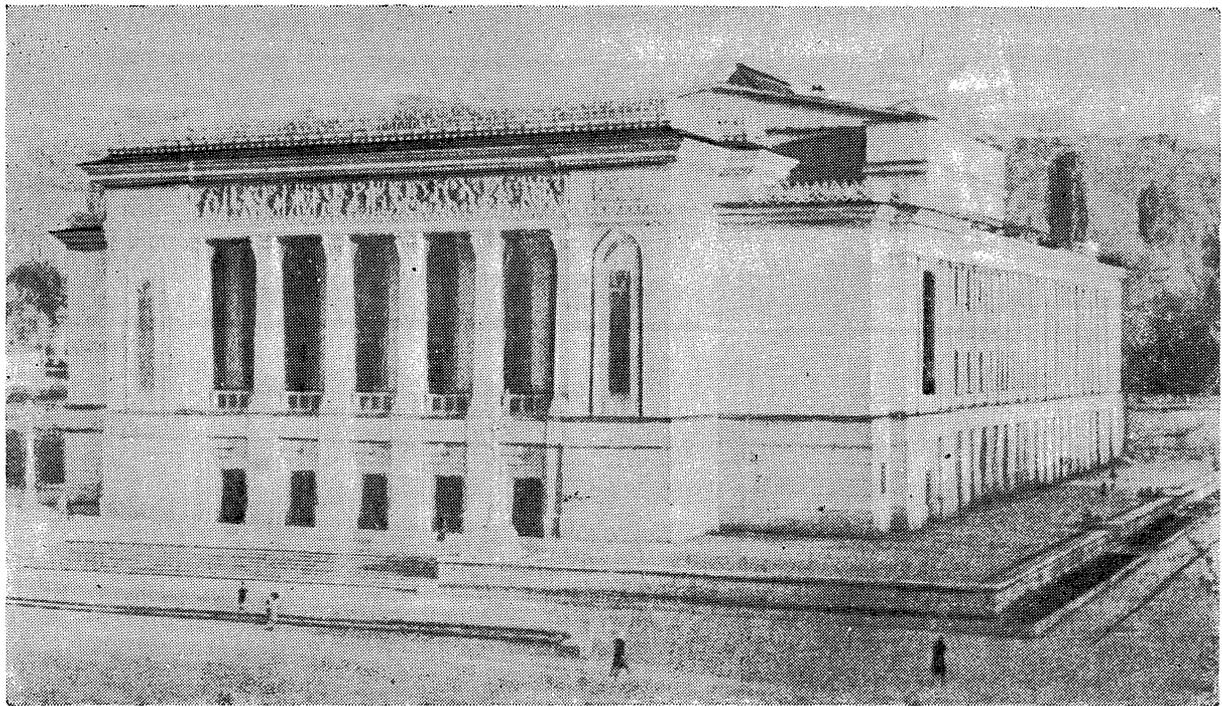
На обновленных улицах закавказских столиц всегдалюдно; в оживлении уличной толпы чувствуется горячий темперамент жизнерадостных южан. В Баку, широкой подковой раскинувшемся вокруг бухты и окруженном лесом нефтяных вышек, до которых вас мигом домчат вагоны электрички, — чуть больше промышленной деловитости; недаром столица Азербайджана вместе с тем — «нефтяная столица» и для всего Советского Союза. В Тбилиси, занявшем живописную чашу горной долины, — чуть больше поэтической романтичности, навеянной древней, мудрой культурой Грузии. Прекрасен Тбилиси, залитый огнями, если смотреть на него вечером с горы Давида — любимого места прогулок тбилисцев. В Ереване, пожалуй, сильнее, чем в соседних столицах, чувствуется пре-

обладание нового, созданного в советские годы. Глиняные дома бывшего губернского захолустья сменились благоустроенными зданиями. Новым домам стало тесно на старых улицах, и они двинулись вверх — на Норское плато, ближе к садам и виноградникам. В этих зданиях возрождено древнее мастерство армянских водичих. Чудесная коллекция строительных камней (от легких туфов до строгих мраморов и мрачных базальтов), таившаяся в горах Армении, ожила в искусных руках ереванских строителей.

Вот столицы среднеазиатских республик. Сколько здесь красок! Цветастые тюбетейки и халаты смешаны с белыми платьями девушек, уже не знающих, что такое паранджа, которой их матери, повинувшись древнему обычаю, закрывали лицо от глаз прохожих. Улицы обсажены великолепными тополями, карагачами, липами, акацией. В умеряющей зной тени этих улиц-аллей прячутся уютные беленькие домики. В монументальных формах, учитывающих национальные мотивы архитектуры, здесь сооружают лишь общественные здания. Журчат арыки, дающие жизнь этой пышной зелени. Под здешним небом строители могут не считаться со снегом, и крыши домов делают плоскими — в этом своеобразие восточной архитектуры. Зато горы, покрытые снегом большую часть года или даже весь год, образуют великолепный фон для городского пейзажа, замыкая собой вид вдоль главных улиц. Среднеазиатские столицы покажутся на первый взгляд настоящими курортными городами — горы, масса зелени, загорелые люди в светлых одеждах, груды фруктов на лотках, праздничная пестрота базаров. Но всмотритесь, и вы почувствуете и здесь тот же напряженный пульс столичной жизни. Важнейшие вопросы орошения засушливых земель, акклиматизации новых культур, использования ресурсов недр решаются в здешних министерствах, лабораториях и институтах. Шумной толпой вливается молодежь в двери новых, прекрасных корпусов вузов; корпуса эти образуют подчас целые городки, прячущиеся в зелени недавно разбитых парков. Таков, например, учебный городок в Ашхабаде.

Баку. Вид на город из Парка культуры и отдыха имени Кирова.

Алма-Ата. У здания Казахского государственного театра оперы и балета имени Абая.

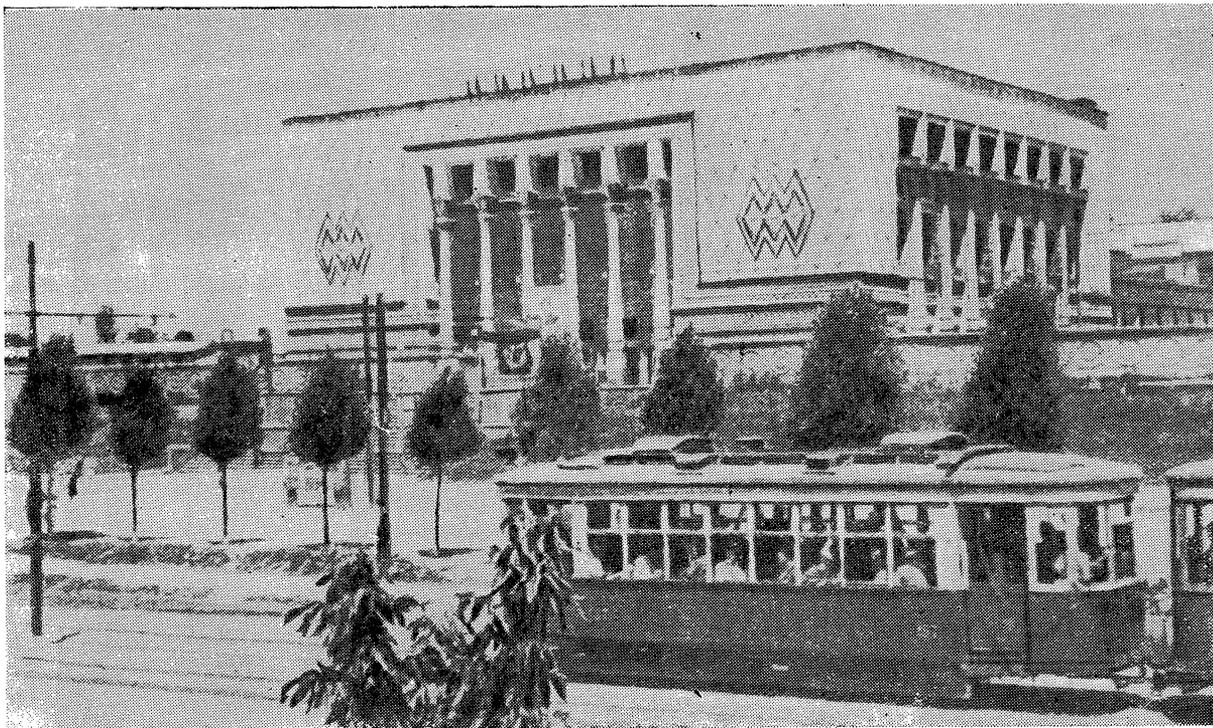
оборудование которого не уступает многим московским институтам. Неустанно развивается промышленность: Ташкентский текстильный комбинат, громадные ташкентские машиностроительные заводы (среди которых — известный завод сельскохозяйственных машин), химический комбинат, выросший под городом на базе энергии горной речки Чирчик, — это уже предприятия союзного значения. Сталинабад славится своей шелкоткальной фабрикой и текстильным комбинатом; Аш-

хабад — производством стекла для всей Средней Азии; Алма-Ата и Фрунзе — легкой и пищевой промышленностью, в последние годы дополняемой также машиностроением и металлообработкой. В каждой из среднеазиатских столиц работают и многие другие предприятия, число которых быстро растет.

Растут и непрерывно строятся и сами эти столицы. По асфальту улиц — вчерашних немощеных дорог — движутся уже не верблюжьи караваны, а автомобили,

Сталинабад. Улица Лахути.

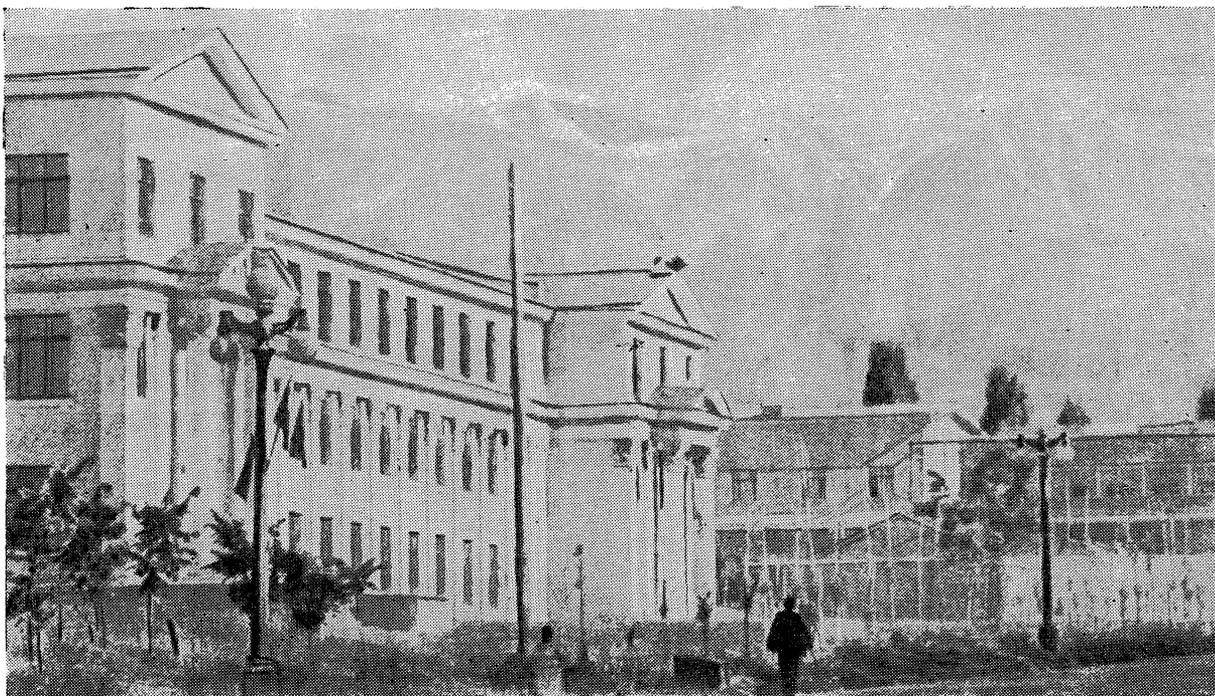
Ташкент. Улица Навои в Старом городе. Кинотеатр «Родина», построенный на месте, где был лабиринт кривых восточных улочек.

троллейбусы, а в наиболее крупных из столиц Средней Азии — и трамваи.

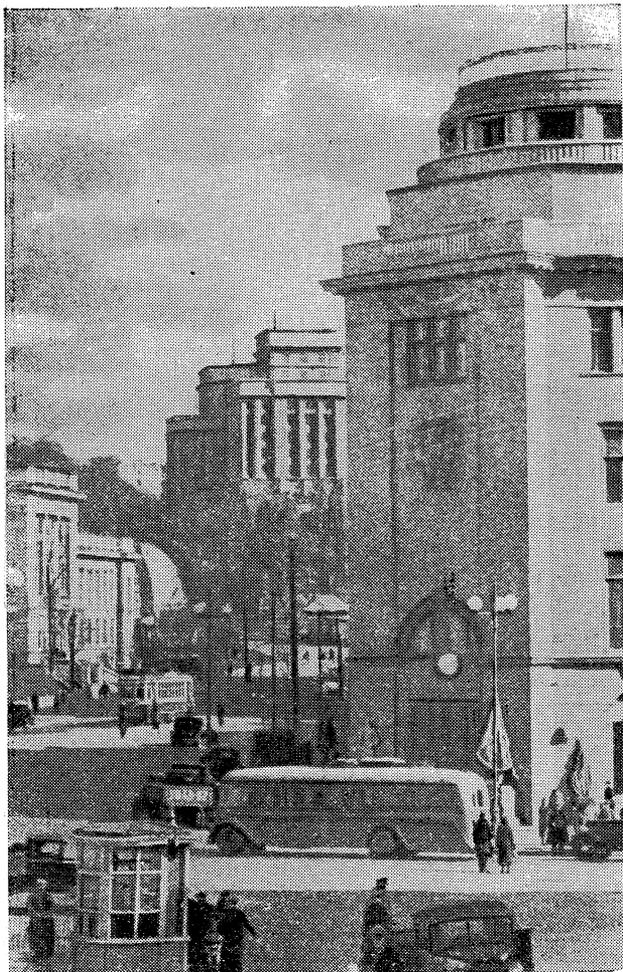
Впрочем, иногда попадает еще и верблюд. Скользя и спотыкаясь на асфальте своими широкими копытами, привыкшими к передвижению по зыбким пескам пустыни, он пугливо озирается на шумную улицу, на громкоговоритель, из которого льется звонкий голос Халимы Насыровой или какой-нибудь другой знамени-

той артистки, вышедшей из народа, не знавшего раньше свободной песни.

В каждой из столиц Средней Азии — свои индивидуальные черты. В огромном Ташкенте особенно интересно наблюдать, как стирается грань между старым «туземным» и «русским» городом, возникшим хотя и позднее, еще в царское время. Прямые и благоустроенные, но застраиваемые в восточном вкусе широкие

Алма-Ата. Здание хореографического училища.

Киев. Один из ансамблей в центре города (близ «Дома офицера»). Изображенные здесь здания подверглись жестокому разрушению в дни фашистского нашествия. В настоящее время они восстанавливаются.

проспекты прорезают лабиринт извилистых узких «глиняных» улочек, где ишаки и прохожие пробирались когда-то вдоль сплошных глухих дувалов и стен без окон: окна по-азиатскому обычаю были обращены во дворы. Теперь на окраинах дувалы идут на слом и прятаншиеся за ними сады становятся общественными. В Казахской столице Алма-Ата климат не такой знойный, как в Ташкенте: и в архитектуре и в характере уличной зелени север здесь смешан с югом, восток — с западом. Наиболее «экзотические» столицы Средней Азии — Ашхабад, с вплотную подступающей к городу пустыней, и Сталинабад, лежащий в замечательной по красоте Гиссарской долине, почти на пороге Памира. В Ашхабаде и Сталинабаде — жарче всего; в бытовом укладе их много черт, вызванных тем, что это — самые южные из наших столиц. Сталинабад — город-новостройка; он целиком создан за последние два десятилетия.

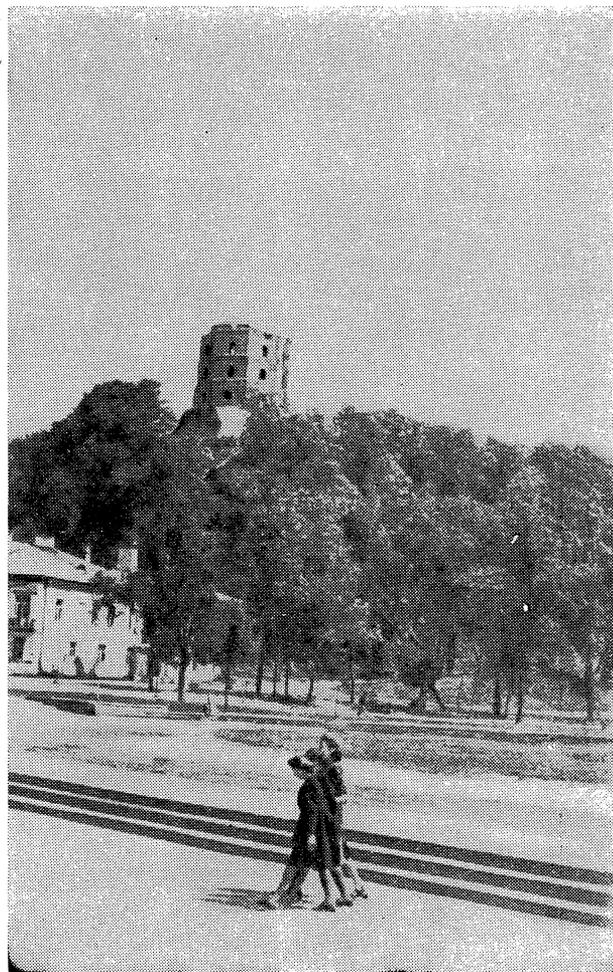
Иной облик имеют столицы западной полосы СССР — Кишинев и Вильнюс, Рига и Таллин. В трех прибалтийских столицах сохранились средневековые кварталы, ворота и части городских стен, готические церкви и замковые башни. Здесь преобладают черепичные крыши, много домов построено не из кирпича, а из камня; среди деревьев, образующих уличные посадки и парки (зелень и здесь любят и заботливо культивируют), много представителей западных пород: каштаны, вязы, граб, дуб, бук.

Тяжело складывалась судьба наших западных республиканских столиц. Оторванные пронсками империа-

листов от России, связи с которой сложились задолго до Октябрьской революции и служили стимулом для развития этих городов, нынешние столицы Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии пришли было в упадок. Воссоединение с СССР, восторженно встреченное их трудящимися массами, открыло перед ними новые перспективы. Но полчища гитлеровских армий затопили запад нашей родины, и первые ростки социалистического строительства были затоптаны фашистским сапогом.

Советские патриоты ушли в подполье, и только после исторических побед Советской Армии поредевшее население Кишинева, Вильнюса, Риги и Таллина смогло вновь взяться за превращение этих городов в достойные республиканские столицы. Но созидательный труд пока приходится в значительной степени направлять на ликвидацию разрушений, причиненных врагом. Так, в Кишиневе строительные фонды были разрушены более чем на 70 процентов; в Вильнюсе — на 40 процентов. Правда, с помощью братских советских республик, и в первую очередь великого русского народа, эти раны залечиваются быстро. Почти все предприятия уже работают: рижане вправе гордиться своими машиностроительными заводами, произ-

Вильнюс. Замковая площадь. Гора и башня Гедимина.

водством радиосаппаратуры и судостроением; вильнюсцы — станкостроением, швейным и электротехническим производством. Восстановление сочетается с новым строительством: в Кишиневе уже работает созданный советским строем крупный комбинат шампанских вин; в Вильнюсе строится большой завод радиоэлектросаппаратуры «Эльфа». Животворящая сила со-

ветского строя сказалась не только в быстром возрождении экономики, но и в расцвете культуры. Ключом забило в новых столицах творчество народов Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии. Новые театры сумели уже создать превосходные спектакли. Заслуженную славу завоевали народные певческие кружки Эстонии. Из недр молдавского народа выдвинулся замечательный композитор Няга. Имя Саломеи Нерис, талантливой литовской поэтессы-патриотки, знает весь Советский Союз. В Риге, Таллине, Вильнюсе созданы Академии наук; в Кишиневе открыт университет и база Академии наук СССР.

Таллин не похож на остальные столицы тем, что морской порт расположен здесь в самом центре, у подножья древних башен, сохранившихся на высоком холме «Вышгород», сплошь застроенном узенькими

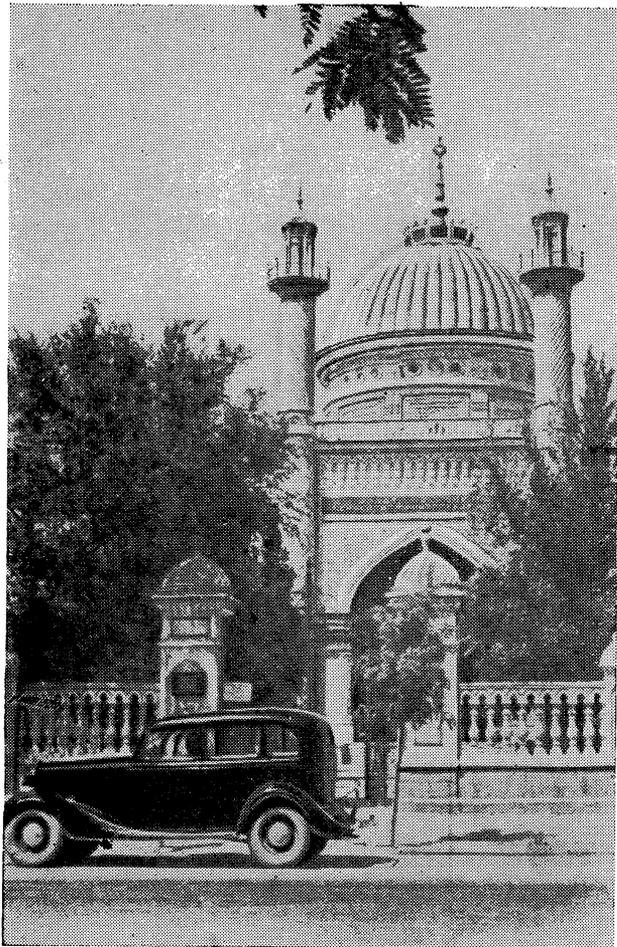
Рига. Вид на город.

Древний Таллин был защищен высокими каменными стенами и толстостенными башнями, считавшимися в свое время непревзойденным шедевром военного строительства. Многие из этих укреплений до сих пор сохранились в старом Таллине. На снимке: старинная городская стена.

средневековыми улочками. Море дышит здесь влагой, приносит частые перемены погоды, делает зиму мягкой и капризной. Хотя Рижский порт имеет большое значение для жизни столицы Латвии, вы не увидите морских кораблей с центральных чистеньких и прямых улиц Риги, застроенных красивыми домами с черепичными крышами и стенами в изразцах: они выходят не к морю, а к Западной Двине, и отсюда до моря еще целых 14 километров. Кишинев напомнит нам многие южные города СССР: Одессу, Таганрог, Симферополь. Сгребня высокого холма, по которому город поднимается от крохотной речки Бык, открывается разном широким вид на холмистые, кудрявые Кодры, засаженные виноградниками и купама фруктовых деревьев. Кишинев — в самом сердце благодатной Молдавии. Плоды ее земли — виноград и овощи, разнообразные фрукты и брынза, орехи и сушеный чернослив — горами высятся на знаменитом кишиневском базаре. Больше других похож на обычные наши города Вильнюс, живописно разбросанный у впадения Вилейки в Вилию; но и здесь развалины древнего замка на Гедиминовой горе, о которой литовский народ создал десятки поэтических легенд, напоминают, что мы на западе СССР.

Если Таллин, Рига, Вильнюс и Кишинев испытали ужасы фашистского нашествия тогда, когда они еще только складывались как столицы социалистических республик, то Киев и Минск подверглись жестокому разрушению, уже будучи цветущими городами с вполне сложившимся «стилем» советских столиц. Оба эти города сейчас в лесах — действительно идет разборка руин, восстановление и строительство новых домов. Сквозь леса стройки, сквозь чертежи архитектурных

Ашхабад. Музей изобразительных искусств (музей помещается в бывшей мечети).

планов уже проступают контуры нового Киева, который будет еще краше прежнего. Город запоминается уютом улиц, густо обсаженных зеленью, всхолмленностью рельефа, широкими видами на чудесный Днепр. Киев возрождается, как крупный промышленный, культурный и политический центр столицы Советской Украины. Великолепные театры и музеи, напряженная и плодотворная работа лучших украинских ученых, собраний вокруг Академии наук УССР и Киевского университета, кипучая деятельность украинских писателей, поэтов, художников, музыкантов — все это подчеркивает столичный облик Киева.

В Минске процессы восстановления сочетаются с большим размахом нового строительства. Постройка тракторного, автомобильного и некоторых других новых заводов превратит Минск в крупный машиностроительный центр; значение его как столицы Белорусской ССР еще более возрастет.

Восстановительный процесс в полном разгаре и в самой маленькой из столиц — в Петрозаводске, сильно пострадавшем от фашистской оккупации. Главный город Карело-Финской ССР стоит на берегу широкого Онежского озера. «Сердцевину» его составляет старинный завод, основанный еще Петром Первым и давший городу его имя.

И вот, наконец, мы в Москве. Широким полукольцом окружают пятнадцать столиц свою старшую сестру, сердце всей нашей родины.

С Кремля, этой древней крепости в центре нынешней Москвы, началась восемь веков тому назад постройка самой столицы. Отсюда шел процесс «собрания Руси», объединения ее в единое государство.

Кремль, бывшая резиденция московских князей, сохранился во всей своей сказочной прелести. За высокой зубчатой красноватой стеной с башнями — целый городок из древних белокаменных, увенчанных золотыми куполами соборов, колоколен, старинных палат. В Кремле находятся все высшие органы советского государства. На шпилях древних башен установлены, как волнующие эмблемы, пятиконечные звезды; вечером они загораются рубиновыми огнями. В Кремль правительство приглашает лучших людей страны, здесь происходит важные дипломатические приемы. В Кремле работает Сталин.

Москва — громадный, кипучий город. Еще перед войной в нем жило почти 5 миллионов человек. Один только метрополитен перевозит ежедневно до 2 миллионов пассажиров.

В Москве находится Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Здесь сосредоточены все правительственные учреждения СССР и РСФСР, центральные органы Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и других общественных организаций, важнейшие научные институты страны, Академия наук, много десятков высших учебных заведений, прекрасные музеи, издательства, лучшие советские театры.

Но Москва не только административный и культурно-политический центр; это также — важнейший экономический центр всей страны. До революции Москва была городом главным образом купеческим; из промышленных предприятий здесь были развиты только текстильные фабрики; недаром Москву прозвали «ситцевой». Сейчас, сохранив свое значение в текстильном производстве, Москва стала крупнейшим центром машиностроения (главным образом точного и сложного). Машиностроение, выросшее по ценности выпуска более чем в 70 раз, дает примерно половину всей промышленной продукции Москвы. В огромных цехах новых заводов, созданных на периферии Москвы (но как эта периферия не похожа на бывшие окраины!), делают станки, шарикоподшипники, автомобили — от грузовых и до самых комфортабельных легковых, — велосипеды, сложную электротехническую аппаратуру и т. д. Из «ситцевой» Москва стала «металлической». Московские заводы оборудованы самой совершенной техникой; их светлые цехи похожи скорее на благоустроенную выставку новых станков. Вдоль асфальтных дорожек заводского двора — цветы и зелень; рядом с цехами — удобные столовые, ясли для работниц-матерей, спортивные площадки для молодежи; в заводских районах много новых клубов и дворцов культуры, отличные парки.

Московская промышленность дает по ценности около 1/6 всей промышленной продукции СССР.

Ежедневно сотни поездов высаживают на московских вокзалах пассажиров, прибывших из самых далеких республик, входящих в состав СССР. Несколько аэродромов ежедневно принимают и отправляют сотни самолетов. На московских улицах можно встретить представителей всех народов СССР; в Москву, эту замечательную лабораторию социалистической мысли, стекаются культурные богатства всех советских народов. И обратно: Москва щедро делится своей передовой техникой, своей высокой культурой со всеми братскими народами многонационального Союза. На каждой из столиц СССР лежит отблеск Москвы.

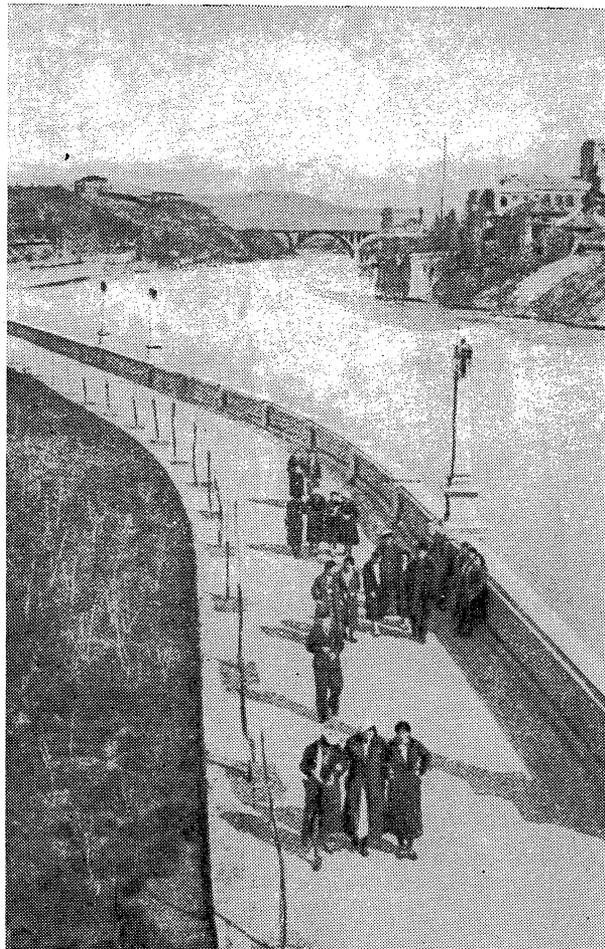
Одну общую черту быстро подмечает глаз наблюдателя во всех столицах Советского Союза — молодость. Мы смело можем говорить о молодости всех этих 16 замечательных городов, несмотря на то, что среди них есть и тысячелетние. Современный образ каждого из них несет в себе черты нового, создан-

ного за советские годы. Тбилиси готовится справлять в 1948 году свое 1500-летие, — но разве его бережно сохраняемые памятники не заслонены уже творениями великой Сталинской эпохи? Киев — «мать городов русских», сделавшись из губернского города, где жили чиновники, помещики и рантье, столицей большого социалистического государства, неузнаваемо изменился. Тот же путь прошел древний Минск. Первые летописные сведения о нем относятся еще к 1066 году, но только с 1919 года стал Минск стремительно расти и украшаться как столица Советской Белоруссии. Древние города Прибалтики — Рига, Вильнюс, Таллин — переживают сейчас свое второе рождение в качестве столиц советских республик, социалистических государств, созданных освобожденными народами Латвии, Литвы и Эстонии.

К далекому историческому прошлому относится возникновение таких городов, как Петрозаводск, основанный в начале XVIII века, Кишинев, ставший из села городом лишь после освобождения в 1812 году русскими войсками Бессарабии от турецкого ига, Алмата, Фрунзе и Ашхабад, заложенные как русские окраинные крепости во второй половине XIX века. Но совсем по-новому сложились их судьбы в советские годы, когда они стали столицами для призванных к активной политической жизни народов бывшей царской России. Среди столиц советских социалистических республик самой молодой является Сталинабад: этот город имел только одно рождение, и оно совершилось в 1929 году. Сталинабад — целиком детище Сталинской эпохи, и он с полным правом гордо носит свое великое имя. Наконец сама Москва, с такой торжественностью отпраздновавшая недавно свое 800-летие, — разве не вправе мы говорить о ее молодости? Обновлены все ткани Москвы — древнего сердца России. Недаром москвичи в своем историческом письме, посланном по поводу 800-летнего юбилея товарищу Сталину (в письме, на котором 3 665 859 подписей!), с гордостью писали, что даже на старых предприятиях Москвы «от старого остались только революционные традиции московских рабочих — все остальное стало новым!» До революции царский строй, сохранив за Москвой лишь почетное имя «первопрестольной», сделал ее традиционным местом для коронаций, в действительности об-

ратил Москву в «заштатную столицу», где хозяйничали купцы-толстосумы и бойкие фабриканты, где душно было передовым, прогрессивным людям. Но «после того как по воле великого Ленина Москва вновь была объявлена столицей нашей Родины, она стала знаменосцем новой советской эпохи» (Сталин).

Тбилиси. Гранитная набережная реки Куры.

ратил Москву в «заштатную столицу», где хозяйничали купцы-толстосумы и бойкие фабриканты, где душно было передовым, прогрессивным людям. Но «после того как по воле великого Ленина Москва вновь была объявлена столицей нашей Родины, она стала знаменосцем новой советской эпохи» (Сталин).

К полюсу недоступности

Штурман В. АККУРАТОВ

НА ШТУРМ. ПРАВ ЛИ БЫЛ ВИЛКИНС?

2 апреля пурга прекратилась. Мощный антициклон, охвативший всю восточную часть Арктики, принес солнечную, морозную погоду, которая, по предсказаниям синоптиков, должна была распространиться и на всю северную часть земного шара.

В 21.00 по московскому времени мы тепло простились с гостеприимными зимовщиками, и наш самолет, пробежав более двух километров, тяжело повис в воздухе.

— Придется идти в обход, — сказал Иван Иванович Черевичный.

— Держись над морем, выйдем к мысу Большевик, а там возьмем курс на север, — ответил я, видя, какого напряжения стоило Черевичному удерживать машину с такой перегрузкой на курсе.

Низко, совсем рядом промелькнули зеленые изломы нагромождений льда, а слева, выше нас, стремительно пронесся высокий, обрывистый берег острова. Медленно, словно нехотя, самолет набирал высоту. Шекуров, не спуская рук с секторов управления моторов, внимательно следил за стрелками многочисленных приборов, и все мы напряженно вслушивались в рев моторов, следя за выражением лица главного борт-механика.

— Отлично! Выдержат еще лишнюю тонну! — прибавляя газ, весело проговорил Шекуров, догадываясь о наших мыслях. Обернувшись ко мне, он добавил: — Моторы в порядке! Теперь веди нас хоть в межпланетное пространство!

Прошли мыс Большевик. Незыблемая базальтовая скала гордо высилась среди заснеженного и оледенелого пространства, безмолвно охраняя покой острова.

Меняем курс, и через несколько минут мы над океаном. Последняя земля остается позади. Черевичный крепко жмет мне руку и, улыбаясь темными, мужественными глазами, говорит:

— Не сказка ли это? Мы, простые люди, идем осуществлять то, что казалось недоступным всему миру!

— У меня самого как-то не все укладывается в мыслях! Но если это сказка, то наша, советская, ибо нет таких крепостей, каких бы не брали большевики!

— И возьмем!

— Возьмем!

Мы замолчали. Залитый потоками солнца застывший океан уходил в голубые дали. Что-то там, за этим заманчивым горизонтом, — тоже льды или неизвестные человечеству земли? Если океан, то какие глубины, какая в нем жизнь и есть ли она?

Сложная работа — вести корабль в этих широтах, а на мне лежит обязанность также наблюдать и зарисовывать сложные системы и формы льда.

В этом районе магнитные компасы работают очень неуверенно. Трудно предусмотреть, как компасы будут вести себя дальше (когда мы войдем в район «полюса недоступности»), — ведь там неизвестно даже магнитное склонение!

Вспоминаю полет на Северный полюс в 1937 году, когда до самого полюса нас сопровождал радиомаяк; тогда мы катились на полюс, словно по рельсам!

Здесь нет радиомаяка. Все наши средства — это астрономические расчеты.

* * *

Шел четвертый час полета. Несмотря на ясное голубое небо, сильный штормовый ветер северо-восточного направления сносил наш самолет влево на 22°. На широте 74°15' картина льдов резко изменилась. Пошли многолетние паковые льды. Огромные ледяные поля с

Экипаж самолета «СССР-П-169».

¹ Продолжение. См. «Вокруг света» № 10 за 1947 г.

мощными торосами оглаженных форм резко выделялись среди других видов льда. Пока все знакомо. Сюда мы неоднократно ходили в ледовую разведку.

Высота солнца, взятая на широте $76^{\circ}40'$, долготе $180^{\circ}30'$, показала, что мы уклонились влево. Ошибка была больше, чем допустимо. Проверили солнечный компас. Оказалось, что его часовой механизм замерз и прибор не работал. Быстро исправив ошибку, мы изменили курс.

В 8.00 3 апреля, на широте $77^{\circ}45'$, долготе $185^{\circ}00'$, мы перешли границу. Дальше начиналась область, где никогда не бывал человек!

Здесь, в этой точке, в 1928 году сидел Г. Вилкинс. Он измерил эхолотом глубину океана. Она равнялась 5 440 метрам. Так ли это? Нам предстояло проверить эти данные. Впереди все те же необозримые пространства льда. Большие поля, разделенные грядами торосов и узкими разводьями чистой воды, плывут под самолетом. Глаза неотрывно следят за горизонтом. Каждый новый километр пути сулит новое неожиданное открытие. На всех темные очки, но мы все же щуримся от потоков света, отраженного от ледяной поверхности.

Проходит час, другой. Ритмично гудят моторы. Черевичный и Острекин — в моей рубке. Здесь меньше

шума, свободнее и совсем тепло. Благодаря оранжевой окраске самолета, солнечные лучи нагревают кабину так, что можно сидеть без перчаток. А наружный термометр показывает минус 32 градуса!

Следя за льдами, мы уже час назад заметили много полей, годных для посадки. Это радует. Но будут ли такие же льды там, впереди?

— Да, очевидно, здесь новых земель нет! — несколько разочарованно произносит Черевичный. — Уж очень здесь глубок океан.

— А вы верите измерениям Вилкинса? Вот сядем и проверим сами, тогда и можно будет решать, есть ли здесь земли! — возражает ему Острекин и взглядом просит моей поддержки.

Я молчу. Сейчас меня больше всего интересует самолетовождение. Верны ли мои расчеты? Через час посадка. Только там, со льда, можно будет точно определиться, тогда будет получен ответ и на этот вопрос. В наши задачи не входило открывать новые земли, но все же мы не теряли надежды, — а вдруг откроем? Здесь ведь никто и никогда не был, а ученые предполагали, что где-то в этом районе должна находиться гипотетическая «Земля Гарриса», предсказанная на основании теоретических рассуждений.

Все чаще и чаще я беру высоты солнца и за пять минут до расчетного места объявляю:

— В 3.55 широта $81^{\circ}25'$, долгота $181^{\circ}00'$. Прошу приготовиться к посадке!

Черевичный, блестя глазами, кивает головой и, показывая на хаотические нагромождения льда, виновато пожимает плечами.

— Пройдем вперед! Вон там что-то белеет, — говорит он.

Через семь минут мы — над замеченной льдиной. Это большое поле старого образования, зажатое со всех сторон, как кольцом, тяжелым паковым льдом. Матовая снежная поверхность с небольшими застругами заманчиво блестит в лучах низкого солнца. Мы делаем круг, второй, пытаясь на-глаз определить толщину льда. Тревожно бьется мысль: выдержит ли? Льды так обманчивы!

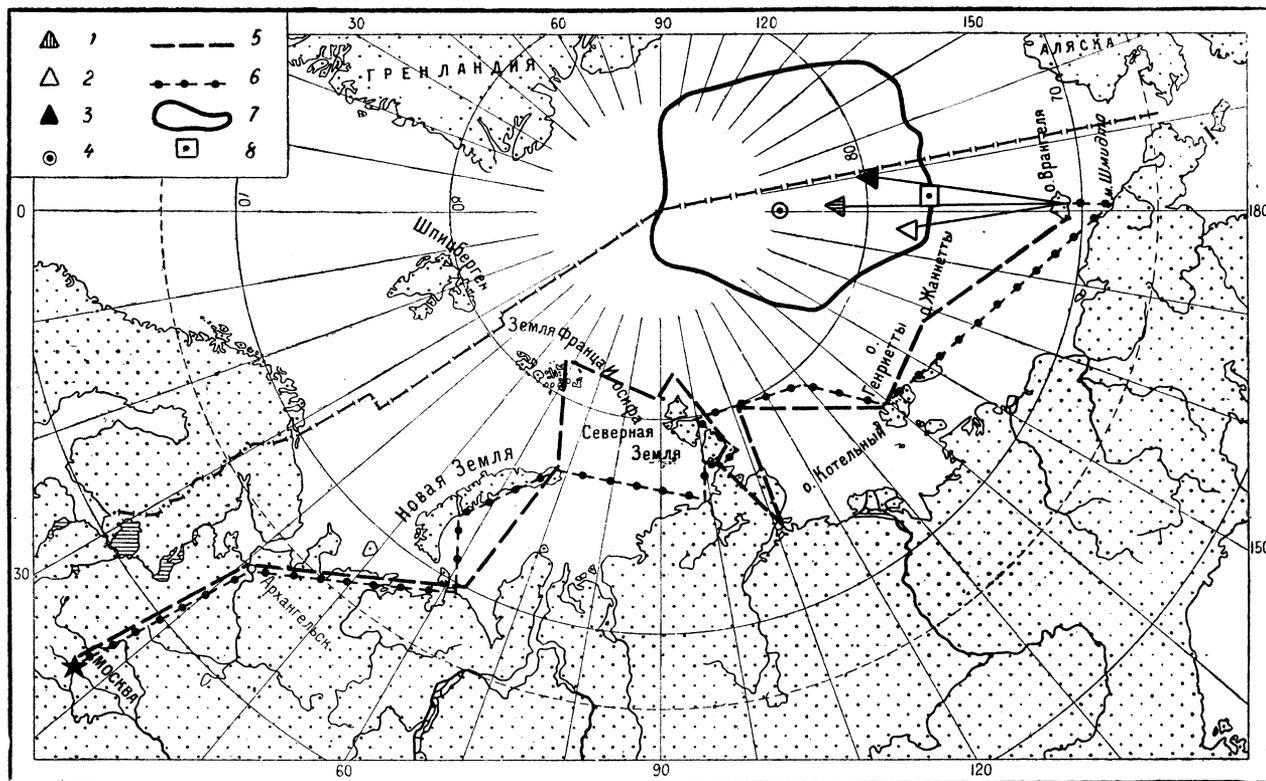
— Это старая льдина, ей не меньше двенадцати-пятнадцати месяцев! — кричит Иван Иванович, чувствую мой сомнения; они тревожат и его.

— Поле крепкое. Смотри, оно спокойно выдерживает давление окружающего льда, — отвечаю я.

Все прилипли к иллюминаторам, всех волнует вопрос: «Выдержит ли?»

— Что же, пошли?

— Пошли! — одновременно отвечаем мы с Каминским; и я сбрасываю на лед дымовые бомбы, чтобы легче найти льдину при заходе на посадку.

Обозначения на карте: 1. Льдина № 1. 2. Льдина № 2. 3. Льдина № 3. 4. Наиболее северная точка, достигнутая «СССР-Н-169» при третьем полете. 5. Трасса перелета из Москвы. 6. Трасса возвращения в Москву. 7. Граница района «полюса недостижимости» к 1941 году. 8. Место посадки Г. Вилкинса.

Но, как и следовало ожидать, на малой высоте мы потеряли наше поле. Огромные, зелено-голубые торосы, нагроможденные в виде беспорядочных валов, скрыли его из нашего поля зрения.

Наконец впереди, чуть слева, мы увидели длинный шлейф черного дыма и, зайдя против него, пошли на посадку. Низко, почти чиркая зубчатые хребты ледяных валов широкими лыжами, покачиваясь с крыла на крыло, чтобы обойти отдельные пики торосов, самолет перескакивает последнюю гряду и, мягко коснувшись снежной поверхности, стремительно бежит по полю. Машина резко подпрыгивает, потом еще и еще и останавливается.

Не выключая моторов, мы выскакиваем на лед.

Купаясь в ослепительных лучах солнца, гордо плещется водруженное нами пурпуровое знамя родины с силуэтом нашего великого вождя — И. В. Сталина. Неописуемое, радостное состояние!

Без шапок, тесно сбившись у древка знамени, мы кричим «ура» в честь того человека, с именем которого недоступное стало доступным.

Буйная радость постепенно уступает место осторожной, но уверенной деловитости. Быстро осматриваем льдину и ставим машину так, чтобы при первых признаках сжатия льда подняться в воздух. После осмотра все собираемся у самолета. Гидролог Черниговский, весь закутанный в меха, стучит ногой по льду и, горя глазами, говорит:

— Вот он, район «полюса недоступности»! Наш, советский!

И, не чувствуя холода, пересыпает колючие иглы снега с руки на руку с той теплой любовью, с какой перед посевом пробует землю на пашне крестьянин.

ЛАГЕРЬ НА ЛЬДИНЕ «ЛЕТАЮЩАЯ ЛАБОРАТОРИЯ»

Быстро разворачиваем лагерь. Оранжевыми маками вспыхивает снежное поле, обрстая палатками. Уточняем свое место. Координаты льдины № 1: широта $81^{\circ}27'03''$, долгота $181^{\circ}15'$, восточная.

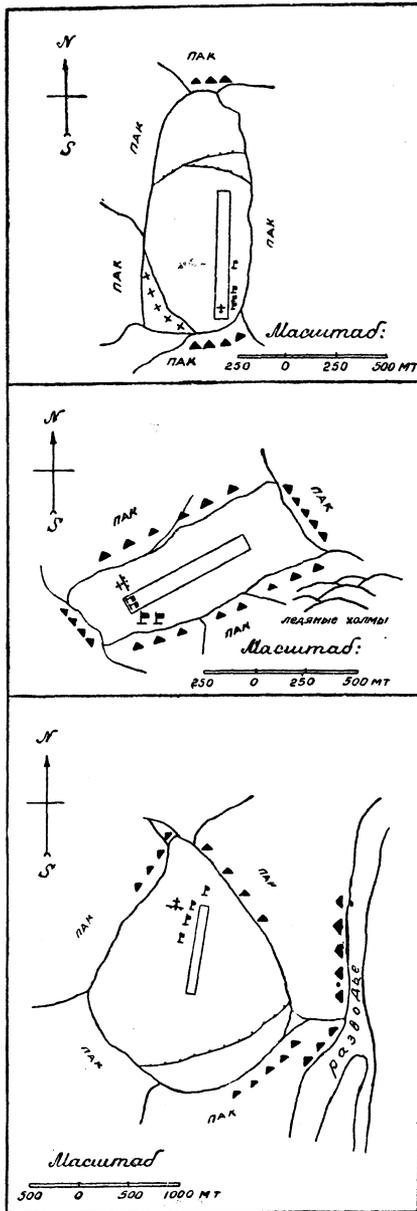
Наш неутомимый радист уже связался с мысом Шмидта. Короткое сообщение в Москву о произведенной посадке и о начале научных работ на льдине.

После восьмичасовой непрерывной работы все научные станции на нашей льдине были открыты.

Льдина представляла из себя поле, размером 1200 на 450 метров. К югу и северу от нас располагались поля пакового льда. Толщина снежного покрова была около 50 сантиметров. Восточный край имел следы торшения. К юго-западу торосы были более молодые и более хаотичные.

Поверхность льда была покрыта мелкими застругами, позволявшими посадку самолета на лыжах без всякой обработки.

К обеду лагерь представлял из себя целый городок.

На схеме изображены (сверху вниз) льдины № 1, № 2 и № 3, на которых совершал посадку самолет «СССР-Н-169». Крестиками обозначены следы недавнего сжатия, торосы.

Выстроившиеся в ряд с самолетом четыре палатки, метеостанция, радиоантенны, высокая мачта с альбом полотнищем флага родины, длинные ряды флажков, обозначающих аэродром, шум моторов радиостанции и гидрологической лебедки, аппетитное гудение примусов в жилых палатках, дразнящие ароматы камбуза, веселые переделки работавшего экипажа — все так не вязалось с этим таинственным наименованием «Рай-

он «полюса недоступности», что, казалось, — вот-вот (как шутил Каминский) появится милиционер и начнет регулировать движение на нашей улице!

В первый день посадки, когда после сытного обеда все собрались в самой большой из палаток и уютно расположились на мягких оленьих шкурах и спальных мешках, гидрологи сообщают первую потрясающую новость: на глубине 2647 метров лот достиг океанского дна! Это было так неожиданно, что никто не хотел верить, но батометр с этой глубины принес грунт — явное доказательство достижения дна океана. Сомнений больше не было, глубины на «полюсе недоступности» оказались в два раза меньше, чем предполагалось.

В палатку в клубах тумана холодного воздуха вполз через входной рукав Черниговский. Он осторожно что-то прижимал к груди.

Обжигаясь и дую на горячий кофе, Черниговский рассказывал:

— Что ни час, то новость! Смотрите, в океане богатейшая жизнь! А ученые всего мира предполагали, что этот район является также и «полюсом безжизненности»!—И он показал нам сосуд, где в воде снова появились маленькие ракообразные существа.

К утру закончили общие работы. Теперь все начали дежурить по вахтам. Непрерывно стучал мотор гидрологов, опуская трос в пучину океана и выхватывая из его мрака те или иные тайны, тысячекратно ревниво хранимые Арктикой. Так, например, на глубине 300 метров под слоем воды с отрицательной температурой до минус $1,68^{\circ}\text{C}$ был обнаружен слой воды с положительной температурой. Толщина этого слоя доходила до 750 изобаты¹. Это был тот могучий поток атлантических вод, который, как гигантская «теплоцентраль», пронизывает арктические воды Северного Ледовитого океана.

На вторые сутки пребывания в районе «полюса недоступности» Макарову удалось установить прямую радиотелефонную связь с Москвой.

Намеченная программа работ была выполнена досрочно — за четыре с половиной дня. Каждый работал за двоих и троих. Непрерывно, днем и ночью, велись научные наблюдения. Спали мы урывками, по два-три часа в сутки. Холодный, обжигающий воздух развивал невероятный аппетит. Дополняя до палаток, мы падали на кучу мехов и, не раздеваясь, засыпали мертвым сном. Разразившаяся пурга выдувала все тепло, и даже при непрерывно горящих примусах температура в палатках доходила до минус $18-20$ градусов. Особенно тяжело было просыпаться и выползть на стужу. Но никто

¹ Изобата — линия равной глубины.

Не падал духом, не жаловался, все были бодры и оживленны. Шутки и веселые голоса постоянно звучали в лагере.

С материком поддерживалась регулярная радиосвязь. Бесчисленные радиограммы постоянно напоминали нам о том, что родина заботливо следит за нами, наблюдая за нашей работой и жизнью на льдине. Находясь так далеко, мы совершенно не чувствовали себя оторванными от родины и с удивительной силой продолжали свою работу.

За короткие дни был собран ценнейший материал по гидрологии и гидрохимии, метеорологии и гравитации, аэронавигации и магнитологии, актинометрии и астрономии.

Вторичные измерения с целью контроля глубины океана почти подтвердили первую цифру: глубина равнялась 2427 метрам. Очевидно, это небольшое изменение произошло за счет дрейфа льдины в новую точку с координатами $81^{\circ}41' - 179^{\circ}34'$.

5 апреля погода стала портиться. Запуржило. Тучи снега со свистом несло по нашему «проспекту», заметая палатки сугробами. Зато стало теплее. Температура поднялась до -30° , однако пронизывающий ветер все усиливался, переходя в штормовый. Уже от самолета не льдно было гидрологической палатки. Все скрылось в беснующихся каскадах пурги. Чтобы не заблудиться, ходили по флажкам, расставленным цепочками.

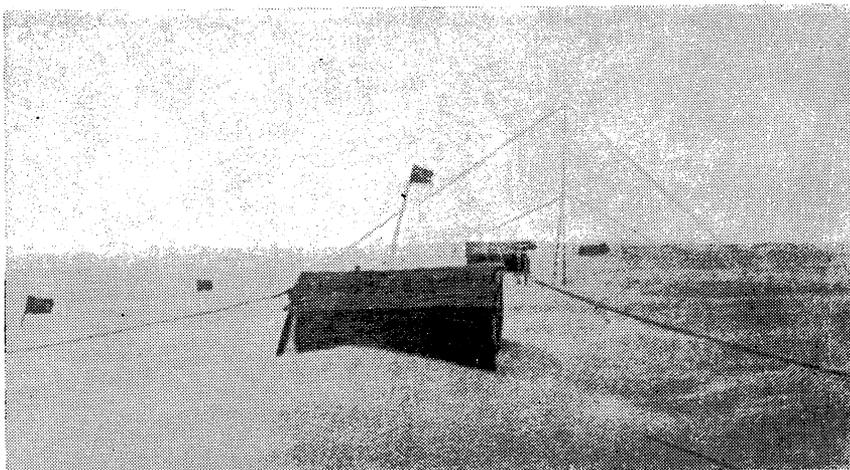
С тревогой стали прислушиваться: не ломает ли где лед? Самолет стоял в полной готовности, чтобы уйти, если начнется подвижка льда. В проруби гидрологической палатки уровень воды сильно колебался. Очевидно, где-то недалеко образовались большие пространства чистой воды, и волнение доходило сюда.

Всех интересовало, куда нас несет?

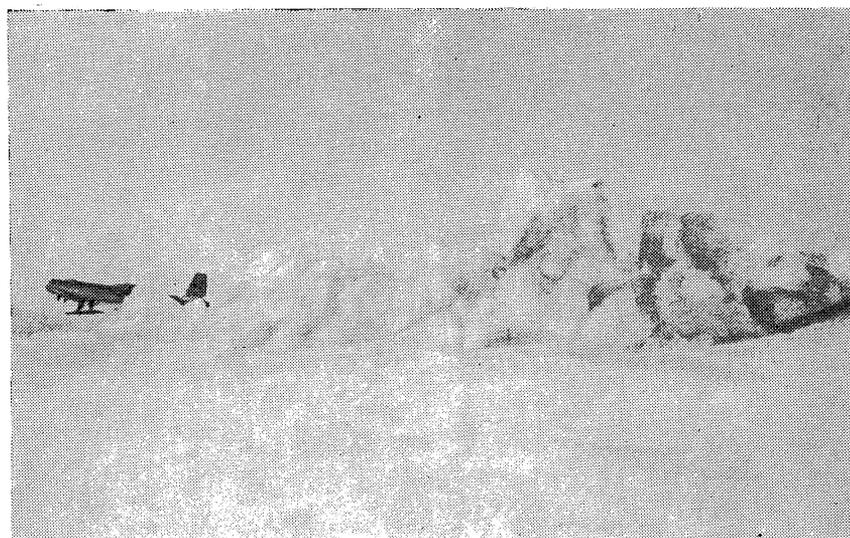
К вечеру дрейф выяснился. Наша льдина, медленно вращаясь против часовой стрелки, двигалась с общим потоком льда на запад-северо-запад со средней скоростью около 8 миль в сутки.

Этот день принес еще новость. Острекину удалось определить магнитное склонение: оно равнялось $+33^{\circ}$. Это были первые сведения об элементах земного магнетизма этого района.

6 апреля пурга прекратилась. Стало теплее, температура — минус 18 градусов, но появилась новая забота: ветер испортил аэродром! Теперь уже было не до сна; все свободные от вахт с лопатами бродили по полю, срывая заструги. В мехах стало жарко, работали в одних оленьих рубашках. Каминский за обедом с удовольствием поглядывал, как исчезали его яства. Appetit был у всех ужасающий! Холод, свежий воздух и двадцатичасовая работа в сутки требовали необходимого пополнения энергии.

Лагерь спит.

«СССР-169» на льдине.

Пилот М. Н. Каминский.

У жилой палатки в лагере.

8 апреля утром (по-московски в 7 вечера) все научные работы на льдине были закончены, и мы приступили к свертыванию лагеря. Быстро убрались палатки, лаборатории. По радио сообщили, что в 21.00 по московскому времени «Летающая лаборатория» заканчивает свои работы и стартует на остров Врангеля.

Наконец снимается и метеорологическая станция: беру последние показания приборов.

Делаем прощальный круг. Все утоптанно следами ног так, словно на льдине стояла целая дивизия. Даю курс на юг, на остров Врангеля. До первой твердой земли — 1350 километров. Погода отличная, но горячего в обрез. Дует сильный встречный ветер. Уже семь часов мы идем

над льдами. Никаких признаков земли. Но вот впереди появляется купечье облако. По расчетам — это земля. Я смотрю в бинокль и ясно вижу знакомое очертание острова Врангеля.

НА НОВОЙ ЛЬДИНЕ. ОШИБКА ВИЛКИНСА ИСПРАВЛЕНА

13 апреля в 01.45, получив все необходимые данные о погоде, стартовали на следующую льдину.

Над островом Врангеля стояла облачная морозная погода, но видимость была отличной. Обогнув остров с востока, мы легли на гене-

ральный курс. Самолет сильно болтало. Тяжело перегруженная машина вяло слушалась рулей. Погода ухудшалась. Началось обледенение, и видимость упала. Мы уже начали сомневаться в прогнозах синоптиков. Облачность все ниже и ниже прижимала нас к поверхности льда. Заряды снегопада уменьшали видимость до слепого полета. Но вот появились на льду солнечные пятна, облачность поднялась, и через два часа впереди засинел горизонт.

Взяв несколько высот солнца, мы определили свое местонахождение, не на много отличавшееся от расчетного. Как и в первый полет, нас сносило на запад. На широте $75^{\circ}18'$, долготе $180^{\circ}00'$ однообразная ледяная поверхность океана заперестрела большим количеством разводий чистой воды. Потом опять пошел тяжелый, многолетний лед. Снижаясь для определения давления воздуха на малую высоту, мы неслись над хаотическими массами льда.

Синие, белые и голубые торосы самых причудливых форм, сплетаясь в валы торшения, беспорядочно ползли во все стороны, отделяя ледяные поля одно от другого грозными и непроходимыми барьерами. С широты $77^{\circ}00'$ картина льда резко изменилась. Огромные разводья чистой воды, шириной до 1000 метров и длиной в 10—15 миль, заполнили все пространство. Ледяные поля носили следы свежего торшения; очевидно, здесь недавно происходили сильные перемещения льда.

Такая картина продолжалась на протяжении 80 миль. Дальше начался сплошной паковый лед в виде огромных холмистых полей. По мощности и возрасту он превосходил пак Северного полюса, Гренландского пролива и всех тех высоких широт, где приходилось бывать кому-нибудь из нас. Около сорока минут мы кружились над диким хаосом льда, отыскивая место, где бы можно было совершить посадку. Наконец наши поиски увенчались успехом. Между двумя большими полями пака мы заметили старое разводье, затянутое ровным, заснеженным льдом. Тщательно осмотрев его поверхность, мы сбросили дымовые бомбы и пошли на посадку.

Перевалив последнюю гряду торосов, касаемся лыжами ледовой поверхности. Машина дико скачет по застругам и останавливается рядом с высокими, пологими холмами. Быстро выскакиваем из самолета и осматриваем лыжи. Все в порядке, — недаром эта машина выдержала посадку на челюскинском аэродроме!

Осматриваем льдину. Все поле усыяно жесткими, как камень, застругами из затвердевшего от ветра снега. Со всех сторон оно опоясано высокими белыми торосами, которые по форме так напоминают холмы или степные барханы, что не верится — льды ли это? Быстро разбираем лагерь. Макаров уже связался с Большой землей. Взрываем лед, ставим лебедку, метеорологическую стан-

Спальная палатка. Бортмеханики Борукин и Дурманенко.

цию. Ветер играет алым полотнищем флага, а через два часа трос глубоководного лота медленно уходит на дно океана.

Поле крепкое, надежное, хотя его толщина всего 154 сантиметра. Для гарантии, на случай передвижки льда, Черевичный и Каминский отправляются искать выход для самолета на паковый лед.

На этот раз дело с разбивкой лагеря идет быстрее: у нас есть уже опыт. Ставим новую палатку. Даю первую сводку погоды. Лагерь № 2 открыт, дрейф «Летающей лаборатории» начался.

Утро принесло две новости. Первая: глубина океана оказалась равной 1856 метрам. Вторая: осматривая соседние паковые льдины, я обнаружил следы песка.

атлантические воды, идя на некоторой глубине, пронизывают весь Арктический бассейн.

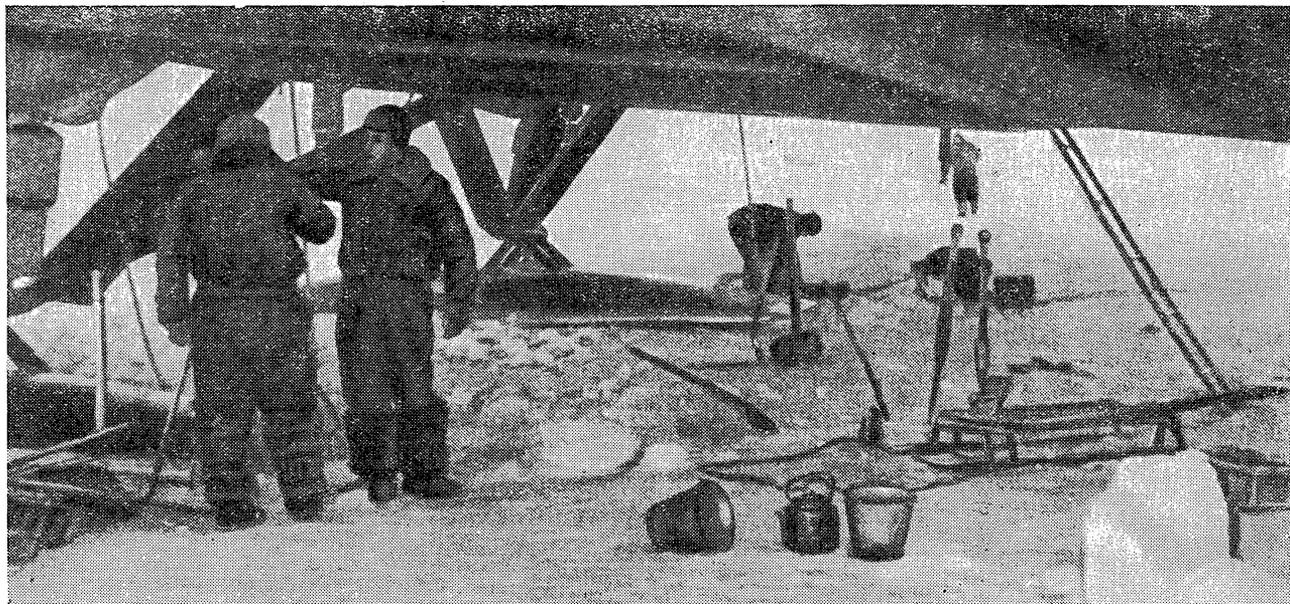
Научные наблюдения захватывали не только наших ученых, но и весь экипаж. Не было сил, которые могли бы помешать нам!

Утром 16 апреля нам нанес визит большой медведь. Он бродил по лагерю, по-деловому обнюхивая все предметы, попадавшиеся ему на пути. Его движения были настолько мирны, что, посоветовавшись, мы решили медведя не убивать. Он развлекал нас в течение двух суток.

Богатый мир океанских глубин, следы песка и, наконец, появление в нашем лагере «хозяина льдов» — белого медведя, бесспорно, доказывали, что, вопреки предположению ученых, никакого «полюса безжиз-

ность в точке 80°00' 190°00' восточной долготы. В полете на этой широте мы неожиданно встретили большие пространства открытой воды, и это заставило нас лететь дальше, чтобы проследить ее северные границы, так как появление здесь чистой воды было неожиданностью для науки. Кроме того, в заданной точке погода была настолько плохой, что о посадке не могло быть и речи. Дело в том, что в плохую погоду, вследствие отсутствия солнца, все неровности льда делаются совершенно незаметными, а следовательно, нельзя было выбрать и льдины для посадки.

Мы шли на малой высоте, низкая облачность и заряды густого снегопада прижали нас совсем к поверхности льда. Иногда мы входили в

«СССР-Н-169» перед уходом со льдины.

Мое открытие было встречено недоверчиво, пришлось водить товарищей в торосы, где в 300 шагах от самолета на снегу отчетливо вырисовывалась цепочка следов песка.

Измерения показали, что нашу новую льдину дрейфовало на запад со скоростью 3 миль в сутки, в то время как первую несло курсом 293° со скоростью 8 миль в сутки.

Наша вторая посадка была значительно ближе к точке Вилкинса, и полученная нами глубина 1856 метров окончательно убедила нас, что американские измерения были ошибочны. Обнаруженный на первой льдине теплый слой атлантических вод на глубинах от 300 до 750 метров был также зафиксирован и при измерениях со льдины № 2.

Из сопоставления этих данных с измерением вод в западном секторе Арктики при дрейфах нансеновского «Фрама», «Седова» и станции «Северный полюс» видно, что теплые

потоки в Центральном бассейне Арктики не существует. Жизнь земного шара богата и разнообразна, будь то раскаленные пески Кара-Кумов или оледенелое пространство Северного Ледовитого океана.

17-го утром научные станции одна за другой заканчивали свою программу. В 00.30 самолет уже стоял с работающими моторами. Все были на местах, только мы с Острейкиным заканчивали свои последние наблюдения. В самый последний момент из торосов вышел медведь и направился к самолету.

Мы забрались в машину. Черевичный дает газ, моторы дико взывают, и я вижу, как мишка в страхе улепетывает в сторону. Делаем круг над льдиной и берем курс на юг.

После предварительной обработки не терпящего отлагательства материала 22 апреля, в 19.05, мы вылетели на льдину № 3. Из Москвы было получено задание

полосы тумана; и тогда все скрывалось в его молочной белизне. Прошел час. Погода не улучшалась, а наоборот, делалась все хуже и хуже. Началось обледенение. Мы изменили курс и пошли западнее, чтобы выскочить из фронта, не учтенного синоптиками; он, как мы предполагали, двигался на восток. Но и там погода не улучшилась. Машина все больше и больше тяжелела от нарастающего льда. Оборвало одну из антенн. Положение ухудшалось. Уже больше тридцати минут мы шли вслепую на высоте 40—50 метров, и только изредка прямо под нами мелькали в просветах черные разводы воды.

На расчетной широте 83° погода не улучшилась. Не видя льда и неба, мы развернулись и взяли курс к точке 80°00', 190°00'.

Через полтора часа полета на юг погода стала улучшаться. Очевидно, за эти три с половиной часа,

Встреча «СССР-Н-169» экипажем И. П. Мазурука, когда самолет вернулся из района «полюса недоступности». Слева направо: Морозов, Гечин, Аккуратов, Мазурук, Черевичный, Каминский.

пока мы метались в пурге и тумане, фронт прошел. В 4.00 я объявил, что прибыли в указанную точку. В низкую разорванную облачность слабо просвечивало солнце, и почти под собой мы увидели большое ровное поле, окруженное грядами торосов. Сделав несколько кругов, пошли на посадку. Дикие прыжки, грохот, и машина останавливается. Бросаемся под шасси, они целы, но левая лыжа имеет широкую трещину по всей своей массивной подошве. Шекуров тщательно осматривает ее, подвывая самолет гидравлическим домкратом, и спокойно произносит:

— Пока вы будете заниматься наукой, лыжа будет починена.

Льдина большая — 2 на 2,5 километра, толщина ее 205 сантиметров. Но вся она в жестких снежных застругах.

Все, как только освобождаются от научных наблюдений, идут на

взлетную дорожку сбивать заструги. Механики день и ночь возьмется с лыжей, что-то пиллят, стругают и клепают.

Измерена глубина океана. Она оказалась самой большой — 3 368 метров! Острекин уточнил координаты. Наша точка — $79^{\circ}59'$, $190^{\circ}05'$.

Товарищи поздравляют меня. Должен сознаться, такая точность удивила и меня. Потом, месяц спустя, когда я об этом читал в «Правде», в душе гордился, но отлично понимал, что это дело случая, так как такая точность при современной технике еще не всегда достижима.

28 апреля научные работы закончились. Одновременно была закончена работа на аэродроме и поставлена отремонтированная лыжа.

Взлетная дорожка длиной в 500 метров матово отсвечивает перерытым снегом. Аэродром маловат, но

машина облегчена за счет горючего, так как мы летели сюда с острова Врангеля девять часов.

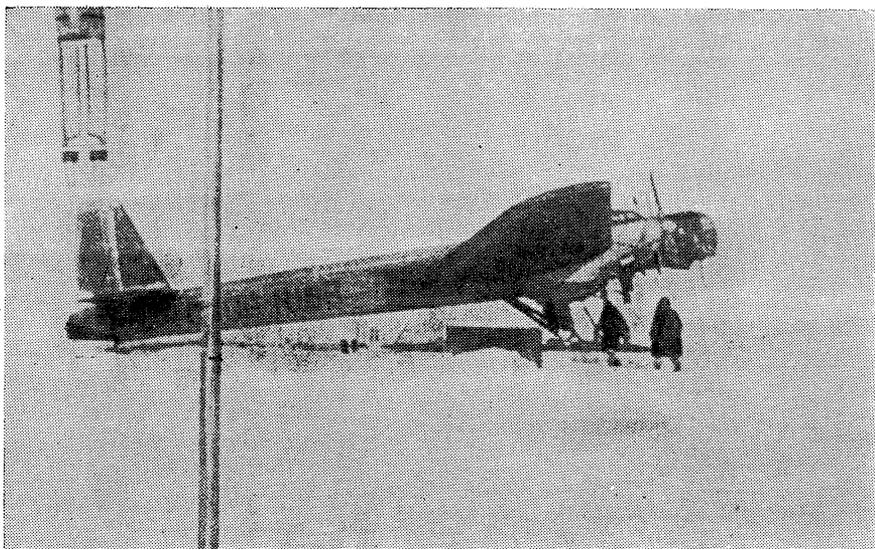
Каминский устраивает прощальный банкет; механики деятельно помогают ему. Короткие, но жаркие тосты. Мы с любовью и благодарностью поднимаем наши бокалы за здоровье того человека, с именем которого «полюс недоступности» встал на службу нашей великой родины, — за Сталина.

Самолет в воздухе. На высокой мачте в белоснежном поле гордо реет алое знамя — символ борьбы за гуманизм, за счастье народов.

Экипаж с благоговением смотрит на освещенное солнцем знамя, и Черевичный тихо напевает:

«Никто пути пройденного у нас не отберет!»

Мы подхватываем песню и мчимся по солнечной дороге на юг, к Большой земле, к большой жизни!

Обновленная земля

С. ВЛАДИМИРОВ, В. ЕЛАГИН¹

Рис. Л. Таранова

Этого не было на карте страны

Путешествуя по родной стране, мы редко задумываемся над тем, как изменилось ее лицо за годы советской власти.

А изменения произошли колоссальные. В местах пустынных выросли новые города, села, раскинулись бескрайние нивы, пролегли дороги и каналы. Трудолюбивыми руками советского народа созданы целые моря. Даже неполный список сооружений, воздвигнутых народом за последние тридцать лет, не вместился бы в десятках пухлых томов. Одних только новых городов на нашей земле за годы советской власти выросло 352, причем многие из них возникли на абсолютно пустынных местах.

География СССР меняется ежегодно, ежедневно. Огромные наши пространства осваиваются, обживаются и «оборудуются» в соответствии с нуждами и желанием народа.

Вот несколько примеров того, что появилось на карте СССР за последние тридцать лет.

На восточном склоне Урала есть интересная гора — Магнитная. Местные жители давно заметили, что в сапогах, подбитых железными гвоздями, по этой горе трудно ходить — сапоги как будто прилипают к горе.

Магнитной горой давно заинтересовались русские ученые-геологи. Оказалось, что гора почти сплошь состоит из магнитного железняка — первосортной железной руды. Но только советские геологи тщательно изучили и подсчитали запасы руды, и оказалось, что район горы Магнитной — одно из самых крупных в мире месторождений железа.

У подножья горы Магнитной в 1930 году развернулось гигантское строительство. По указанию партии большевиков, по личной инициативе товарища И. В. Сталина советский народ решил создать на базе магни-

тогорского железнорудного месторождения самый крупный в мире металлургический комбинат — центр восточной металлургии.

Но металлургическая промышленность требует много топлива: высококалорийного каменного угля. Чтобы освоить магнитогорскую железную руду, необходимо иметь достаточно мощные запасы каменного угля.

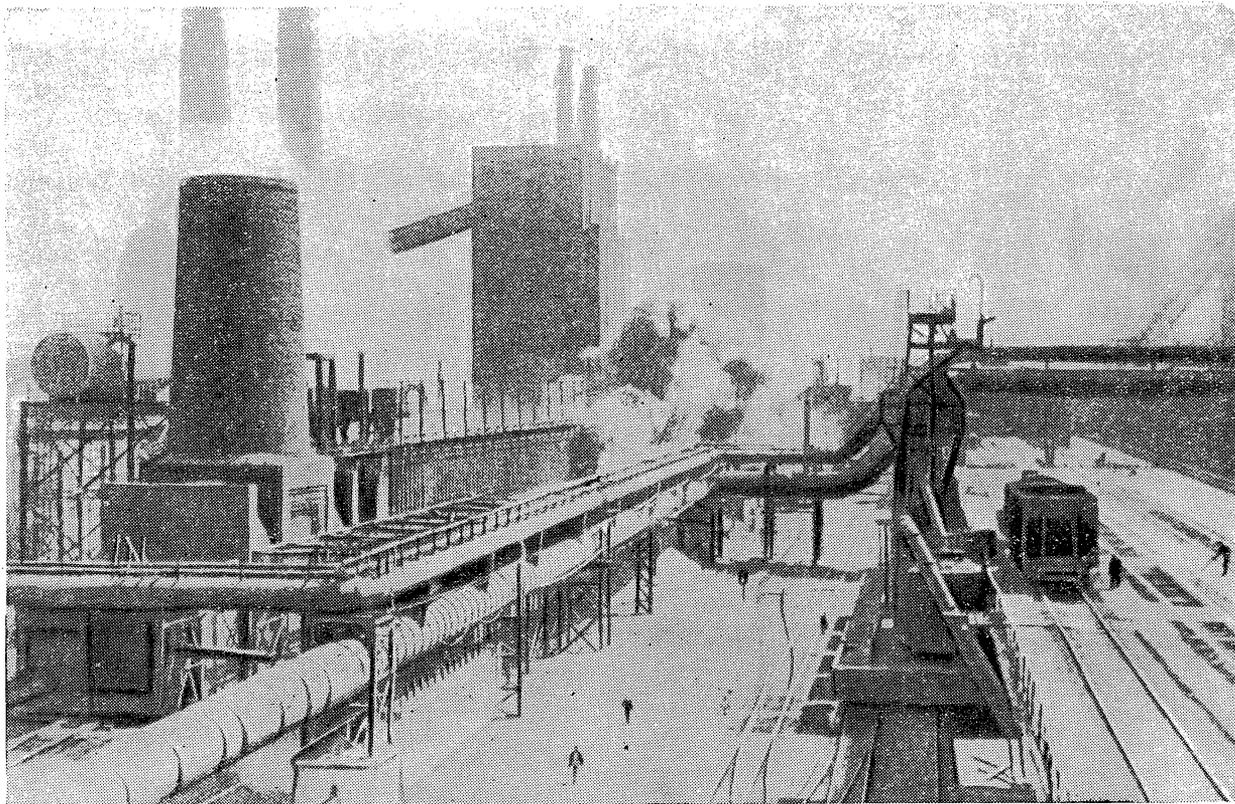
И опять на помощь пришли геологи — разведчики земных богатств: на Урале, в Сибири и в Казахстане ими были тщательно изучены месторождения каменного угля, давно известные, но почти не разрабатываемые. Оказалось, что Казахстан, Сибирь и Урал имеют запасы каменных углей, превосходящие Донбасс.

Большевики объединили магнитогорскую руду с кузнецким и карагандинским углем в одно целое и создали на востоке новую металлургическую базу.

Прошло семнадцать лет с момента закладки Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина. Теперь этот гигант советской индустрии не имеет себе равных во всем мире.

К 1940 году комбинат имени Сталина давал стране металла больше, чем вся металлургия царской России в 1913 году.

¹ Продолжение. См. «Вокруг света» № 10 за 1947 г.

Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина. Коксовые батареи, вступившие в строй в период войны.

У горы Магнитной созданы крупнейшие рудники, бесперебойно снабжающие комбинат рудой. Здесь вырос большой город, насчитывающий сотни тысяч жителей.

Не менее разительные перемены произошли и в местах каменноугольных месторождений, снабжающих комбинат имени Сталина топливом. Из небольшого поселка в степях Центрального Казахстана вырос огромный благоустроенный социалистический шахтерский город Караганда, насчитывающий несколько сот тысяч жителей.

В Сибири, в Кузнецком каменноугольном бассейне, за короткий срок возникла целая плеяда городов (более пятнадцати) с населением от 10 до 500 тысяч. Некоторые из них возникли на пустом месте, другие за годы сталинских пятилеток разрослись из небольших поселков.

В годы Великой Отечественной войны, когда фашистские полчища вторглись в Криворожье и Донбасс, в эти тяжелые годы почти всю промышленность страны снабжали металлом и углем Урал, Кузбасс, Караганда.

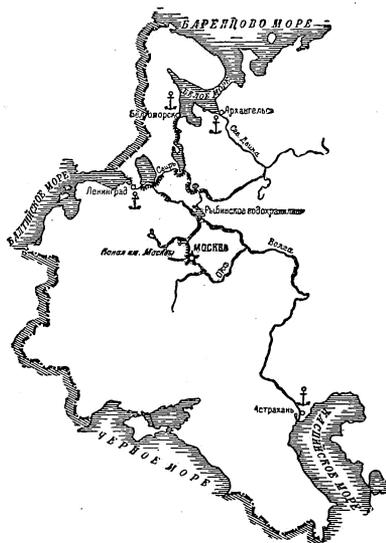
В годы новой сталинской пятилетки Магнитогорск и Кузбасс намного увеличат свою производительность. Города этих промышленных районов расцветут еще пышнее. К 1950 году Магнитогорск будет одним из самых крупных, самых благоустроенных и самых красивых промышленных городов Советского Союза.

Канал имени Москвы

В старой народной песне есть такие слова:

Кабы Волга-матушка
Да вспать побежала...

Это был символ невозможного.

Но советский народ не признает невозможного. При советской власти оказалась выполнимой даже такая задача, как поворот Волги-матушки вспать.

Столице нашей родины—Москве—угрожал водный голод. Разросшийся город требует миллионы ведер воды ежедневно. Обмелевшая Москва-река была неспособна удовлетворить город водой. Гидротехники подсчитали, что около Москвы по реке протекает воды в несколько раз меньше, чем требуется городу. Короче говоря, город мог бы «одним глотком осушить реку» на десятки километров.

Чтобы коренным образом разрешить проблему снабжения города водой, Иосиф Виссарионович Сталин предложил «вернуть» Волгу вспать и направить часть ее вод в Москву.

По замыслу Сталина было воздвигнуто грандиознейшее сооружение: 128-километровый канал Москва—Волга, ныне переименованный в канал имени Москвы. Через грядущие холмы, высотой в несколько десятков метров, по каналу воды Волги влились в Москву и навсегда разрешили проблему снабжения города водой. Уже в 1939 году каждый москвич получал по 300 литров воды ежедневно. Такой нормы не может дать жителям ни одна столица мира. За десять лет существования канала насосными стан-

циями подано в Москву около 9 миллиардов кубометров воды. Если бы слить ее в одно место, получилось бы огромное озеро. К концу плитетки канал позволит увеличить норму потребления воды в городе до 600 литров ежедневно на каждого жителя.

Но постройка канала разрешила и другие проблемы. Канал стал замечательной водной трассой и превратил Москву в порт трех морей — Белого, Балтийского и Каспийского. За десять лет по каналу было перевезено более 19 миллионов тонн различных грузов и около 25 миллионов пассажиров. Канал насчитывает свыше 200 замечательных сооружений: шлюзов, плотин, гидроэлектростанций, пассажирских вокзалов. В разных местах через канал перекинуто 7 железнодорожных и 12 шоссейных мостов.

Почти все сооружения канала управляются автоматически из одного пункта.

К 10-летию канала имени Москвы. Речной вокзал Химки.

Для того, чтобы «перебросить» через водораздел огромные массы воды, нужные Москве (попутно они заполнят водораздельный участок канала и, следовательно, послужат и для транспорта), с «волжской» стороны работают мощные насосные станции. Они потребляют много энергии. Зато на скате, обращенном к Москве, выстроено несколько гидроэлектростанций, которые возвращают часть энергии, затраченной на другом скате на подъем воды. Все же, хотя гидростанции и дают энергии меньше, чем берут насосные станции, плановое хозяйство позволяет создать благоприятный режим: насосы работают в те часы, когда в кольце «Мосэнерго» имеется свободная мощность, а гидростанции сбрасывают воду в те часы, когда потребность Москвы в энергии осо-

бенно велика. В результате канал входит в энергетическую систему Москвы как положительный фактор.

Величественное сооружение сталинских пятилеток — канал имени Москвы — был построен в рекордно-короткий срок — за 4 года и 8 месяцев. (Панамский канал строился 35 лет.)

Вдоль трассы канала сооружено несколько огромных водохранилищ, и среди них такие, как Истринское и знаменитое «Московское море».

«30 августа 1921 года утром выступили мы, довольно усталые, в долину между двумя отрогами Ку-кисвумчорра. Идя по левому зеленому склону, пересекли ручей и в выносах этого потока нашли большое количество зеленых глыб апатитовой породы... Так был найден в Хибинах первый апатит». Об этом рассказал в одной из своих статей академик А. Е. Ферсман. Через восемь лет, в 1929 году, на месте найденного апатита научной экспедицией был построен первый деревянный домик. С него и начался новый город. Первоначально жилищное строительство планировалось здесь на 5 тысяч человек. Но уже к 1940 году в новом городе жило и работало свыше 40 тысяч человек. Новый город, носящий имя зачинателя освоения северо-запада нашей родины — Сергея Мироновича Кирова, поставляет теперь нашему сельскому хозяйству миллионы тонн минеральных удобрений.

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» Эти замечательные слова Владимира Ильича Ленина знает каждый советский человек.

Ленин уделял огромное внимание электрификации страны. В наследство от царской власти нам досталось всего лишь несколько мелких, в основном тепловых электростанций. Они не могли обеспечить даже

освещение наиболее крупных городов.

Советскому народу надлежало в кратчайший срок заново создать свою энергетическую базу, способную обеспечить энергией всю страну и ее бурно растущую промышленность.

В первые же годы советской власти под руководством В. И. Ленина был разработан план электрификации страны — знаменитый план ГОЭЛРО. Уже в 1918 году были предприняты первые шаги электрификации. Под непосредственным наблюдением Ильича была заложена первая крупная гидроэлектростанция на реке Волхов.

Волховская ГЭС обеспечила дешевой электроэнергией ленинградскую промышленность и нужды самого города. (Стоимость одного киловатт-часа энергии Волховской станции 1,7 копейки.) Инженеры подсчитали, что для того, чтобы заменить энергию Волховской электростанции тепловой установкой, в Ленинград необходимо было бы доставлять 240 тысяч тонн угля ежегодно, для чего потребовалось бы 15 тысяч вагонов и 300 паровозов, не говоря уже о колоссальных затратах времени, сил и средств на добычу этого угля.

Ленинский план ГОЭЛРО давно выполнен. По этому плану было построено свыше 30 крупных электростанций, таких, как Волховская, Шатурская, Каширская и др.

8 ноября 1927 года на Днестре, ниже знаменитых порогов, была заложена гигантская гидроэлектростанция — Днепрогэс. 10 октября 1932 года состоялся пуск первой очереди станции. За пять лет река была перепоясана огромной плотинной длиной в 760 метров. Высота плотины достигает 60 метров. Объем ее — 720 тысяч кубических метров.

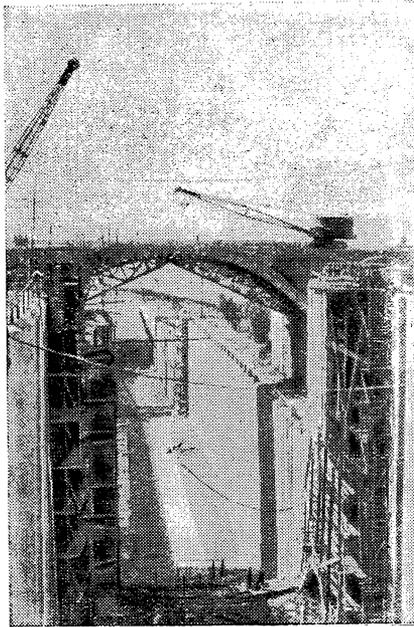
Днепрогэс имени Ленина — это первенец первой сталинской пятилетки.

Свыше полумиллиона киловатт — такова мощность этого гиганта. Днепрогэс обеспечила током близлежащие заводы и фабрики Запорожья, Днепропетровска, Днепродзержинска и других городов. Энергию получили сотни колхозов и совхозов. Трехсоткилометровая линия передачи высокого напряжения соединила Днепрогэс с Донбассом. Советские инженеры объединили тепловые донецкие электростанции с Днепровской гид-

роэлектростанцией имени Ленина в единый энергетический узел. Это намного повысило производительность станций. Весной, когда на Днестре очень много воды, Днепрогэс может обеспечить током почти весь Донбасс. Тепловые станции в это время сокращают работу — ремонтируют оборудование, машины, экономят уголь. К осени, и особенно зимой, Днепр мелеет, и Днепрогэс вырабатывает энергии меньше. Тогда ему на помощь приходят донецкие тепловые станции. До объединения станций Днепрогэс каждую весну сбрасывала вхолостую огромные массы воды через плотину, так как избыток энергии весной некуда было девать.

Плотина Днепровской станции, повысив уровень воды, затопила днепровские пороги и сделала Днепр от Черного моря до верховьев судоходным.

Гитлеровцы варварски разгромили одно из величайших сооружений советского народа. Они разбили станцию, уничтожили машины и оборудование. Но как только враги были изгнаны с Украины, советские люди снова явились на Днепрогэс. И снова здесь, как и двадцать лет назад, закипела работа. В рекордно короткий срок была восстановлена плотина, отремонтировано здание станции и смонтированы первые турбины.

Запорожье. Днепровский плот в предпусковой период. (Снимок сделан 19 мая 1947 г.)

Уже в 1947 году Днепрогэс снова дал ток. Энергия Днепрогэса поможет быстрее восстановить заводы и шахты южного угольно-металлургического района.

Ферганская долина по праву считается самым богатым оазисом советской Средней Азии. Обилие солнца, теплый климат, плодородная земля позволяют здесь выращивать обильные урожаи теплолюбивых культур.

Но очень часто посевы в этой долине страдали от недостатка воды. Устойчивые высокие урожаи таких культур, как хлопок, здесь возможны только при искусственном орошении.

И вот в 1939 году колхозники Ферганы решили построить в долине мощный оросительный канал. К месту строительства стали стекаться тысячи строителей.

При поддержке партии и правительства колхозники Ферганы взялись за дело. Энтузиазм строителей был так велик, что строительство 270-километрового канала было закончено в несколько месяцев. Широкая лента воды прорезала самую засушливую часть долины и напоила поля живой влагой. Тысячи гектаров земли стали давать гарантированные высокие урожаи хлопка и других культур.

На строительстве Тедженского водохранилища. Колхозник сельхозартели «Захмет» Ашхабадского района Мамед Широв, выполняющий на строительстве до трех норм.

Так на карте страны появился еще один канал, сооруженный руками колхозных хлопкоробов.

До Великой Октябрьской социалистической революции почти все побережье северных морей считалось «белым пятном». Туда редко проникали путешественники, и мало что было известно об этих суровых краях.

Советские ученые шаг за шагом обследовали север страны. Они проникли в самые дебри тайги, колесили по снежным пустыням тундр, тщательно осматривая и изучая недра земли. И вот оказалось, что мрачные заполярные места, где полгода длится непроглядная ночь, а восемь-девять месяцев зима, являются во многих местах богатейшими кладовыми ценнейших ископаемых. Так, в районе северной оконечности Уральского хребта были обнаружены огромные залежи отличного каменного угля. В дни Великой Отечественной войны к этому каменноугольному месторождению была проложена железнодорожная линия, и бывшее «белое пятно» моментально ожило. Возник в Заполярье еще один новый город — Воркута. Воркутинский уголь уже в дни войны эшелонами доставлялся в Ленинград.

Яркие электрические огни Воркуты прорезают теперь мрак полярной ночи. В городе кипит напряженная работа. Жители нового города, — а их уже тысячи, — вместе со всей страной упорно выполняют сталинские задания новой пятилетки.

Почти на той же широте, что и Воркута, но значительно восточней, в 120 километрах от устья Енисея, на белой равнине тундры возник еще один промышленный город — Норильск.

Изучая «белое пятно» этого района, советские геологи открыли крупнейшее в СССР месторождение никеля. При более тщательном изучении местности были найдены, кроме того, каменный уголь, графит и другие ископаемые.

В 1937 году началось строительство Норильского никелевого комбината. Теперь этот комбинат уже дает стране никель. Норильск из небольшого поселка в несколько лет превратился в крупный промышленный центр.

* * *

Весь некогда пустынный берег северных морей от Мурманска до Чукотского мыса за годы советской власти покрылся десятками поселков, портов, зимовок и факторий. В суровых водах Ледовитого океана советскими людьми проложен один из величайших морских путей — Северный морской путь, по которому ежегодно проходят десятки, сотни судов, груженных богатствами Севера — лесом, рыбой, пушниной, углем, рудой.

РОСТ ГОРОДОВ

Мы уже много говорили о новых городах, возникших в нашей стране в последние три десятка лет, в годы советской власти.

Но и старые города за эти тридцать лет изменились до неузнаваемости.

Возьмем, например, Свердловск. До революции это был захолустный уездный город Екатеринбург. Несмотря на то, что он являлся центром крупного промышленного района на Урале, население его в 1861 году едва насчитывало 30 тысяч человек, хотя в городе уже тогда работало тридцать крупных, по тому времени, предприятий. Правда, мы теперь назвали бы их мелкими кустарными мастерскими, где в основном применялся ручной труд.

Только в годы советской власти Екатеринбург, переименованный в 1924 году в Свердловск, развернулся в крупнейший промышленный и культурный центр страны. Уже к 1939 году население города выросло до 425,5 тысячи человек. На месте мелких кустарных заводов и мастерских выросли такие гиганты индустрии, как Уралмаш, вагоностроительный завод, металлургический и ряд других. Валовая продукция города выросла по сравнению с дореволюционной в 80 раз! Город стал крупнейшим железнодорожным узлом. В восьми вузах и десятках техникумов готовятся высококвалифицированные кадры. В городе насчитывается свыше 20 научно-исследовательских институтов, филиал Академии наук СССР, театры, музеи, консерватория.

В 1939 году в одной Москве было населения больше, чем в двенадцати крупнейших городах России в 1897 году. В Москве в 1939 году насчитывалось 4 137 тысяч жителей, в то время как в Москве, Петербурге, Одессе, Киеве, Тифлисе, Саратове, Казани, Ростове на Дону, Туле, Астрахани, Екатеринославе и Баку, вместе взятых, в 1897 году насчитывалось 3 988 тысяч, то есть почти на 150 тысяч жителей меньше.

Морской порт Игарка

Далеко на севере, за Полярным кругом, на берегу Енисея, в 1928 году появилось несколько домиков. Какие-то люди бродили по тайге, по берегу реки, что-то измеряли, изучали... Через год у Игарской протоки Енисея образовался настоящий поселок, насчитывавший 43 постоянных жителя. Это были советские исследователи — геологи, гидротехники, строители. Они прибыли сюда по заданию правительства, чтобы обследовать район Игарской протоки, а затем и заложить здесь новый морской порт для вывоза с севера Сибири леса.

К 1932 году в Игарке было уже 12 370 жителей. Уже в 1930 году вновь возникший порт посетило 27 пароходов. К Игарскому порту стал стекаться лес. В городе был построен лесокombинат из нескольких лесопильных заводов.

Игарка стала теперь самым крупным населенным пунктом Заполярной Сибири, крупнейшим портом страны, в который заходят океанские пароходы. Они везут из Игарки Великим Северным морским путем советский лес во все страны мира. В окрестностях Игарки раскинулся самый северный совхоз страны. Несмотря на вечную мерзлоту, суровый климат, советские агрономы научились и здесь, на 67-й параллели, выращивать овощи, картошку и даже хлебные злаки.

По зову партии летом 1932 года тысячи комсомольцев различных областей и краев выехали на Дальний Восток, к берегам многоводного Амура. Здесь, в глухой тайге, решено было заложить город — новый промышленный и культурный центр.

Горячо принялись за дело комсомольцы. На берегу Амура началось строительство судовой верфи, сталелитейного завода и других предприятий. Одновременно росли и жилые дома — возникал город.

В этом году страна отметила пятнадцатилетие города, которому присвоено имя его строителей — Комсомольск.

В письме к товарищу Сталину жители города юности писали о своих достижениях. За пятнадцать лет Комсомольск вырос в один из крупных городов страны. В 1947 году в Комсомольске насчитывалось свыше 100 тысяч жителей.

Со ступеней верфи сошли на воду и бороздят воды Дальнего Востока десятки судов. Огромный завод «Амурсталь» снабжает сталью ряд заводов Дальнего Востока. Топливом и жидким горючим жители Комсомольска снабжают шесть соседних областей и краев. В городе выстроено несколько сот отличных жилых домов, 11 больниц и поликлиник, 36 школ, 40 яслей и детских садов, 2 техникума, дворец культуры, 16 клубов, 30 библиотек, драматический театр, гостиница, несколько кинотеатров и т. д. Свыше 160 тысяч квадратных метров площадей и улиц города покрыты асфальтом.

В городе выросли замечательные люди. Многие зачинатели города, начавшие свою жизнь в городе землекопами, теперь стали инженерами, руководителями советскими и партийными работниками. Первым делом, родившимся в Комсомольске, исполнилось вместе с городом по пятнадцати лет.

Особенно хорошо потрудились жители города в дни Отечественной войны. За отличное выполнение заданий правительство наградило расположенный здесь машиностроитель-

ный завод орденом Ленина, а судостроительный завод — орденом Трудового Красного Знамени.

За пятнадцать лет в тайге были созданы крупный промышленный и культурный центр, мощный транспортный узел.

В Армении, высоко над Араратской долиной, расположено одно из величайших высокогорных озер — Севан. Севан собирает воду 28 горных рек и речек. Из озера вытекает в долину всего лишь одна небольшая река.

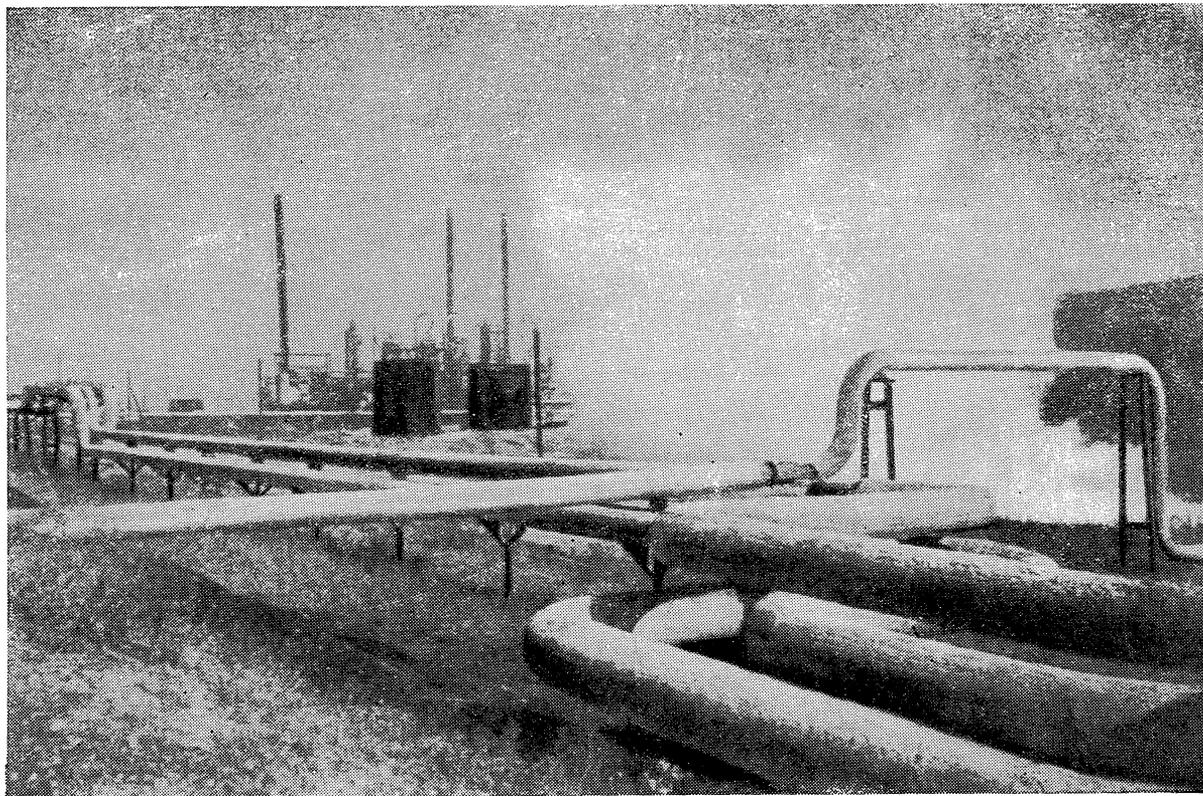
Ученые подсчитали, что Севан ежегодно от рек и дождей получает 1 миллиард 320 миллионов кубометров воды. Вытекает же из озера за год всего лишь 100 миллионов кубометров. Куда же девается остальная вода? Испаряется. Севан испаряет ежегодно своим гигантским зеркалом (поверхность озера около 1500 квадратных километров) свыше миллиарда кубометров воды! Вот какую ко-

лоссальную работу проделывает озеро!

Советские ученые и инженеры решили «заставить» Севан работать на благо народа. Чтобы Севан не испарял так много воды, нужно уменьшить его поверхность. Разработан и сейчас приводится в исполнение смелый план спуска озера. В течение пятидесяти лет из озера по тоннелям, акведукам и каналам в долину будет спущено огромное количество воды. Через пятьдесят лет зеркало озера уменьшится в 7 раз и его поверхность будет равняться 200 квадратным километрам. Оно станет испарять немногим больше 200 миллионов кубометров воды, а 700 с лишним миллионов кубометров будет сбрасывать в долину.

От озера до дна долины вода будет падать почти километр. Силу этого падения и решили использовать советские строители. По пути стока севанской воды будет построен целый каскад из восьми электростанций. Весь каскад даст Армении электроэнергию в количестве, равном полной мощности Днепровской ГЭС.

Уже сейчас одна станция каскада дает промышленный ток, скоро вступит в строй другая. Идет строительство и на части других станций. Севанская вода, отработав в электростанциях, разольется по долине и напоит досыта сотни тысяч гектаров колхозных полей.

Саратов. Нефтеперегонный крекинг-завод.

У южной оконечности Урала, в Оренбургских степях, во время Великой Отечественной войны возник новый город — Ново-Троицк. Город этот рос буквально не по дням, а по часам. Уже к 1946 году в горде было выстроено несколько сот домов, несколько школ, техникум, театр и кино. Город насчитывал в 1946 году около 20 тысяч жителей.

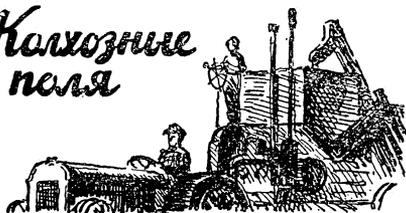
Почему же возник в этих пустынных местах новый город?

Дело в том, что в Оренбургских степях советские ученые обнаружили крупнейший «склад» различных руд: медной, никелевой, железной. При этом здешний бурый железняк содержит значительное количество хрома и никеля, то есть именно тех металлов, которые специально добавляются к обыкновенной стали, чтобы придать ей высокие качества — прочность, твердость, устойчивость против коррозии. Из здешнего железняка без всяких добавок можно получить высококачественную легированную сталь.

На базе обнаруженных рудных месторождений создается «вторая Магнитка» — Орско-Халиловский металлургический комбинат.

В 1950 году первая очередь комбината вступит в строй. Центром комбината и явится самый молодой город Урала — Ново-Троицк.

Колхозные поля

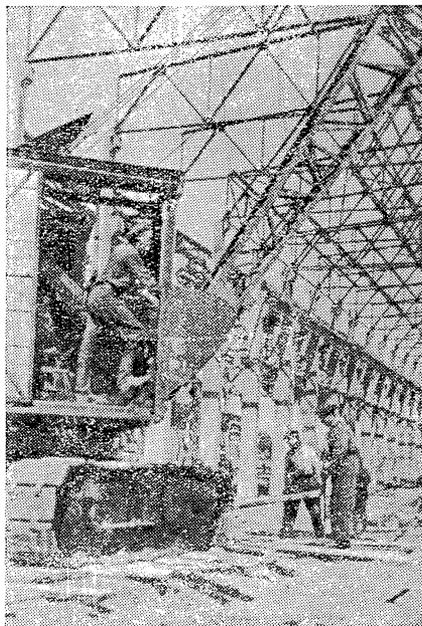
До Великой Октябрьской социалистической революции по лицу нашей страны были разбросаны сотни тысяч мелких деревушек, с полугнившими, покосившимися избенками. Поля России были изрезаны межами на миллионы узких полосок. Обработывались эти полоски допотопными орудиями — сохой, косулей, деревянной бороной.

Совсем иную картину представляет страна теперь.

В СССР насчитывается свыше 240 тысяч колхозов, более 4 тысяч совхозов, свыше 7 тысяч МТС. Только за годы довоенных сталинских пятилеток наша промышленность дала деревне свыше 500 ты-

сяч тракторов, более 180 тысяч комбайнов, более 200 тысяч автомашин и огромное количество прицепного инвентаря.

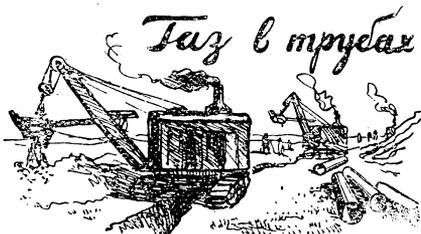
Изменилось лицо колхозных сел. Многие из них уже имеют свои электростанции, механизированные мастерские, животноводческие фермы, мельницы, маслобойни, водопроводы, клубы, театры, радио, кино, хаты-лаборатории. Уже в 1938 году колхозных лабораторий насчитывалось

Белорусская ССР. На стройке Минского тракторного завода. На снимке: один из участков строительства главного корпуса.

свыше 12 тысяч. Не узнать и полей колхозов. Исчезли навсегда межи и узкие делянки. Сплошные массивы полев в несколько десятков гектаров радуют глаз.

Колхозное земледелие СССР стало самым механизированным в мире. В 1940 году тракторы МТС вспахали 75 процентов всей весенней пахоты в колхозах, засеяли 52 процента общей площади яровых, 53 процента общей площади озимых, выполнили 82 процента подъема паров и 72 процента взмета зяби.

Много лет назад знаменитый русский ученый Менделеев теоретически разработал новый способ более рационального использования горю-

чих ископаемых (каменный уголь, сланцы, нефть). Чтобы не тратить громадного количества сил и средств на добычу и перевозку топлива, он предложил организовать его подземную газификацию. Уголь и сланцы можно подвергать под землей неполному сгоранию, превращать в горючий газ. Газ же можно под большим напором гнать по трубам на любое расстояние к потребителям.

Сейчас в СССР уже широко применяется этот способ использования топлива, и с каждым годом газификация будет расти.

Но оказывается, что в нашей стране имеется много мест, где в земле есть уже готовый природный газ. Крупнейшее месторождение природного газа в дни Отечественной войны было открыто геологами под Саратовом. Геологи бурили скважины, чтобы определить, нет ли в этих местах нефтеносных пластов. И вдруг из скважины ударили фонтаны газа. Напор газа был так велик, что скважины долго не могли закупорить.

Саратовским газом решено было снабдить Москву, чтобы сократить дорогостоящие перевозки угля, нефти и дров.

Еще в дни войны началось строительство огромного газопровода Саратов—Москва. Металлические трубы, примерно в метр диаметром, сплошной магистралью соединили два города. Трубопровод протянулся на несколько сот километров. По этой линии построены напорные и распределительные станции.

Сейчас Москва уже получила саратовский газ. Он горит в печах заводов, в котельных домов и коммунальных предприятий, в плитах на кухнях москвичей.

Полным ходом идет сооружение еще нескольких газопроводов: Дашава—Киев, Кохтла-Ярве — Ленинград, Тула—Москва. Уже работает газопровод Бугуруслан—Куйбышев.

Царская Россия не имела ни одного газопровода. Теперь наша страна покрывается сетью таких газопроводов.

Чтобы попасть из Ленинграда в Архангельск водным путем до сооружения Беломерско-Балтийского канала, нужно было проплыть по морям 2 840 километров, затратив 17 суток. Кроме того, путь этот проходил через чужие воды. Рейс каждого корабля нужно было согласовывать с несколькими иностранными государствами.

Вот почему сооружение канала от Ленинграда до Архангельска было насущной необходимостью для страны. Его задачей было связать короткой внутренней трассой два моря — Балтийское и Белое.

Строительство Беломорско-Балтийского — одного из самых больших каналов мира — началось в 1931 году. В 1933 году он был уже закончен и сдан в эксплуатацию. Строительство продолжалось 20 месяцев и 10 дней. Теперь пароход, выйдя из Ленинграда, уже на шестые сутки прибывает в Архангельск. Водный путь между этими городами сокра-

СССР, как государство, был бы немислим без первоклассного железнодорожного транспорта, связывающего в единое целое его многочисленные области и районы. В этом великом государственном значении железнодорожного транспорта в СССР.

И. Сталин

Транспорт страны определяет ее экономическое и культурное развитие. Нашей великой социалистической державе, чья территория тянется больше чем на 10 тысяч километров с запада на восток и более 5 тысяч километров с севера на юг, высокоразвитый, первоклассный транспорт необходим был, как воздух. Вот почему такое огромное внимание ему уделяют партия большевиков и советское правительство.

Многие из нас теперь только по литературе знают, как путешествовали по царской России лет шестьдесят-семьдесят назад. Из Москвы в Сибирь, на Кавказ, на Волгу ехали на перекладных месяцами.

Сейчас из Москвы по железной дороге в течение десяти суток можно доехать до Владивостока. Сеть железных дорог густо покрыла всю территорию страны. Железнодорожный транспорт дополняется сетью шоссейных дорог, автомобильных магистралей, воздушными линиями, системой водных путей. Теперь легко достигаем любой пункт страны, находишься он в Заполярье или в знойной Средней Азии.

Огромную помощь железнодорожному транспорту оказывает у нас водный транспорт — судоходство по морям, озерам, рекам и каналам. СССР занимает по длине водных путей первое место в мире. По подсчетам 1937 года, в стране насчитывалось 101,9 тысячи километров внутренних водных линий. Тысячи пароходов, теплоходов, буксиров, танкеров, барж, лодок, плотов бороздят ежедневно наши воды. Миллионы тонн грузов перевозятся ежегодно из самых отдаленных уголков страны к центрам и от центров к окраинам.

Огромная работа по расширению и улучшению водных путей страны проделана в годы советской власти.

Сооружение двух величайших в мире каналов — имени Москвы (Москва—Волга, 128 км) и Беломорско-Балтийского (227 км) — позволило связать в единую сеть главные водные пути Европейской части СССР. Теперь бакинскую нефть, волжскую пшеницу, каспийскую рыбу самым дешевым водным путем можно доставить в Москву, Ленинград, Архангельск, Мурманск. И, наоборот, кольские апатиты, карельский лес, гранит, продукцию ленинградской и московской промышленности тем же путем можно доставить в любой пункт на Волге, Каспии, Оке, Каме, Белой.

Советские люди, выстроив Днепровскую гидроэлектростанцию, превратили третью по величине реку Европы — Днепр — в судоходную. До того Днепр был судоходен только в средней своей части. Выход кораблям в Черное море закрывали днепровские пороги. Плотина Днепрогэса подняла уровень воды, и пороги были затоплены. Теперь новороссийский цемент, кавказские фрукты, продукция южной промышленности доставляются водным путем в глубь страны: в Смоленск, Минск и другие пункты. И, наоборот, продукция минской или смоленской промышленности может быть доставлена тем же путем в любой порт Черного моря, Кубани и Дона.

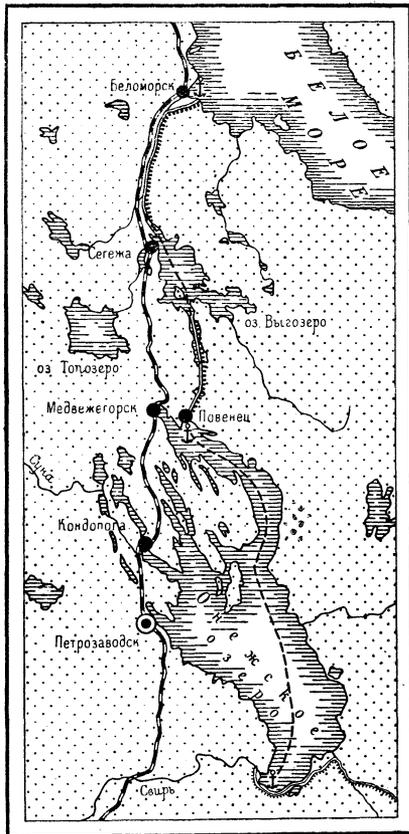
Сооружение электростанции на реке Волхов также улучшило судоходство по этой реке. На многих реках фарватеры были расчищены и углублены.

Судоверфи, судостроительная промышленность, созданные в годы сталинских пятилеток, дали нашему водному транспорту тысячи новейших кораблей, обладающих большой скоростью и силой. Водные пути заново оборудованы затонами, ремонтными мастерскими, портами, речными вокзалами, совершенной сигнализацией.

Сейчас проектируется и осуществляется дальнейшее расширение и улучшение водных путей страны. Запроектированы каналы, соединяющие Волгу с Доном, Волгу с Днпром (через Оку) и другие гидросооружения в Сибири и Средней Азии.

Первая железная дорога в России была выстроена в 1837 году и соединяла Петербург с Царским Селом. С тех пор прошло сто с лишком лет. К 1913 году Россия имела

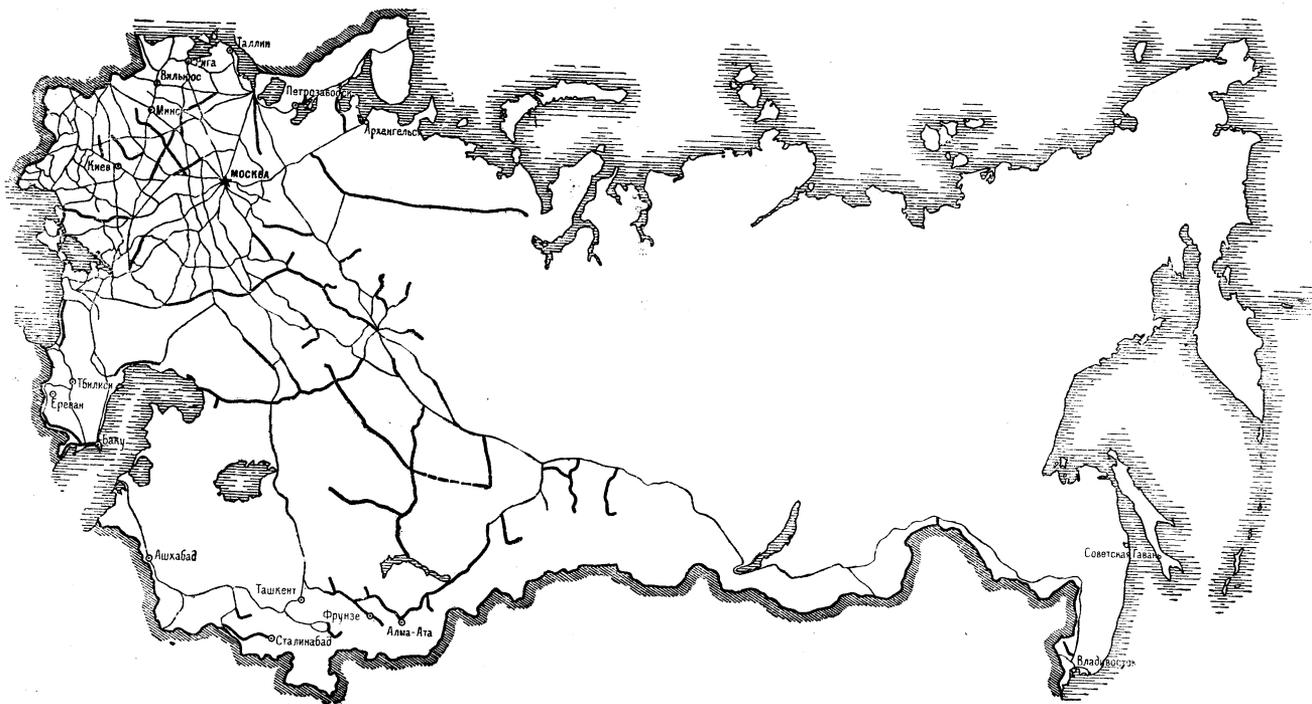
тился до 674 километров. Из Балтийского моря путь пароходу лежит теперь через Неву, Ладожское озеро, реку Свирь, Онежское озеро, озеро Воло, Узкое, Матко, Выгозеро, реку Выг.

Общая протяженность канала 227 километров. На нем строителями возведено 128 сооружений: шлюзов, плотин, водоспусков, дамб.

На перевале между водоразделом системой шлюзов вода поднимается на 69-метровую высоту.

Немецко-финские фашисты в годы Отечественной войны разрушили многие сооружения канала и вывели его из строя. Но уже теперь весь канал восстановлен и нормально работает.

Беломорско-Балтийский канал через Балтийско-Волжскую систему связан с бассейном реки Волги. Таким образом, пароход из Белого моря может прямым курсом следовать до Астрахани.

Карта важнейших железных дорог Советского Союза: жирными линиями показаны главные дороги, построенные за годы советской власти.

уже 58,5 тысячи километров железнодорожного пути. Правда, в основном это были одноколейные пути, оборудованные плохим подвижным составом. Кроме того, железные дороги были неравномерно распределены по стране. Более или менее густая сеть линий была только в Европейской части страны. Среднюю Азию железные дороги пересекали всего лишь по одной линии в одном направлении.

Теперь железнодорожный транспорт значительно вырос. К 1934 году протяженность наших железнодорожных линий уже равнялась 85 тысячам километров. Только за двадцать пять лет советской власти длина линий выросла на 26 500 километров. Страна строила ежегодно свыше тысячи километров пути.

В годы сталинских пятилеток были введены в строй такие линии, как Турксиб — Туркестано-Сибирская дорога, связавшая Среднюю Азию с Сибирью (за три года—1927—1930—была построена линия длиной в 1 442 километра), дорога Москва—Донбасс, линия Хабаровск—Комсомольск и др. Уже в годы Отечественной войны была построена линия вдоль Волги и др.

Среднесуточная погрузка в 1939 году на транспорте у нас достигала 102,2 тысячи вагонов.

За годы сталинских пятилеток у нас были созданы новые паровозо- и вагоностроительные заводы. Железнодорожный транспорт получил самые совершенные паровозы и вагоны отечественного производства. Если

скорость паровозов тридцать лет назад едва достигала 30—40 километров в час, то теперь курьерские поезда идут со скоростью 80—100 километров в час.

Железные дороги СССР снабжены самой совершенной сигнализацией и автоблокировкой. Широко применяется на наших железных дорогах автосцепка; паровозы заменяются более дешевой и выгодной электротягой и тепловозами.

К 1950 году наша промышленность будет давать транспорту 2 200 паровозов, 300 тепловозов, 220 электровозов и почти 150 тысяч вагонов ежегодно.

В 1913 году в России было всего-навсего 8 800 автомобилей, причем все они были легковые и все иностранного происхождения. Царская Россия не имела своей автомобильной промышленности. Все 8 800 автомобилей разъезжали главным образом внутри городов — в России не было дорог, пригодных для автотранспорта.

Мы с гордостью можем сказать,

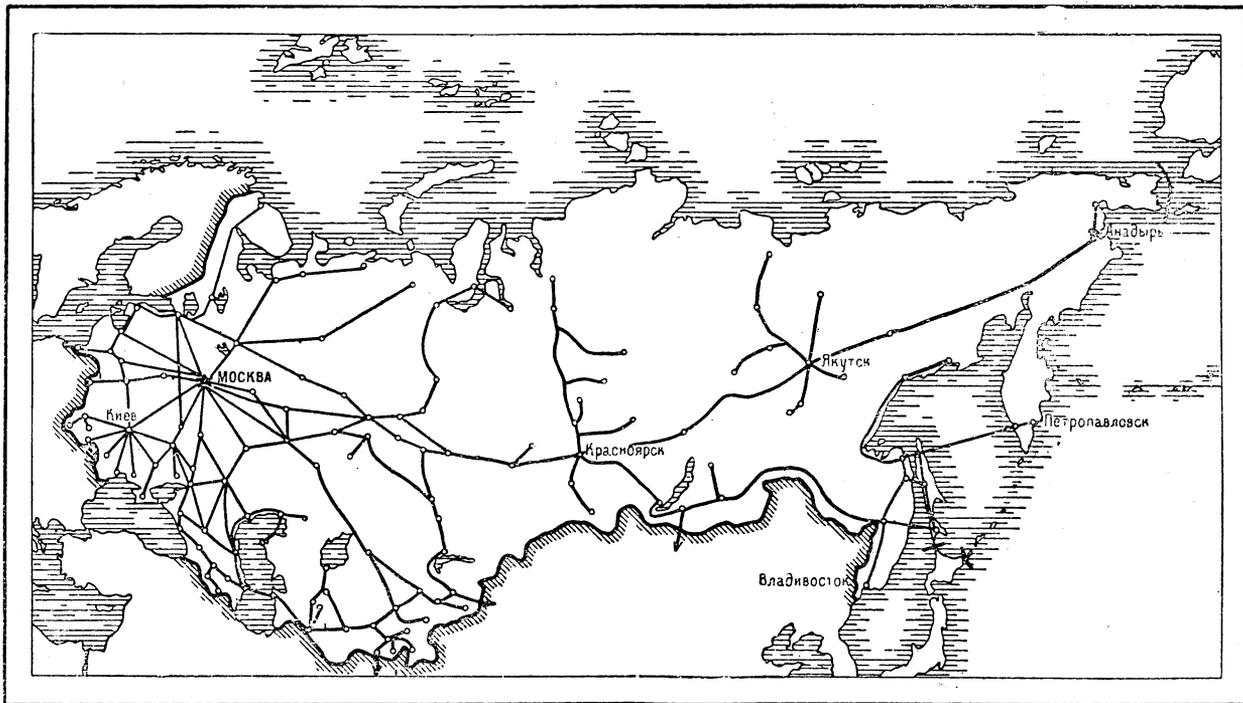
что автотранспорт в стране целиком создан в годы советской власти.

Автомобильные заводы в Москве, Горьком, Ярославле, построенные руками советских людей, вырабатывают автомобили самых различных марок — от комфортабельной легковой машины «ЗИС-110» до мощных грузовиков. Уже в третьей пятилетке СССР занимал по количеству автомобилей второе место в мире. Только колхозы, совхозы и МТС за годы сталинских пятилеток получили около 150 тысяч автомашин.

Мощные, залитые асфальтом автомобильные трассы протянулись по всей стране на десятки тысяч километров. Они связывают между собой города, поселки и села.

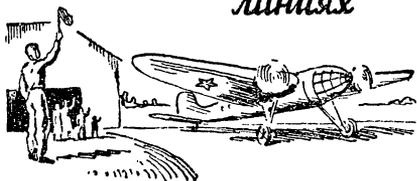
Автотранспорт у нас развивается с каждым годом. Советские конструкторы изобретают все новые и новые конструкции машин. Широко применяются у нас газогенераторные автомашины. Число их будет неуклонно расти из года в год. Газогенераторы позволяют перевести весь грузовой автотранспорт с дорогостоящего жидкого горючего на дешевое топливо.

Около миллиона автомобилей курсируют по дорогам нашей страны, перевозят лес, хлеб, уголь, продукцию заводов и фабрик, пассажиров. Автотранспорт становится могучим помощником железнодорожного транспорта. К концу новой пятилетки страна будет получать ежегодно по 428 тысяч грузовых автомобилей, 65 600 легковых и 6 400 автобусов.

Карта главных магистральных авиалиний Советского Союза.

На воздушных линиях

Ежедневно с аэродромов Москвы поднимаются в воздух десятки мощных гражданских самолетов. Одни держат курс на юг, другие — на запад, третьи — на восток. Столько же самолетов ежедневно прибывает в столицу. Тысячи пассажиров, сотни тонн грузов ежедневно перевозятся по воздуху. Летчики нашего гражданского флота с гордостью заявляют, что нет такого пункта в нашей стране, куда бы самолет не по-

пал на третий-четвертый день. Пассажир, поднявшись в воздух в Москве утром, в середине дня приземляется в Одессе, Симферополе, Тбилиси, Свердловске. До Киева, Казани, Архангельска самолет идет от двух до четырех часов.

Только в такие отдаленные пункты, как Ташкент, Алма-Ата, Якутск, самолет прибывает на следующий день.

Воздушные дороги пересекают теперь страну из конца в конец. Ничего подобного не было тридцать лет назад. Тогда еще только-только начинали завоевывать воздух.

Советский народ создал свою мощную авиационную промышленность. Выращены тысячи опытных пилотов.

Куда не могут проникнуть паровоз, автомобиль, пароход, беспрепятственно летают самолеты.

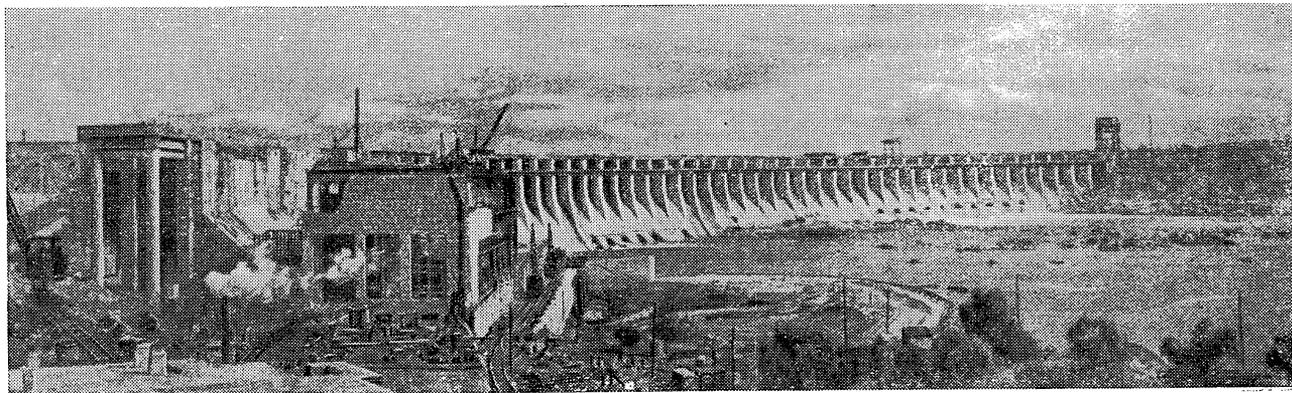
В годы сталинских пятилеток в

центре пустыни Каракумы выстроен большой серный комбинат. Вся продукция комбината ввозится самолетами. По воздуху комбинату доставляется продовольствие и даже вода.

Советская гражданская авиация ежегодно расширяет свою деятельность. Отряды санитарной авиации быстро доставляют в самые отдаленные пункты врачей, медикаменты, спасая ежегодно сотни жизней. Почтовые самолеты развозят по всей стране тонны писем, газет, журналов. Отряды сельскохозяйственных самолетов ежегодно обрабатывают тысячи гектаров полей ядами против вредителей.

За годы новой пятилетки эскадрильи гражданской авиации пополняются тысячами новых машин, новыми авиапортами. К 1950 году протяжение авиалиний в нашей стране достигнет 175 тысяч километров.

(Окончание следует)

Общий вид восстановленной Днепровской плотины. Слева — восстановленное здание ГЭС.

Е. ШИСТЕР

Фото оператора кинохроники
лауреата Сталинской премии С. Когана

29 января¹

За последние дни наступило резкое похолодание. Мы находимся на 48 градусе южной широты и 12 градусе 16 минутах западной долготы.

Китобойцы один за другим швартуют китов.

Механизмы завода работают нормально. В пяти котлах хорошо вываривается сырец. Обслуживает их передовой машинист-жировар Александр Васильевич Мачинский. Жир получился прекрасного качества.

Первый день работы завода показал, что весь коллектив с честью справился с задачей подготовки сложного оборудования к промыслу. Получив теоретические знания на занятиях по техминимуму, организованных во время перехода, рабочие с успехом применяют свои знания на практике.

30 января

Сегодня разделявали десятого кита.

Поступают сообщения с китобойцев. Они встречают уже не только финвалов, но и блювалов, которые по своим размерам больше.

Вся флотилия продвигается дальше на юг. Мы на 54 градусе южной широты.

31 января

Получена телеграмма от министра Ишкова и его заместителя. Они пишут:

«Поздравляем с началом промысла, с первыми успехами. Надеемся, что вы используете все возможности для успешного выполнения в этом году задания товарища Сталина.

Желаем всему коллективу дальнейших успехов».

Телеграмма вызвала большой подъем среди экипажа флотилии.

1 февраля

Сегодня был поднят на палубу первый блювал. Его длина 24,78 метра, но он кажется еще больше. На спине у него плавник высотой до 25 сантиметров, на брюхе, так же как и у финвала, до 66 складок. Окраска спины голубая, брюха — серая. Иначе эта порода китов называется синей.

Усы блювала больше, чем у финвала, — до 1,3 метра, цвет его черный, число пластинок на каждой челюсти доходит до 360 штук.

Питается кит планктоном, и когда его разделя-

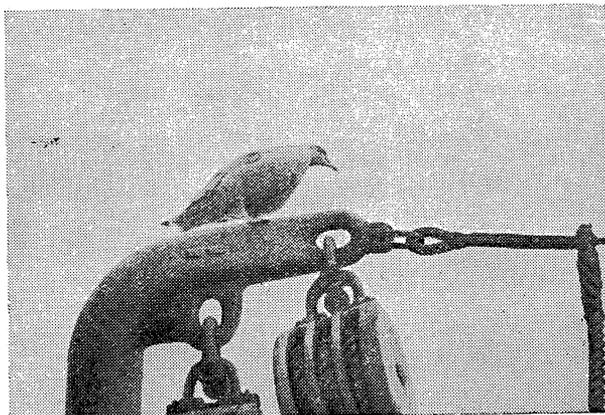
вали, из желудка извлекли миллионы ракообразных моллюсков.

Блювал — самое большое из существующих животных. Он достигает в длину до 30 метров и весит около 200 тонн. Самки больше самцов. С одного кита в среднем получается 18—19 тонн жира. Мясо синего кита, так же как и финвала, съедобно, но оно более жестко и волокна более крупные.

2 февраля

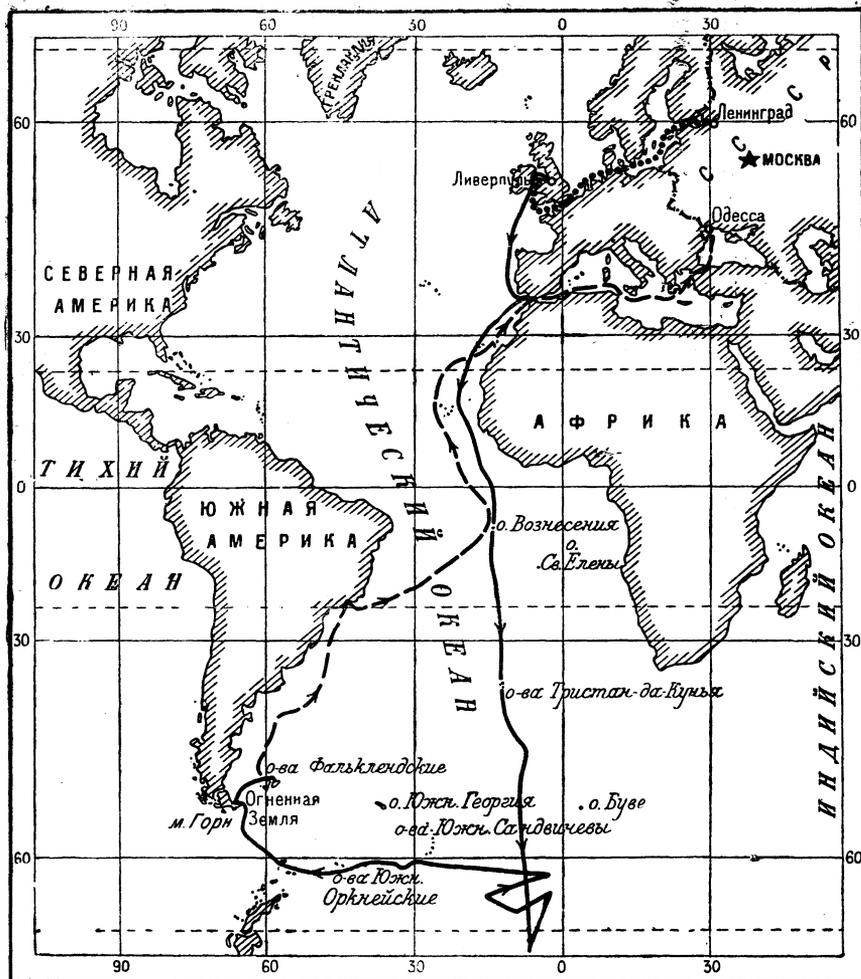
Здесь антарктическое лето. Уже в два часа ночи начинает светать, а темнеет около 22 часов. Днем очень тепло, а ночью температура понижается и нередко выпадает снег. Погода резко меняется.

Мы находимся на 60 градусе 14 минутах южной широты и 14 градусах западной долготы. Кругом айсберги. Такого большого количества их мы еще не встречали. Огромные ледяные горы медленно передвигаются по волнам, оставляя во льдах след чистой воды. Айсберги длиной в несколько миль — обычное явление. Характерно, что большинство айсбергов имеет плоскую вершину. Родиной этих огромных пловучих ледяных гор считают так называемый Великий Барьер—

Нередко на палубу судов залетали пернатые обитатели океана. Чаще всего это были морские голуби, огромные стаи которых почти непрерывно следовали за нашими судами.

¹ Продолжение. Начало см. «Вокруг света» № 10.

Карта маршрута антарктической китобойной флотилии „Слава“.

Участники первого рейса флотилии прошли свыше 24 тысяч миль. Их путь начался в Ленинграде и шел через Финский залив, Балтийское море, Кильский канал, вдоль берегов Англии в порт Ливерпуль (на карте этот путь показан точками).

Из Ливерпуля суда флотилии взяли курс на Гибралтар мимо Канарских островов, островов Вознесения и Тристан да Кунья ко льдам Антарктического материка.

От Фолклендских (Фальклендских) островов (обратный путь указан пунктиром) флотилия прошла вдоль побережья Южной Америки, Африки, через Средиземное, Эгейское, Мраморное и Черное моря в советский порт — Одессу.

ледники, окаймляющие южнополярный континент огромной отвесной стеной.

Айсберги дрейфуют в направлении на север. По дороге они «теряют» часть своего льда, малейшие изменения температуры воздуха и воды способствуют их таянию.

Полагают, что примерно восемь десятых всей массы айсбергов находится под водой. Эта часть и подвергается гораздо более быстрому таянию. Иногда айсберги переворачиваются вершиной вниз. Это зрелище красивое, но не безопасное, если наблюдаешь его на близком расстоянии. Нередко такое переворачивание происходит несколько раз.

Особенно красивое зрелище представляют айсберги при ярком солнечном свете. Они производят впечатление блестящего, полированного мрамора, причудливо изрезанного, каждая извилина которого испускает сияние как бы голубого бриллианта самых различных оттенков. Это необычайно величественное и надолго запоминающееся зрелище.

3 февраля

Капитан Алексей Николаевич Соляник показал нам любопытную газету, которую он достал на острове Тристан да Кунья. Она называется «Тристан Таймс». Это два писчих листа бумаги, написанные на машинке и размноженные при помощи ротатора. Датирована газета 26 февраля 1944 года. Выпускалась она, повидимому, местным военным гарнизоном, когда он находился на острове.

Цена этой газеты очень своеобразная. Около заго-

ловка газеты справа написано, что стоит она три сигареты, две картофелины или полпенса. На острове нет денег, и поэтому там существует меновая система оплаты. Даже за газету можно уплатить натурой.

Характерно, что первый материал, помещенный в «Тристан Таймс», рассказывает о боях на советско-германском фронте, о победах доблестной Красной Армии.

Мы все с большим интересом рассматривали эту газету.

4 февраля

День отмечен очередной победой экипажа. Пущен агрегат по переработке китового мяса на кормовую муку. Это дает возможность не загружать жиротопные аппараты мясом. Из 100 тонн мяса можно получить около 25 тонн кормовой муки для скота. Эта мука содержит около 8 процентов жира и очень полезна для молодняка.

5 февраля

С китобойца «Слава-1», вышедшего на разведку китов дальше на юг, получено сообщение, что там зверя больше. Замечены стада. Принимается решение двинуться в этом направлении.

Мы встречаемся с трудностями промысла в Антарктике. Дует сильный ветер. Он намного усложняет работу по разделке китов на палубе. Но люди работают напряженно, настойчиво. Антарктическое лето, так же как и в Арктике, — необычно. Летом долго стоит полярный день, причем его продолжительность зависит от широты местности. Даже с заходом солнца темно

Ночи смягчается наличием огромного количества снега и льда. Солнце здесь белого цвета, и лучи его греют слабо. Луна светит очень ярко, и ночью все эти огромные ледяные горы представляют не менее величественное и красивое зрелище, чем днем.

6 февраля

С утра снялись и двинулись на юг. Как выяснилось, за время стоянки нас отнесло примерно на 120 миль к северу. Сильные течения — здесь обычное явление.

Вечером состоялся предвыборный митинг личного состава базы. На 60 градуса южной широты советские люди принимают участие в выборах верховного органа власти вместе со всем советским народом. Обсуждается кандидатура секретаря Кировского районного комитета партии города Ленинграда Александра Яковлевича Тихонова. Все выступающие товарищи призывают членов экипажа флотилии в день выборов отдать свои голоса достойному представителю сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Принимается обращение ко всему личному составу флотилии. Митинг проходит с большим подъемом.

7 февраля

Резкий ветер не утихает. Сила его доходит до 9 баллов, но это не отражается на работе. Все трудятся с большим подъемом, горя желанием встретить день выборов выдающимися производственными победами.

На палубу базы поднят первый кашалот. Посмотреть на новую для нас добычу вышли все. Устройство его головы напоминает голову бегемота. В пасти большие зубы, они помогают ему выдерживать борьбу со скатами и осьминогами, которыми он питается. Есть предположения, что кашалоты ныряют

на глубину до 200 метров. Хорошо защищенный мозг, прикрытый толстым жировым слоем, дает возможность выдерживать резкую смену давления. Длина кашалота обычно около 15—16 метров. Жир кашалота не пищевой, а технический. Поэтому убой кашалотов недостаточно выгоден.

8 февраля

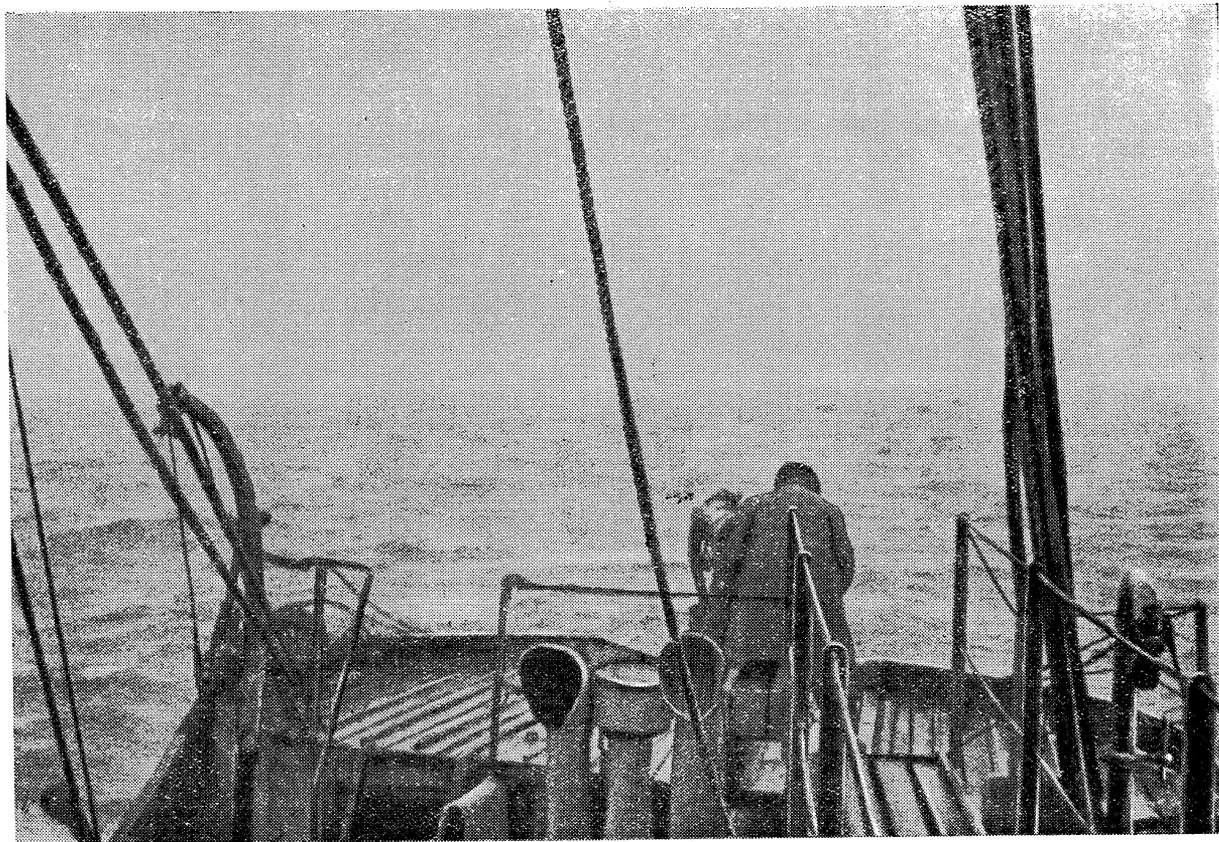
К вечеру море несколько успокаивается, но ветер не утихает. Он продолжает дуть с прежней силой. Кругом большое количество айсбергов самых различных размеров и самой причудливой формы. Непрерывно омывающие их волны образуют в ледяных горах пещеры, обрывы, пропасти, тоннели. Старые айсберги, которые переворачивались несколько раз, имеют форму, напоминающую архитектуру замков с башенками, величественных соборов, огромных гор самых неожиданных очертаний. Это ни с чем несравнимая картина.

Особенно красиво во время заката солнца. Странное сочетание красок не поддается описанию и во много раз красивее, чем в тропиках. Белые цвета переходят в розовый, затем в лиловый, в смесь оттенков от темносинего до светлосерого, тогда как каждая волна и гребешки на ней окаймлены огненно-красной или блестящей желтой каймой. Небесные тона меняются от красного до темносинего и промежуточными оранжевыми, желтыми и зелеными цветами.

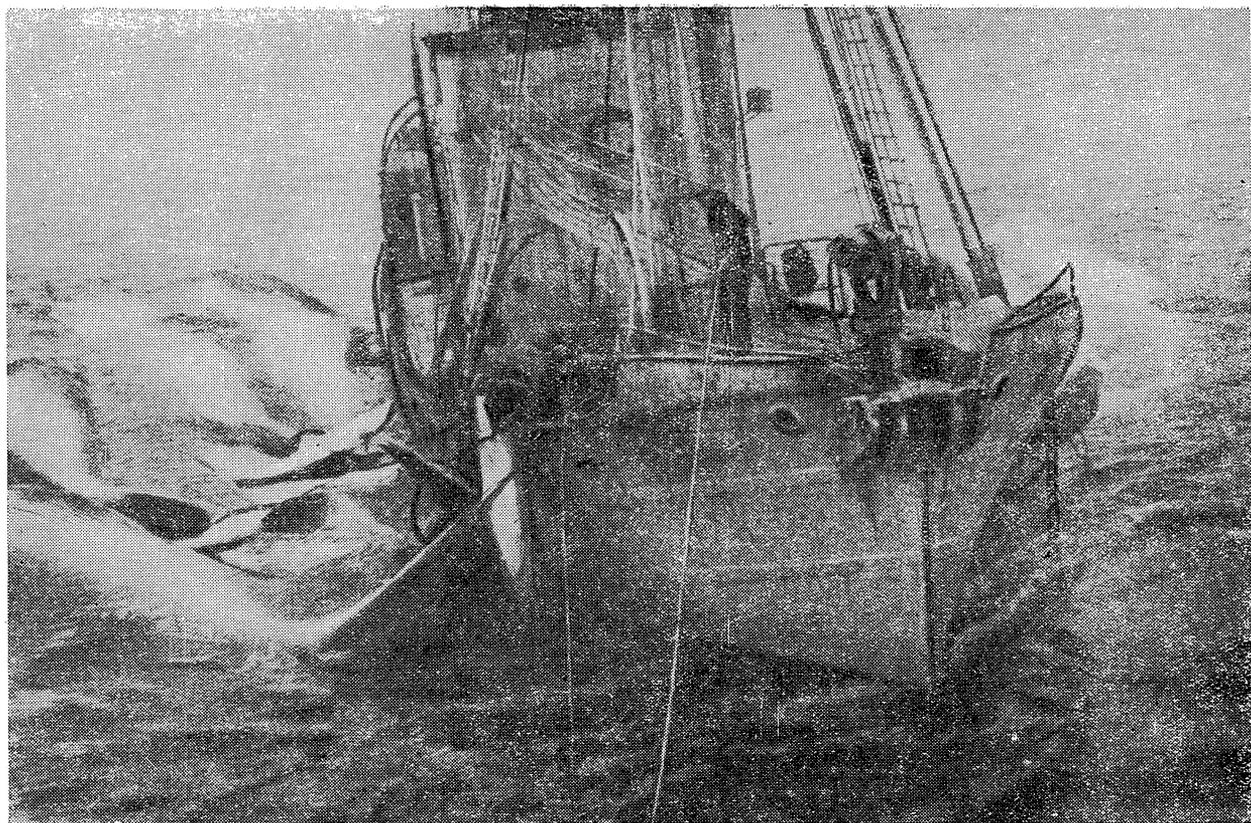
Все, как зачарованные, стояли на палубе, любуясь необычной картиной.

9 февраля

Сегодня выборы в Верховный Совет Российской Федерации. У всех приподнятое, радостное настроение.

Вдали показался фонтан. Гарпунер у пушки. Сейчас будет выстрел и кита загарпунят.

Каждый день к борту базы китобойцы пришвартовывали китов. «Слава-8» — с богатой добычей.

Флотилия движется по направлению к Южному полюсу, меняя район промысла. Мы всего в 8 милях от Южного Полярного круга.

6 часов утра. Мощные звуки Гимна Советского Союза возвестили о начале знаменательного дня. Открылись двери избирательного участка, расположенного в верхней кают-компании. Председатель участковой комиссии пригласил всех избирателей принять участие в голосовании.

В центре избирательного участка портрет творца самой демократической в мире Конституции — товарища Сталина.

Первым подходит к столу избирательной комиссии и получает бюллетень капитан флотилии, депутат Верховного Совета СССР Владимир Иванович Воронин. За ним получают бюллетени машинисты, кочегары, рабочие разделочных палуб, завода. Все они с гордостью опускают их в урну, голосуя за верного сына большевистской партии Александра Яковлевича Тихонова.

Один за другим к базе подходили китобойные суда. Все члены экипажей с большим подъемом исполнили свой почетный гражданский долг.

Ровно в 24.00 закрылись двери избирательного участка. Комиссия приступила к подсчету голосов. Он дал прекрасные результаты: все сто процентов приняли участие в голосовании, единодушно отдав свои голоса за товарища Тихонова.

Выборы в Верховный Совет РСФСР продемонстрировали любовь и преданность личного состава флотилии своей родине, большевистской партии, вождю советского народа товарищу Сталину.

10 февраля

Пересекли Южный Полярный круг. В этом районе сплошные льды, они, кажется, тянутся на многие десят-

ки и сотни миль. Кругом, куда ни помотришь, вплоть до горизонта совсем нет чистой воды. Лед движется в северо-восточном направлении, гонимый ветром со скоростью 12—15 миль в сутки. Китов здесь не обнаружено, и мы идем дальше.

12 февраля

Мы пришли в прекрасный район. Не только китобойцы, но и мы с базы видим вокруг себя множество фонтанов, похожих на разрывающиеся снаряды в воде. Китобойцы охотятся за зверем. От каждого из них то и дело поступают сообщения о забитых китах.

Настроение приподнятое, радостное.

13 февраля

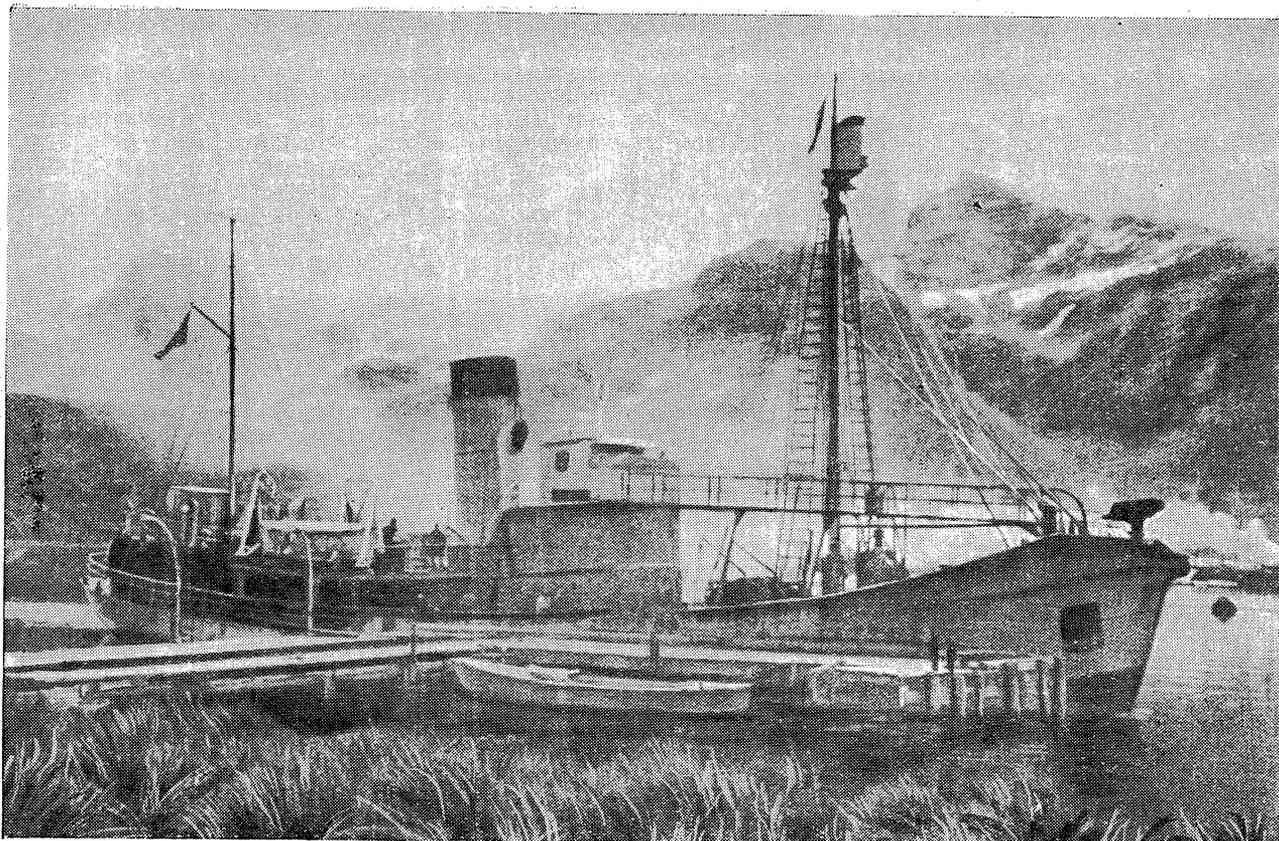
Так же, как и вчера, сегодня замечательный день. Много китов под бортом. Один китобоец используется как буксировщик. Он ходит от одного китобойца к другому и забирает у них убитых китов, а затем прибуксировывает к базе. Очень интересное зрелище. Небольшое судно, а вокруг него по пять-шесть огромных китов.

Коган не мог пройти мимо такого замечательного кадра, запечатлел его на пленку.

15 февраля

С каждым днем все больше и больше наращиваются темпы разделки китов. Как только зверь при помощи специального клюва поднимается на кормовую разделочную палубу, то с него там сейчас же снимается сало, отделяется ус, отрезается голова. Затем мощная лебедка тянет тушу на центральную разделочную палубу, где отделяется мясо, кости режутся специальной пилой и все это загружается в коглы.

В каждую систему котлов попадает определенное

Остров Южная Георгия. Через 128 лет после экспедиции Беллингаузена к этому острову вновь подошли русские суда. Китобоец «Слава-1» у острова.

сырье. В одних котлах вываривается только сало, в других — кости, а потом мясо.

Среди рабочих широко развернулось социалистическое соревнование. Уже выявляются передовики разделки и завода. Это прекрасные машинисты-жировары Мачинский, Манафеев, отличные резчики Тиманов, Степаненко, Полуянов, Елизаров. Их имена ставятся в пример другим.

16 февраля

Хорошо работают стахановцы. Они с каждым днем все больше и больше осваивают новое дело. Порой вносят новое в работу. На кормовой разделочной палубе для ускорения и облегчения работы по снятию сала теперь разрезают брюшину длинными полосами на тушу, а не тогда, когда снимут ее с кита. Это намного ускоряет процесс.

Кит еще тянется по слипу на палубу, а Яков Елизаров и Николай Полуянов уже поднимаются на тушу и начинают надрезать верхние слои сала.

17 февраля

Разделявали сотого кита. Большинство убитых китов — финвалы.

Теперь уже значительно лучше освоили дело наши люди. Со дня на день увеличивается число замечательных мастеров разделки и завода. Все больше пополняются ряды стахановцев, чьи имена появляются на страницах нашей газеты.

18 февраля

На палубу подняли большого блювала. Весит он, по определению наших специалистов, примерно 125 тонн,

а его длина—26,2 метра. С этого кита, как установили к концу дня, мы получили около 30 тонн жира.

К середине дня вышел первый специальный выпуск газеты. В нем сообщалось:

«Есть 1 000 тонн жира!»

Работать еще лучше, приложить все силы к выполнению государственного плана!»

20 февраля

Сегодня нет ветра, но сильный накат, тяжелые волны ударяют о борт базы. Изрядно качает, но работы идут с прежним напряжением и темпом.

Наша лаборатория ведет анализы получаемой продукции. Она следит за качеством жира, за его кислотностью. Ведь жир кита является ценным продуктом для производства твердых пищевых жиров — маргарина и лярда. Мясо кита перерабатывается на муку, которая идет на корм скоту. Из печени кита добывается витамин «А», а из желез внутренней секреции получают продукты, широко применяемые в медицине и парфюмерии. Поэтому нужно внимательно, каждый день брать анализы, смотреть не только за выработанной продукцией, но и за соблюдением технологии.

...Работать при качке становится труднее. К вечеру ветер усиливается.

21 февраля

База направляется во льды, где спокойнее. Через некоторое время мы в паковом льду. Медленно продвигаемся вперед. Погода стоит прекрасная. Над судном вьются птицы. Нередко встречаются пингвины, отдыхающие на льду. При приближении корабля пингвины гогочут, а тюлени, заметив судно, только неохот-

но поднимают головы, да и то уже тогда, когда мы уходим вдаль.

Китобойные суда гонятся за китами среди льдов. Тепло. Температура — градус тепла.

23 февраля

Отмечаем XXIX годовщину Вооруженных Сил страны. Среди личного состава флотилии много бывших фронтовиков, которые сейчас осваивают новую профессию.

Александр Мачинский прошел путь от рядового до офицера. Он сражался на нескольких фронтах и, когда части Советской Армии дошли до Одера, был назначен комендантом города. За боевые заслуги у него четыре правительственные награды. Тов. Мачинский работает машинистом-жироваром. Во время ремонта завода он отлично освоил сложную аппаратуру. Продукция, получаемая на котлах Мачинского, — лучшая по качеству.

Отличным слесарем проявил себя Федор Сапрыкин, бывший старшина второй статьи. Добросовестно выполняет ответственные обязанности бригадира Василий Брага. В годы войны он был старшим механиком танка «КВ» и прошел с частями Советской Армии победный путь от Москвы до логова фашистского зверя.

Одним из лучших радистов флотилии по праву является Петр Куликов, в прошлом младший лейтенант, стрелок-радист дальней бомбардировочной авиации. За боевые заслуги он награжден орденом Красного Знамени.

Добросовестно работают на флотилии и другие бывшие фронтовики.

24 февраля

На остров Южная Георгия, где расположено несколько береговых китобойных баз, снаряжается китобоец «Слава-1».

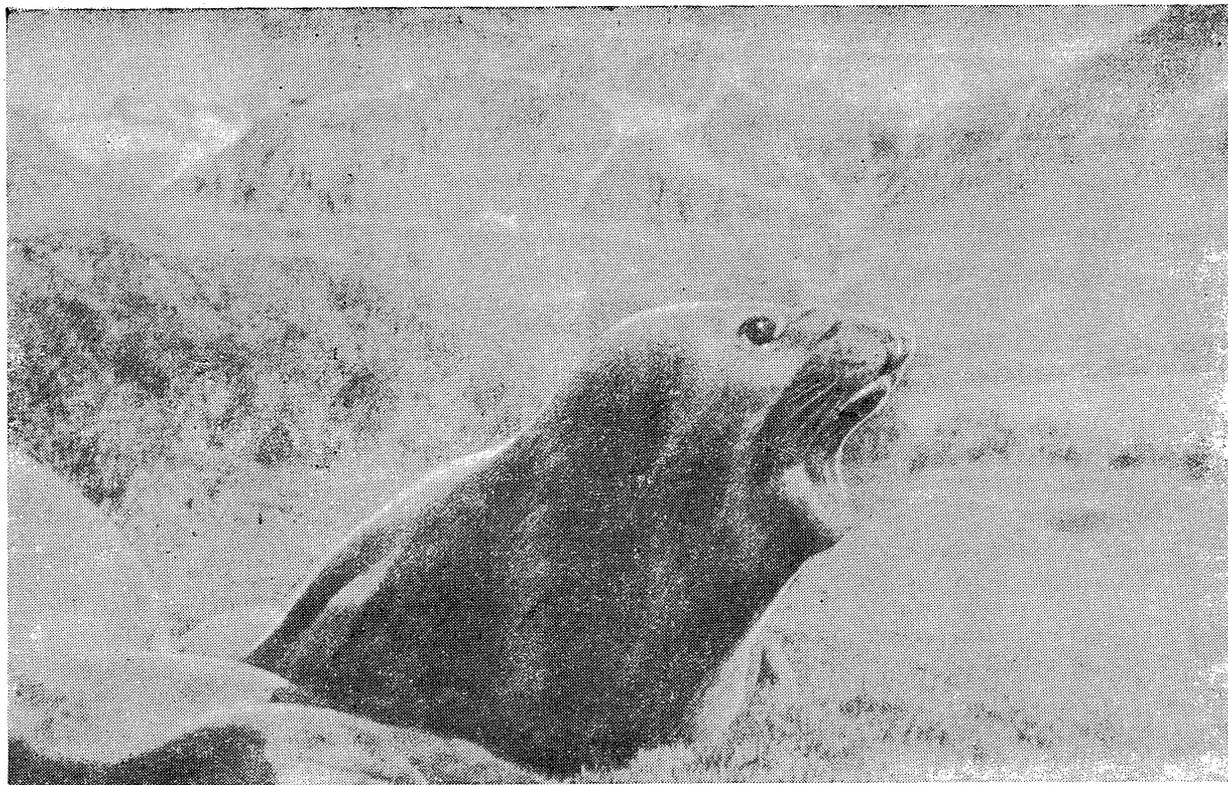
Остров Южная Георгия расположен между параллелями 54 градуса и 55 градуса южной широты и меридианами 35 градусов 46 минут и 38 градусов 23 минуты западной долготы. Считают, что остров был открыт в 1502 году Америго Веспуччи. Но с течением времени это открытие было совсем забыто европейцами. В продолжение долгих лет остров никем не посещался и никто там не жил. Только спустя два столетия англичанин Антонио де-Рош вторично «открывает» его. После этого остров стали посещать различные торговые суда.

На остров Южная Георгия заходили также русские суда. 27 декабря 1819 года участники первой русской экспедиции на кораблях «Восток» и «Мирный» под руководством капитана Беллинсгаузена побывали на этом острове. С тех пор русских судов здесь не было. И только через сто двадцать восемь лет остров Южная Георгия опять посетили русские — участники первого советского антарктического рейса.

Остров Южная Георгия, длиной около 100 миль и шириной около 20 миль, представляет из себя гористую местность, покрытую глетчерным льдом. На вершинах гор всегда лежит снег. Берег острова очень изрезан и имеет несколько прекрасных гаваней, где корабли могут укрыться от непогоды и швартоваться к гаваням. К этому интересному острову идет наш китобоец. Ему следует пройти около 1000 миль от места нашего промысла.

27 февраля

На столе разложена карта района Антарктики, где промышляет наша флотилия. Четко обозначены течения, что дает возможность определять местонахождение китов. Там, где сходятся течения, скапливается планктон — пища китов, а следовательно, водятся

На острове Южная Георгия водятся огромные стада морских слонов. Людей они совсем не боятся и подпускают к себе на очень близкое расстояние.

киты. Владимир Иванович, задумавшись, склонился над картой, прокладывая на ней путь нашей флотилии.

— Вот так мы осваивали и Арктику, — говорит он. — Сначала тщательно работали над картами, прокладывали себе путь на бумаге, а потом шли льдами там, где никогда не бывали русские корабли. Теперь Северный морской путь освоен и стал одной из важнейших водных магистралей.

На карте (см. стр. 30) показан пройденный нами путь. В течение месяца наша флотилия прошла в одном квадрате около 60 миль с севера на юг и около 30 миль с запада на восток.

28 февраля

Прекрасный солнечный день. Солнце высоко поднялось над горизонтом, согревая своими скупыми в этих местах лучами ледяные просторы. Температура 9—10 градусов тепла. День похож на весенний, когда солнце светит уже ярко, но не дает большого тепла.

На горизонте показалась голландская матка. Около нее охотятся восемь китобойцев. К базе подошел танкер. Отдав горючее, он пошел на север. Поравнявшись с нами, танкер дал три приветственных гудка.

В этом сезоне в Антарктике в промысле участвует 7 норвежских пловучих баз с 57 китобойцами, 5 английских с 44 китобойцами, одна голландская с 8 китобойцами и 2 японских. Характерно, что из 2500 человек, занятых на английских базах, 1800 норвежцев. Кроме того, на острове Южная Георгия есть береговые базы: английская, норвежская и аргентинская.

В прошлом сезоне в Антарктике промыслило только 6 китобойных флотилий, а в этом году 17.

Голландскую матку впоследствии мы встречали не сколько раз. У нее на борту самолет-амфибия, используемый для разведки китов. Однако мы ни разу не видели, чтобы он летал.

1 марта

Сегодня вышел очередной специальный номер газеты «Советский китобой». В нем сообщается:

«К исходу суток 28 февраля личный состав флотилии завершил еще один этап по пути выполнения государственного плана—выработано 2 тысячи тонн жира».

3 марта

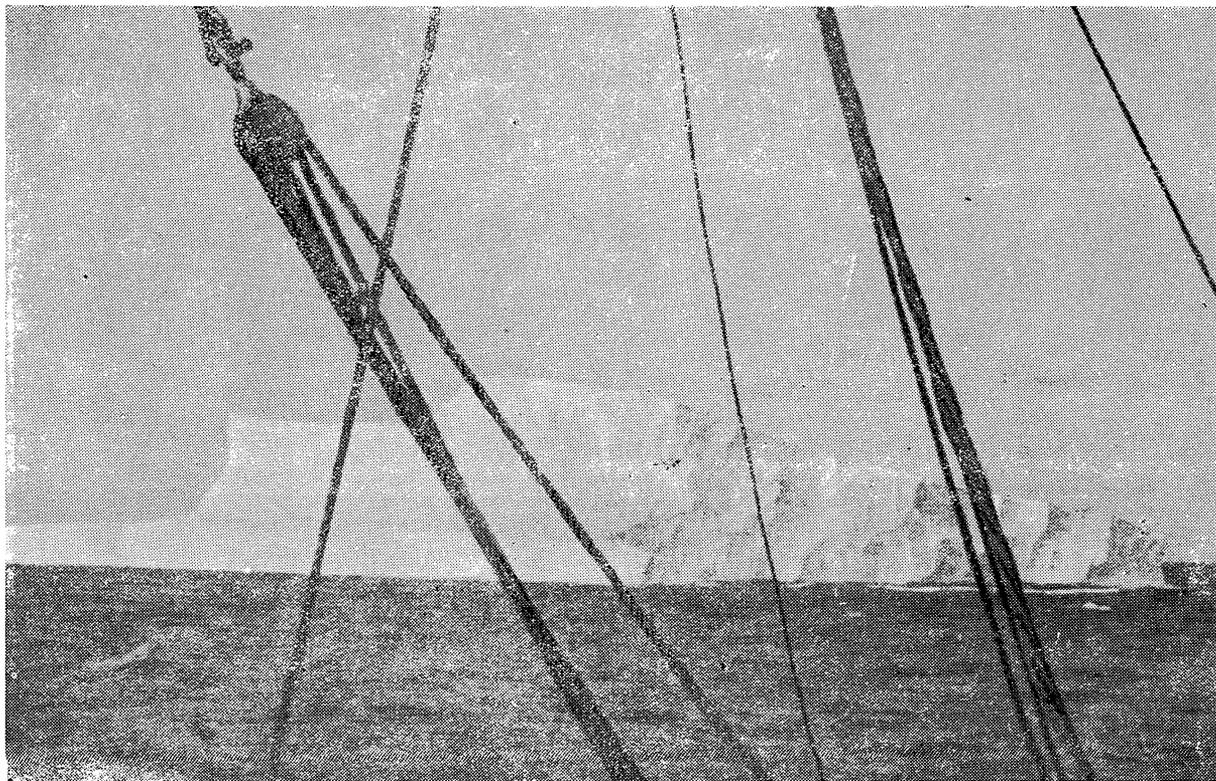
Капитаны китобойных судов сообщают, что не видят китов, а у базы мы наблюдаем фонтаны.

«Хорошо бы иметь и на базе пушки», говорят члены экипажа. По два-три кита проходят недалеко от судна, то и дело появляясь на поверхности. Это финвалы.

4 марта

Сегодня мы вышли на охоту на китобойце «Слава-5». Это судно специальной постройки, водоизмещением 350 тонн, имеет в длину 43 метра. Его качает даже от небольшой волны. Надо привыкать к качке, которой мы совсем не ощущали на базе. Машина на судне в 1500 сил, что дает возможность развивать скорость от 12 до 16 миль в час. Китобоец снабжен балансирными подвижными рулями, корма у него округленной формы; это позволяет быстро разворачиваться во время охоты. На верхушке передней мачты прикреплена бочка; в нее забирается матрос и наблюдает за китами. Обнаружив их, он дает знать гарпунеру.

На носу судна прикреплена гарпунная пушка.

Огромные ледяные горы — айсберги — были нашими постоянными спутниками во время промысла в высоких южных широтах.

Отойдя на несколько миль от базы, мы с наступлением темноты ложимся в дрейф. До поздней ночи беседуем с капитаном Федором Леонтьевичем Ходовым о предстоящей охоте, о трудностях плавания на этом маленьком судне в сложных навигационных условиях Антарктики.

— Завтра с рассветом я тебя разбуду, — говорит он. — Посмотришь, как охотятся за китами.

5 марта

Ходов забыл о своем обещании и не разбудил меня. Я проснулся от сильного шума машины, работавшей полным ходом. Быстро оделся, вышел на мостик. Судно гналось за китами. Они не подпускали нас близко. В этом районе, повидимому, промыслили другие китобойные флотилии. Они напугали зверя, и теперь киты, услышав шум винта даже издали, развивают бешеную скорость и опускаются на глубину. Ждать их бесполезно.

За день мы видели много китов. За тремя гонялись, (за одним даже несколько часов), но бесполезно. С наступлением темноты охоту прекратили.

День неудачный. Что-то будет завтра?

6 марта

Вошли во льды. Кругом огромные айсберги. Мы идем полным ходом; тяжелые льдины то и дело ударяются о борт, сотрясая весь корпус судна. Показа-

лись киты, но это так называемые «минки», которых не промысливают. Они близко подходят к нашему судну, видимо, чувствуя, что на них все равно охотиться не станут.

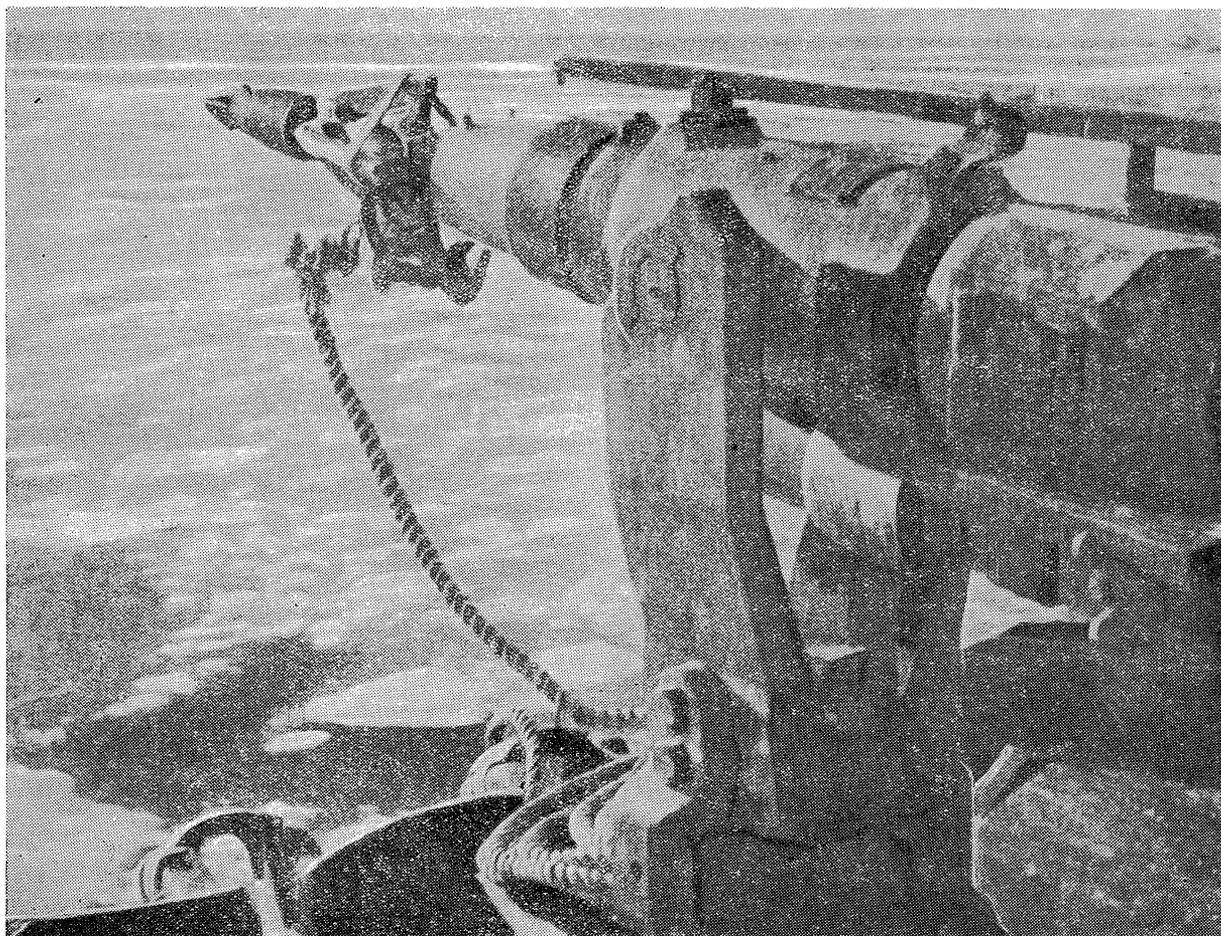
Вышли из льдов. Вдали увидели кита, вернее фонтан, по которому узнали, что это блювал: опытный китобой сразу, даже на довольно значительном расстоянии, по величине и форме фонтана узнает породу кита. У блювала фонтан выше, чем у других китов. Он поднимается из воды в виде стройной колонны до 15 метров в высоту, колонны, слегка расширяющейся кверху, а затем принимающей вид опрокинутого конуса. Если кит находится на близком расстоянии от китобойного судна, то хорошо слышен звук, издаваемый им при выпуске воды. Обычно не встревоженный блювал выпускает 10—12 фонтанов, а иногда и до 20, с интервалами в 15—20 секунд. Первый фонтан выше и, как правило, более продолжителен. Выпуская промежуточные фонтаны, кит ныряет неглубоко и плывет на глубине от 2 до 10 метров от поверхности воды. Матрос, находящийся в наблюдательной бочке, обычно хорошо видит кита и указывает гарпунеру, куда он плывет.

Наше судно настигло кита и неотступно шло за ним. Ныряя, блювал изгибался, показывая часть головы, спину со спинным плавником и хвостовой стебель.

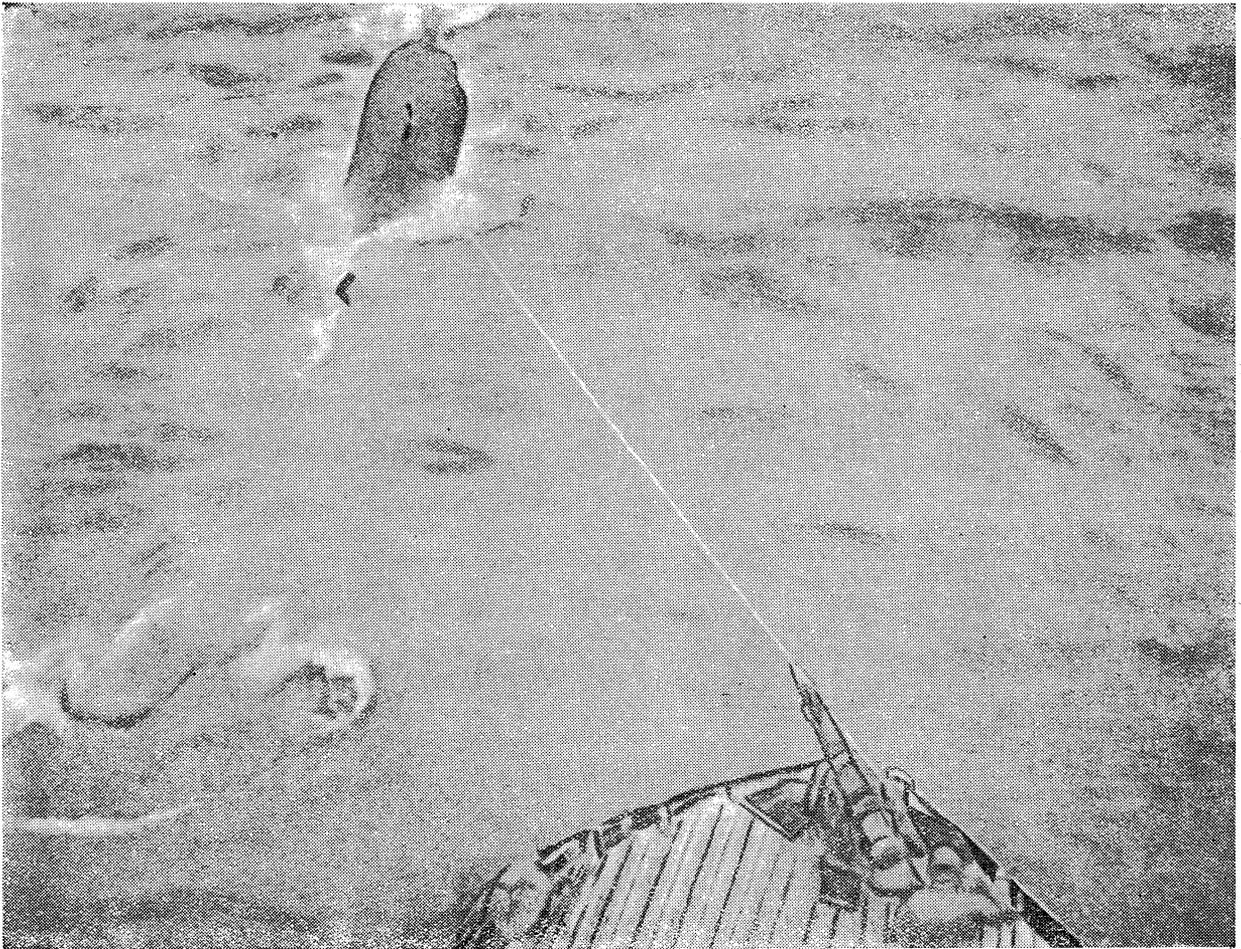
Выпустив фонтан и вдохнув свежий воздух, блювал опустился на глубину. Из наблюдательной бочки его не было видно.

Капитан подал знак немного сбавить ход.

Через некоторое время кит оячь появился на поверхности. Китобоец прибавил ход. Ненапуганный кит

Нередко китобойцы вели промысел среди льдов. На снимке: гарпунная пушка с гарпуном.

Выстрел произведен. Кит загарпунен. Со страшной силой он тянет трос (линь).

плавает со скоростью, обычно не превышающей 8 — 10 миль. Этого кита мы легко догоняли. Но для того чтобы произвести выстрел, следует подойти к киту на расстояние не свыше 40—50 метров и идти параллельно с ним. Мы его уже догнали, нужно было выстрелить, но кит опять ушел под воду. Замедлили ход. Кит оказался в другом месте. Видимо, он почувствовал, что за ним охотятся, и чаще начал уходить под воду. Наконец кит вышел на поверхность недалеко от нас. Раздался выстрел. Удачно! Гарпун попал немного выше грудного плавника. Но выстрел не смертельный. Кит с бешеной скоростью уходит под воду и тащит за собой толстый линь с такой силой, что линь нагревается: от него идет пар. Кит со страшной быстротой уходит в воду. Линь напрягается до предела, не выдерживает и обрывается. Кит уходит на глубину.

Команда огорчена. Так долго гонялись за китом, и он сорвался...

Приносят новый гарпун. Это кованый железный снаряд, весящий около 65—70 килограммов. У него на одном конце четыре лапки, которые при попадании в кита открываются. На головку гарпуна нанесена резьба, внутри головки — небольшое отверстие. В это отверстие вкладывается дистанционный капсюль, а на резьбу навинчивается чугунная граната весом в 8,5 килограмма. Попав в кита, граната взрывается, и гарпун вонзается в тело кита.

Пушка заряжена. Линь свернут. Мы идем дальше. Встречаем финвала. Гоняемся за ним до темноты, но бесполезно. Кит очень напуган, часто уходит на глубину, развивая большую скорость.

Сегодня охота закончена. Вблизи льдов ложимся в дрейф.

7 марта

Как только начало светать, вышли на охоту и через час-полтора напали на финвала. Он часто появлялся на поверхности, подолгу был над водой, выпускающая фонтаны. Наше судно поравнялось с китом. Гарпунер внимательно следит за финвалом. Кит выплывает. Раздается выстрел. Гарпун вонзается в тело кита немного позади грудного плавника. Это смертельный удар. Кит убит. Его подтягивают лебедкой к китобойцу. Матрос быстро втыкает пику в тело кита. Эта пустотелая пика соединена шлангом с компрессором, и через нее в кита накачивается воздух чтобы он имел хорошую пловучесть: иначе убитые киты тонут.

Затем кита пришвартовывают к китобойцу, и мы направляемся к базе. Увлечшись погоней за китом, мы довольно далеко отошли от нее. Радист берет пеленг. До базы итти часа полтора-два. Это радист определяет по слышимости радиотелефона.

На судне у капитана нашел норвежскую газету «Vestfold Arbeiderblad». Это специальный китобойный номер.

Очень образно говорится в газете о первой норвежской китобойной базе «Адмирален», промышленявшей в Антарктике. «Это был одинокий лебедь, — пишет газета, — который нашел в суровых водах Антарктики много корма и вернулся оттуда очень жирным». После этой первой экспедиции промысел стал быстро развиваться. Уже в сезон 1910 — 1911 годов в Антарктике насчитывалось 6 береговых баз и 14 пловучих заводов, располагавших 48 китобойными судами. Тогда было добыто 10 тысяч китов.

С изобретением в двадцатых годах способа гидрирования масел и, в частности, китового жира последний приобрел широкое применение в производстве пищевых продуктов, и промысел на кита получил огромное развитие. Антарктика с ее еще малозатронутыми стадами китов стала одним из важнейших районов промысла.

В последний предвоенный сезон — 1938—1939 годы — в Антарктике промыслили Норвегия, Англия, Япония, Германия, Америка, Панама и Аргентина. Больше всего было выработано жира Англией и Норвегией.

8 марта

Мы вошли в район, богатый зверем. За последние дни поступление китов на базу резко увеличилось.

Поздно вечером подошел китобоец «Слава-1», вернувшийся с острова Южная Георгия. Он весь обледенел, толстый слой льда покрыл снасти, переходной мостик к пушке, весь нос судна. На борт поднимаются Соляник и Коган. Наш оператор доволен: ему удалось сделать замечательные снимки для своего фильма.

Остров Южная Георгия — теперь главным образом китобойная база, где расположены береговые заводы по переработке китового сырья.

С океана остров очень красив. На нем много ледников. Ледяные глыбы огромных размеров отрываются и с шумом сползают в океан. Эти огромные льдины образуют айсберги.

Климат на острове очень суров. Остров подвержен действию сильных западных ветров, дующих над холодным, покрытым льдом океаном. Облачность и влажность высоки. Зимой снег выпадает ежедневно. А зима здесь начинается в конце апреля и продолжается до ноября. Несмотря на суровую зиму, проходы к гаваням всегда открыты и свободны ото льда. Здесь в

непромысловое время отстаиваются суда китобойных флотилий.

На острове водятся большие стада оленей, завезенных из северных полярных стран. На берегу и в районе острова много тюленей и птиц. Особенно много морских слонов. Эти животные совершенно не боятся людей.

11 марта

В эти дни мы попали в район очень сильного течения. За пять дней дрейф увел нас на 55 миль на север от района промысла. В среднем в сутки дрейф равен 12 милям на норд-вест. За бортом есть киты, и мы двигаться не можем. Ждем, когда китов поднимут на палубу для разделки, чтобы пойти в район промысла к китобойцам.

13 марта

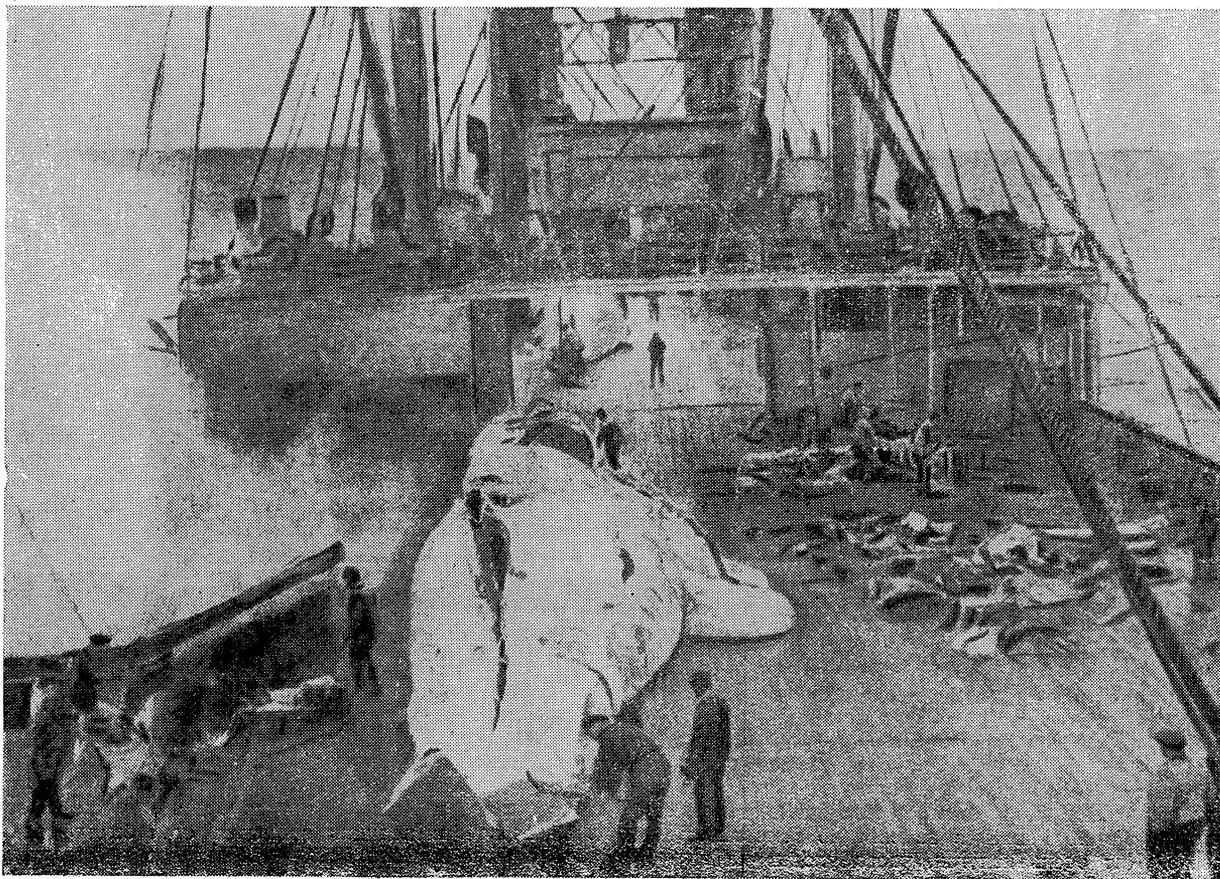
Сегодня пришла радиограмма с родины. Из Одессы вышел танкер «Кремль», который нам доставит горючее и продукты. Наша радиостанция будет ежедневно следить за движением танкера.

Яркая лунная ночь. Небо покрыто мириадами звезд. Почти над нами — созвездие Южного Креста.

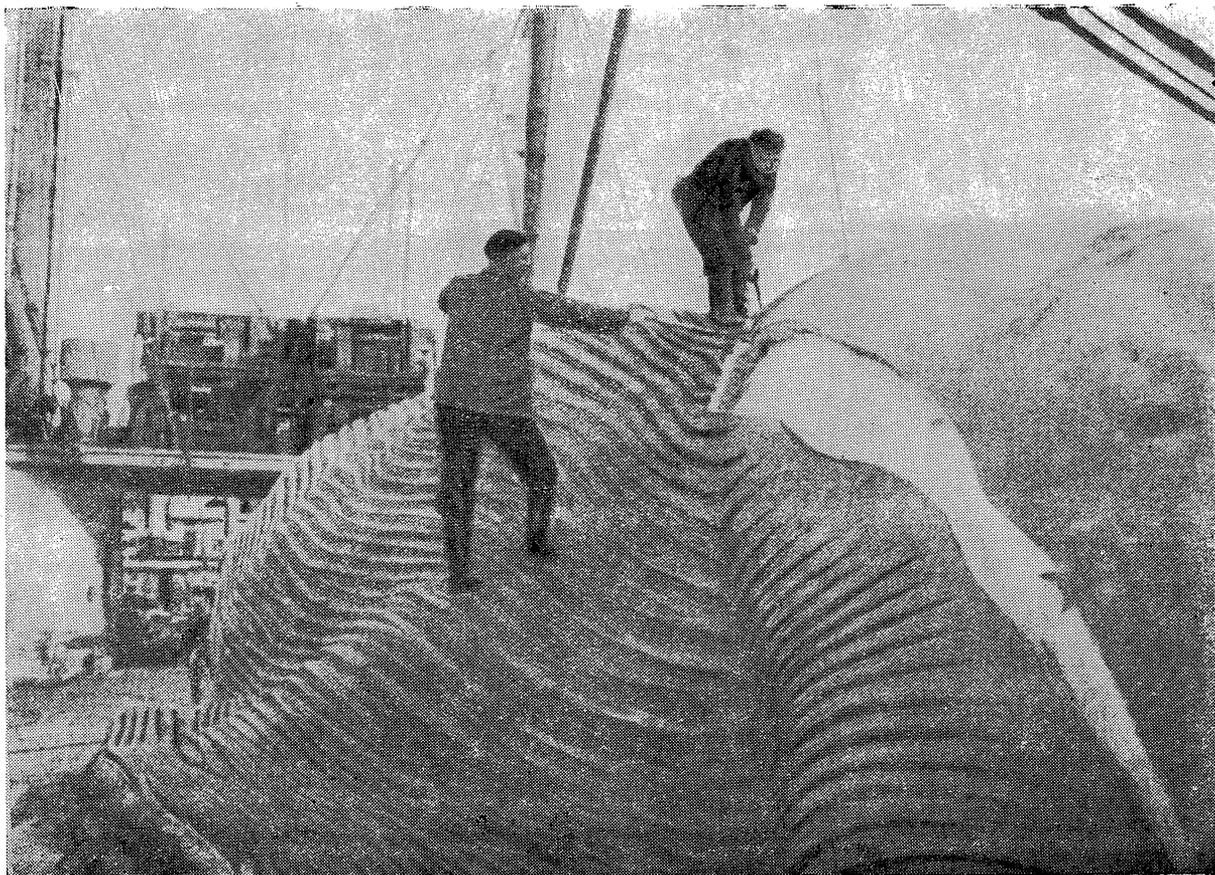
16 марта

Множество морских голубей. Они сидят на льдинах, плавают в воде. Сотни их летают над самой палубой.

Китобоец «Слава-4» до наступления вечера убил 3 китов. Огромные животные одно за другим втаскиваются на палубу.

Круглые сутки на базе кипела работа. На палубах разделывались огромные туши морских животных.

Как только кита поднимали на палубу базы, с него отделялся слой сала, толщина которого доходила до 35 сантиметров.

17 марта

У нас на палубе в последнее время появляются блювалы все больших и больших размеров. Сегодня, например, китобоец притащил блювала длиной в 28,6 метра.

Огромное животное с трудом прошло в слип, заняв всю кормовую разделочную палубу, причем его голова была еще в слипе. Посмотреть на кита-гиганта пришли все. Прибежали повар, пекарь, матросы, свободные от вахты.

Уходя от погони, блювал развивал большую скорость. У кита огромный хвостовой плавник, который служит средством передвижения. Плавник расположен горизонтально по отношению к поверхности воды. Ударяя по воде, кит придает своему телу поступательное движение. Для управления у кита служит спинной плавник. Блювал уходил от китобойца со скоростью до 11 миль, а иногда шел и быстрее.

18 марта

Сегодня при разделке кита у него обнаружили детеныша. Размер его 7,3 метра.

У китов беременность длится около года. Детеныши у них рождаются вполне развившимися один раз в два года. Размер новорожденного китенка около $\frac{1}{3}$ длины матери. Молоком детеныш кормится около 7—8 месяцев. Растут киты очень быстро и в течение первого года удваивают свой размер.

Молоко кита по цвету напоминает сгущенное коровье.

Все киты рожают детенышей в более теплых водах куда они передвигаются (мигрируют) в этот период.

...Мы находимся в районе сильных течений. За сутки нас отнесло на север примерно на 20 миль. В этом районе вода окрашена в желто-красный и коричневатый цвет, что говорит о скоплениях планктона и ракообразных, являющихся пищей китов. В местах, где теплые течения смешиваются с холодными, создаются особо благоприятные условия для развития планктона.

21 марта

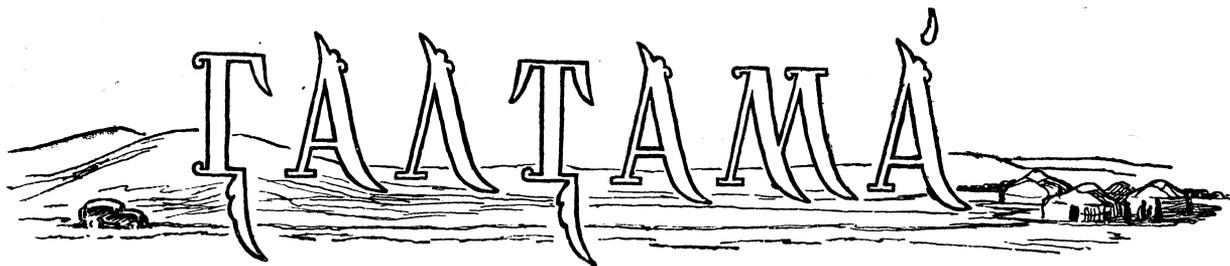
Мы с Коганом перешли на китобоец «Слава-2». Это передовой экипаж. Сегодня у него своеобразный юбилей: забит 50-й кит.

Среди экипажа судна прекрасные люди, хорошие моряки, китобои недавние, но уже познавшие секреты убоя китов. В этом экипаже передовым заслуженно является старший помощник капитана Александр Засосов. Незадолго до выхода в рейс он демобилизовался из армии и с первых дней работы на китобойце завоевал авторитет среди всего экипажа. В процессе охоты и во время швартовки Засосов принимает самое деятельное участие в подготовке снаряжения и в зарядании пушки и хорошо постиг это дело.

Хорошо работают также механик Леонид Серебряников, матрос Шимко и другие члены экипажа.

Отойдя от базы, мы сразу же вошли во льды. По дороге не встретили ни одного кита и с наступлением темноты легли в дрейф.

(Окончание следует)

Г. КУНГУРОВ

Рассказ

Рис. А. Биль

Окна большой комнаты были открыты. На стену падали розовые пятна. Степной ветер колыхал тяжелые шторы. Где-то в глубине здания трещала машинка. Склонившись к столу, сидела женщина. Она брала бумаги из толстой папки, читая их, щурила глаза, неторопливо писала на уголке листка короткие строчки. Женщина — в синем атласном халате, на груди ордена и медали. Она низко наклоняла голову к столу, и черные с проседью волосы падали на смуглый выпуклый лоб. У нее широкое лицо с чуть выдвинутыми вперед скулами, прямым носом и крупным, резко очерченным ртом. Под густыми бровями и длинными ресницами блестели строгие, умные глаза. На некоторых листках она подолгу останавливалась, и тогда ее лоб пересекала темная морщина, вздрагивали уголки рта. Это — Дашинима — член правительства Монгольской Народной республики. В дни Великой Отечественной войны на нее пала почетная обязанность: она — председатель комиссии по сбору подарков для воинов Красной Армии.

Дашиниму знали всюду. Ежедневно ей приходили письма со всех сторон монгольских степей.

Вот взяла она небольшой желтый листок; на нем — вертикальные колонки значков. С трудом можно разобратить нетвердый почерк полуграмотного человека.

Дашинима долго смотрела на этот листок, по привычке щурила глаза, и лицо ее, спокойное и строгое, покрылось румянцем.

Дашинима нажала кнопку звонка. Вошла девушка в зеленом халате, подпоясанная широким синим поясом.

— Долби, когда получено это письмо?

Девушка опустила голову:

— Две недели тому назад.

— Ты его читала?

— Я не могла разобратить, — оно написано непонятно.

— Письмо это от Галтамы — почетной скотоводки Гобийского сомона. Она пишет по-старомонгольски. Разве можно так долго оставлять письма без ответа?..

В письме Галтамы говорилось:

«Я стара, голова моя седая. Мне читали газету: идет большая война, черные шакалы напали на русских — наших друзей... Говорили мне, что ты, наша Дашинима, собираешь подарки для русских цириков¹. Не обидь меня, старуху, увези и мои подарки...»

Дашинима еще раз перечитала письмо. Вышла из-за стола и долго ходила по комнате. Перед ее глазами потянулись бесконечные желтые пески Гоби, на крошечном зеленом островке — одинокая юрта. И степь, и синее небо, и жгучий ветер — все это напоминало Дашиниме ее детство, родную юрту, мать. «Бедная мама, — шептала Дашинима, — вот и я уже седею. Сколько лет прошло!.. Как переменялась жизнь, сколько забыто горестей!..» Ущемленное сердце помнит обиды, нанесенные в детстве. В памяти Дашинимы многое потерялось безвозвратно, только глаза своей матери, выцветшие от слез, светлые дорожки на сером измученном лице она никогда не могла забыть. Вот и сейчас перед нею ожили теплые глаза матери. В них тихая женская скорбь. Дашиниме

хочется сказать: «Вытри, мама, вытри слезы... Открой глаза, будь смелей: ты — не рабыня хана Гуруна. ты — свободная монголка... Никто тебя не обидит. Смотри, какой стала твоя дочь. Твоя Дашинима, маленькая степная нищенка...»

За стеной зазвонил телефон. Дашинима улыбнулась. «Размечталась!.. Давно ведь нет моей матери, я сама уже скоро стану старухой...» Подошла к столу. Бережно взяла желтый листок, положила его в папку, подумала: «Надо съездить в Гобийский сомон, посмотреть, как живут наши люди...» Вызвала девушку.

— Скажи, Долон, чтобы завтра приготовили машину. Поеду в Гобийский сомон.

— Это очень далеко...

— Знаю, Долон. Делай, что говорю...

...Юрте Галтамы машина подошла неожиданно. Из юрты вышла пожилая женщина.

— Галтама, — сказала Дашинима, — я приехала в твою юрту, гостьей хочу быть.

— Заходи... Кто ты? Откуда едешь? Может быть, потеряла дорогу? К нашей юрте редко приезжают...

— Я — Дашинима.

— Ох! — вздрогнула женщина. — Разве можно смеяться? Дашинима в Улан-Батор-Хото сидит рядом с самим Чойбалсаном, говорит в хурале¹.

Она недоверчиво смотрела на Дашиниму. У Галтамы седая голова с коротко остриженными волосами — признаком вдовства, маленькие глубоко сидящие глаза, острые скулы, серые сухие губы. Одета она в стеганый полинялый халат, непомерно большой, в котором тонет ее худенькая фигура, на ногах неуклюжие гутулы².

Она показала гостью на двери юрты. Дашинима вошла. Ярко горел очаг, было чисто прибрано, возле очага на низеньком столике — посуда, на войлочном коврик — постели, одежда, шкуры, на высоком шкафчике — бронзовые божки-бурханы, поодаль — портрет Чойбалсана. По краю шкафчика в ряд стояли фарфоровые чашечки, наполненные салом, пшеном, маслом, сушеным творогом и мясом; курились травяные свечи³. Над очагом сушились шкурки тарбаганов.

Галтама посадила гостью на мягкий коврик, поставила на огонь большой чайник и молча рассматривала Дашиниму. Потом спросила:

— Дашинима, а ты встречала моих сыночков — Цилима и Гобо? Они — цирики, служат в армии в Улан-Баторе...

— Нет, Галтама, твоих сыночек не встречала. Цириков очень много.

— Ой-ха, — покачала головой Галтама, — а говоришь, ты — Дашинима. Она знает всех... и моих сыночков, она все знает, наша Дашинима...

В юрте стало жарко, душно. Дашинима сняла свою кожаную безрукавку. Галтама увидела ордена и меда-

¹ Хурал — народное собрание.

² Гутулы — мягкие монгольские сапоги с круто загнутыми вверх носками, на войлочной подошве.

³ Травяные свечи — прессованные из душистых богослужебные свечи, при сгорании курятся тонким ароматным дымом.

¹ Цирик — воин, боец.

ли, пристально посмотрела в лицо гостю, потом пошла к шкафчику, вынула маленький кованный сундучок. Долго рылась, нашла газету с портретом Дашинимы. По-детски замигала глазами, заплакала:

— Не сердись на меня... Плохо вижу...

Дашинима обняла Галтаму, хотела посадить рядом с собой, Галтама не села, скрылась за ситцевым пологом. Слышно было: кряхтела и охала, упрекая себя за оплошность. Вышла из-за полога в новом коричневом халате, на груди—знак почетного скотовода. Она подбросила в огонь аргала¹, поспешно сказала:

— Посиди, почтенная Дашинима, я пойду крикну дочь Дулму, пусть поторопится в бак², пусть все люди узнают: редкая гостя в моей юрте...

— Пойдем со мной, сядем в машину, возьмем дочь и съездим в сомон.

— Что ты, — обиделась Галтама, — разве можно тревожить гостя. Худое бы не приключилось.

Дашинима уступила.

— Пусть зайдет сюда твоя дочь.

Галтама вышла из юрты. Послышался ее голос:

— Дулма, Дулма!..

В юрту вошла молодая женщина, поклонилась. Дашинима встала, подала ей руку, как старой знакомой:

— Здравствуй, Дулма! Садись в машину, съезди в бак.

Дулма вышла из юрты, долго ходила около машины. Села в нее красная, смущенная.

Галтама и гостя сидели возле очага. Дашинима достала из сумки узенький желтый листок.

— Это ты писала мне?

Галтама наклонилась, старательно разглядывала листок:

— О, почтенная Дашинима, писала я сама, долго писала, однако, дней пять... Плохо вижу, не слушаются руки.

Поговорить с Галтамой Дашиниме не пришлось. Юрта наполнялась людьми, и скоро стало совсем тесно. Люди сидели плотно, много курили. Хозяйка открыла верхний полог юрты. Было шумно: каждый хотел, что-нибудь спросить у Дашинимы. Уже вечерело, а люди и не думали уходить. Многим нехватало места в юрте, и они стояли за дверцами. Ребятишки, осмотрев и ощущав много раз машину, облепили юрту со всех сторон и заглядывали под войлочную покрывку.

¹ Аргал — кизик.

² Бак — общество, административно-территориальная единица у монголов; бак объединяет 50—60 юрт.

Галтама и Дулма зажгли несколько плешек. Старый пастух Дамба сказал:

— Почтенные, выполним обычай наших отцов; распросив гостя, обрадуем его сердце веселой песней или мудрым рассказом.

— Хурчи-музыканта среди нас нет, — ответил кто-то.

Дамба приподнялся:

— Пусть старейший начнет рассказ, все слушать будут...

— Не ты ли самый старый среди нас? — спросила Галтама.

— Пусть начнет хозяйка, — улыбнулся Дамба.

В юрте стало тихо. Галтама села поближе к очагу. Голос ее — ласковый, печальный. Говорила она нараспев.

— ...Буду вспоминать давно минувшее, старую накипь дорожного котла не выскоблишь, зубами не выгрызешь. Сколько уголь ни чисть, он не будет белым; сколько худое не вспоминай, успокоения сердцу не найдешь. Детство мое — детство многих бедняков, степных скитальцев. Наша рваная юрта кочевала по Серой долине. На плохих пастбищах долго не усидишь. При кочевках самыми выносливыми были трое: мой отец, моя мать да старый кривоногий верблюд пепельного цвета, с большой плешинной на брюхе. Весь скarb нашей юрты легко размещался на трех спинах самых выносливых. На верблюда отец с матерью выючили юрту, котел и запасы еды, сами несли одежду, постель. Детей было пятеро: два брата, две сестры и я — самая старшая. Каждый из нас знал свою ношу. Братья несли ведра, корзину для аргала, сестры — чайник, деревянное корыто, я — козинуку с посудой. Караван наш шел медленно. Нам казалось, что наша юрта не так уже бедна. Впереди шел отец и вел за собой старого верблюда, за ним мать гнала стадо: десять баранов, две коровы и телочку, а в самом конце каравана гашились мы, пыльные, усталые, потные. Мы привыкли к перекочевкам, никогда не роптали и не плакали. Отец шагал, не оглядываясь, и мы, злые, размолвевшие от жары, ждали, когда он остановится, будет смотреть вокруг, ждали радостных для нас слов: «Вот тут поставим юрту...»

Когда мы слышали эти слова, мать молча снимала со спины узел. Баранов и коров отпускали пастись. Старый верблюд становился на колени, и отец с матерью развьючивали его и отпускали в степь. Юрту ставили долго. Нам тоже некогда было отдыхать. Сложив свою ношу в кучу, мы брали корзину и спе-

— Заходи... Кто ты? Откуда едешь?

шли в степь собирать аргал. Пока мать и отец ставили юрту, выростала куча аргала. Мои сестры обычно начинали ссору с братьями. Братья старались, чтобы куча аргала была побольше. Они, мои братья, были еще глупые, но заносчивые, как все мальчишки. Я и сестры старались, чтобы куча аргала казалась отцу поменьше. Мы знали, что, поставив юрту, отец закурит длинную трубку, подойдет ко мне, спросит: «Галтама, много ли аргала в степи?»

Если я скажу: «Много, отец...», он огорченно вздохнет: «Ой-хо, неудачно прикочевали, скота много тут побывало, корм начисто выбили. Дальше кочевать надо...»

Огонь в юрте разводила мать. Я с братом Шириндыбом спускалась в долину. Мы находили скупой ручеек — жиденькие струйки воды едва пробивались из-под горячего песка. Руками делали ямку и ждали, когда она наполнится водой, когда осядет муть и вода будет чистой. Деревянным ковшиком наполняли ведра.

Мы сходились вокруг очага и следили за руками матери. Наши голодные глаза спрашивали: «Будет ли мать делать лепешки, что положит в котел?..» Вода закипала, мать забеливала ее молоком. Все брали свои деревянные чашки и садились поближе к котлу. Мать давала каждому из нас по горсти сухого творогу и по сухарю. Съедали мы это так быстро, что мать долго смотрела на нас сердитыми глазами. Отец говорил: «Вас много, зачем торопиться глотать еду, от этого в мешке она не прибавляется...»

Мы исподлобья глядели на отца, злились, видя, как он полными горстями брал творог из мешка и ел, сколько хотел. Выпив много чашек кипятку, мы уходили в степь. Мать знала, куда мы идем. Мы бродили по склонам гор и выискивали все, что можно сунуть в рот и проглотить. Ели сарану, сладкий корень, степные ягоды, дикий лук. К вечеру приходили в юрту. Мать давала нам по чашке молока. Спали мы все под одним одеялом. Вставали рано, и вновь начинался длинный степной день.

Если наша юрта стояла долго на одном месте, все скучали, сердились. Отец ходил злой, мать молчала. Серые места быстро всем наскучивали, корм для скота

истощался, да и мы, бегая по склонам, ничего не находили. Если отец ленился, спал в юрте, не хотел кочевать, мать вздыхала: «Коровы убавили молока, с чем чай пить?..»

Мы знали, что завтра будем кочевать.

Страшной была зима. И отец и мать ждали ее с тревогой. Чаше и чаще мы пили чай без молока. Мать готовила зимние запасы сухого творогу. Помню, как-то осенью отец уехал на верблюде, увез на базар барана, шерсть и немного масла. Мы ждали: он привезет муки и сухарей. Отец долго не возвращался. Мать по ночам плакала.

Однажды Шириндыб пас овец и увидел караван из трех верблюдов. Он узнал среди этих верблюдов нашего пепельного кривонного старика, а на горбу — нашего отца. Он сидел важно, в новой бараньей шубе, курил длинную китайскую трубку и напевал веселую песню. Два задних верблюда шли с тяжелой нокалжей.

Шириндыб бросил овец и прибежал в юрту.

«Мы разбогатели!» — кричал он.

Мать перебила его:

«Разве сын нашел в степи клад?..»

«Наш отец едет... на трех жирных верблюдах едет, на горбах большущие вьюки!..»

Мы выбежали навстречу.

Отец подъехал к юрте, его верблюд опустился на колени. Мы побежали за отцом в юрту. Но он не пустил нас, плотно захлопнул за собой дверцы. Сначала мы сидели возле юрты, с тоскливым любопытством смотрели на створки дверок, ожидая, что они откроются, нас позовут. Но уже вечерело, а дверцы попрежнему были наглухо закрыты. Тогда Шириндыб увел нас к верблюдам. Мы без спора признали, что новые верблюды лучше нашего кривонного старика. Они смотрели молодо, шерсть на них блестела, животы лоснились. Мы стали ощупывать клади: узлы, мешки, иштики. Все было крепко перетянуто кожаными веревками. Долго не отрывались наши глаза от дорогой бараньей шубы, которую оставил отец на горбу нашего верблюда. Стемнело, да и мы устали смотреть на верблюдов и на клади. Шириндыб сказал:

— Отец отдаст мне вот этого верблюда.

Голос ее ласковый, печальный, говорила она нараспев.

Однажды Шириндыб пас овец...

«Что? — крикнула Гунга, моя средняя сестра. — Это мой верблюд!»

Мы начали шумно ссориться. Братья подрались. Послышался громкий плач нашей матери. Братья побежали к верблюдам. Мы пошли к матери. Она бросилась ко мне, стала обнимать и целовать меня.

«Мама, — сказала я, — не плачь, наш отец стал богатым... Посмотри, какие жирные верблюды, какие тяжелые тюки на них!»

Мать заплакала еще громче. Заплакали и сестры. Мне тоже хотелось плакать, но в юрту вошел отец, довольный, веселый. Он дал каждому подарок, и мы забыли про слезы: подарки покорили нас. Никто не верил, что он держит в руках горсть леденцов, три красных пряника, кусок сахара. Куда это положить, куда спрятать? Мне же отец протянул большой сверток, погладил меня по голове. Мне хотелось скорее развязать сверток. Надвигалась ночь. Отец вспомнил, что Шириндыб оставил овец в степи, и вышел из юрты. Я развязала сверток, в нем — шелковый халат светломалинового цвета, нитка крупного бисера и высокая китайского покроя бархатная шапочка.

«Надень, Галтама, все это», в слезах сказала мать.

В новом наряде я показалась всем красавицей. Сестры завидовали мне. Я гордилась, говорила сестрам: «Вот вырастете, отец и вам привезет такой наряд...»

Никто не хотел выходить из юрты, все старались подбросить в огонь аргала. В котле варилась жирная баранина, привезенная отцом. Чем дольше мы ждали возвращения отца, тем мучительнее терзал нас голод. Из котла валил пар, пахло вкусной едой. Вошел отец. Все сели на свои обычные места. Мать поставила на стол большую деревянную чашу, полную баранины. Отец посмотрел на нас, улыбнулся:

«Нашу юрту ошастливила Галтама. Богатый князь Бумба-ван берет ее в жены. Бедности нашей конец пришел...»

Глупые мои братья и сестры радовались. Но мать безутешно плакала. Я закрыла лицо руками, молча упала на кошменный коврик. Отец окликнул меня:

«Ты, Галтама, невеста, что молчишь?»

Глаза мне застлала тень, колючие мурашки пробежали по спине, губы тряслись. Что я могла ответить отцу? От своих подруг знала я о глупом князе Бумба-ван, имеющем десять жен. Когда я вновь услышала отца, заплакала:

«У князя много жен...»

«Глупая овца!» крикнул отец и взял большой кусок баранины.

Обо мне забыли, жадно ели баранину, запивая ее густым наваром. Я тоже принялась за еду, о князе Бумба-ван забыла. Только мать сидела молча поодаль стола.

Когда все насытились и, разгоряченные, вспотевшие, встали из-за стола, отец, утирая полый халата жирные губы, похлопал меня по спине:

«Галтама, сказанное мною поняла?»

«Из этой юрты никуда не поеду».

Я уцепилась за халат матери.

Отец плюнул на войлочный коврик, бросил нож, крикнул матери:

«Не женщины ли хозяйничают в этой юрте, не умнее ли они мужчины?.. Скоро придет за Галтамой князь Бумба-ван».

Отец замолчал; братья мои и сестры, сытно наевшись, скоро уснули. Я сидела рядом с матерью. Отец толкнул меня в бок:

«Ложись спать! Худо, когда пищит мышь, думая, что говорит важное...»

...Зимовали мы хорошо. Кочевали мало. В котле не выводилась жирная еда. Но вот ранней весной, когда еще не растаял снег, к нашей юрте подошел караван. Приехал князь Бумба-ван. Его караван из десяти верблюдов и трех лошадей остановился на холме, в двух пешеходных переходах от нашей юрты. Люди князя поставили белую палатку. К нему поспешил мой отец.

На другой день меня нарядили в белый халат, посадили у очага. Пришел князь Бумба-ван. На белый коврик у очага сел старик с длинной бородой, тонкими седыми усами. Глаза у старика бегали, как зверюшки. Маленький, узкоплечий, с серым морщинистым лицом, сидел он в пестром шелковом халате, в безрукавке, опушенной лисицей, и высокой меховой шапке. Закурив трубку, он молчал. Все смотрели на него. Я сидела рядом, но меня он не замечал. Выкурив одну трубку, он закурил вторую и попрежнему молчал. Потом, взглянув на меня, повернулся к отцу:

«Слово свое помнишь? Обещанное могу ли увезти в свою юрту?..»

Отец поклонился:

«Не слышу от князя слов одобрения. Доволен ли обещанным?»

«То, что вижу, прикрытое подаренным мною халатом, составляет все твое богатство. Я доволен. Ты отдаешь лучшее из того, что имеешь при твоей черной бедности...»

Обида скривила лицо моему отцу, но он скрыл это, князю ответив учтивым поклоном. Мать осмелилась, шопотом спросила князя:

«Что ждет нашу Галтаму, — не умерла бы она от горя?»

У князя вздрогнули брови, сжал он сухие губы, выбил трубку о камень очага, скосил сердитые глаза:

«Голос женщины, прерывающей речь мужчины, подобен крику козленка, отбившегося от стада. Только мужчина поймет мужчину...»

Я уцепилась за халат матери.

Князь поспешно пошел из юрты, отец побежал за ним. Через два дня мы узнали, что князь Бумба-ван тяжело заболел. Его юрта простояла на холме все лето. К больному привезли из ближайшего дацана¹ лучшего ламу-лекаря. Это не помогло. Тогда князя увезли обратно в южные степи.

«Проданный товар храни взаперти, чтоб не нашелся новый покупатель», — учит старая пословица. Птица зачухнет в клетке, молодость умрет в одиночестве... Отец величал меня княгиней, соседи смеялись над ним. Не раз ездил он к больному князю, возвращался довольный и еще строже оберегал, прятал меня. Князь более десяти лет не вставал с постели. Потускнело надо мной небо. Умирало мое молодое сердце. Я томилась в юрте, вдали от людей, без радости, без песен, как одинокое дерево на голом увале...

Князь, умирая, подарил меня своему старшему брату, князю Бадма-гун.

Помню жаркое лето. Я одиноко сидела у своей юрты. Солнце обжигало степь. Сквозь красную мглу оказалось оранжевым кругом. Скот спешил к водопою, собаки лениво развалились, высунули языки, дышали часто: птицы сидели на пыльных ветках, разинув клювы. Из-за крутого холма показался караван в шесть верблюдов, он двигался к нашей юрте. На первом верблюде ехал мой отец, за ним торопил своего верблюда человек в нарядном халате, княжеской шапке. Караван подошел к юрте. Я скрылась за дверцей, смотрела в щелку. Отец помог своему спутнику слезть с верблюда. Приехавший мягко опустился на песок. Он — старик, высокий, длиннолицый, похожий на китайца. Он посмотрел усталыми глазами на юрту. Отец просил его войти. Но он презрительно сморщился, в юрту не пошел. Это был князь Бадма-гун.

Скоро к юрте подвели верблюда. По бокам его висели две корзины. В одной сидела старуха с черным обветренным лицом, в полинявшем темном халате, другая корзина — пустая. Мать принесла мне новый наряд княгини. Я закричала:

«Не хочу ехать в чужую сторону!..»

Вошел отец, сердито поглядел на меня и на мать.

«Ты, Галтама, думаешь сидеть в моей юрте еще десять лет?»

Матери отец сказал тихо, но я слышала:

«Князь спросил: не постарел ли товар?»

Мать помогла мне одеться, лицо мое густо нарумянила, набелила. В юрту вошли братья и сестры. Со мной прощались. Никто не плакал. Это огорчило меня. В полдень караван двинулся в путь.

Верблюд шагал мягко, плавно качалась корзина. Я скоро заснула.

...Шел всеми прославленный тысяча девятьсот двадцать первый год. Араты выгоняли из степей князей, купцов, нойонов. Полки храбрых батырей наших — Сухэ и Чойбалсана — подходили к столице Монголии — Урге. Молодое солнце загорелось над степью. Я же сидела в своей одинокой юрте, ничего об этом не знала, не слышала. Караван князя Бадма-гун шел в далекие южные степи. Сидя в корзине, вспоминала я нашу бедную юрту. «Что ожидает меня? Куда несет меня верблюд в этой тесной корзине?» Слезы текли из моих глаз. «Буду пасти княжеский скот, от худой жизни сбегу в степь, спрячусь», думала я. Наплакавшись, уснула. Проснувшись от крика и стрельбы. Подняла голову, выглянула из-под полога. Но снова спряталась: тонкая бамбуковая палка прищлась мне по лбу. Это черная старуха умерила мое любопытство. «Проклятая, — шептала я, — для этого и посадил тебя князь в корзинку». Потом я услышала шопот:

«Галтама, Галтама, ты слышала крики, выстрелы?»

Я догадалась: шептала старуха. «Хитрая, она ждет, не покажется ли моя голова из-под полога, чтобы снова посадить мне шишку на лоб».

«Галтама, не бойся», услышала я шопот.

«Кто ты?»

«Пленница князя».

Это был князь Бадма-гун.

«Куда везет меня князь в этой вонючей корзине?»

«О, ты — моя повелительница, ты — седьмая жена князя...»

«Не ты ли посадила мне шишку на лоб? Кто же из нас повелительница?.. Зачем смеешься надо мной? Разве мало у меня горя?»

«Не сердись, ты выглянула не во время: рядом на коне ехал князь... Я слышала, ты плакала. Сидящие в этой корзине всегда плачут. Слезы их — серая тень, умирающая в полдень».

«Я не пойду в юрту князя, пусть увезет меня обратно к матери...»

Слышно было, как закашлялась от смеха старуха:

«Пичужка, поповавшая в когти коршуна, не вырвется... Кто же купленное возвращает?..»

«Продана, продана», повторяла я и рвала зубами рукав халата. Слезы у меня иссякли, плакать я не могла. Вспомнилась радость в нашей юрте, когда приехал на трех верблюдах отец. Бедность нашу растоптали эти три верблюда. Братья и сестры радовались, на меня смотрели, улыбались.

Где-то в стороне послышался конский топот, ожесточенные крики. Мне хотелось выглянуть из-под полога. Но чья-то рука завязала тесемки. Верблюда подгоняли плетью, он бежал, тяжело дыша.

Затрещали выстрелы, крики приближались. Корзина наклонилась набок, ударились о песок, верблюд опустился на колени и лег. Где мы остановились? У юрты князя? Пусть протянет ко мне кто-нибудь руки, я укушу его за пальцы. Старуха не шевелилась; кто-то шагал по песку взад и вперед. Здрожала земля, верблюд вскопчил. Кругом стреляли. Над головой слышался молодой, звонкий голос:

«Найш! Найш! (Сюда! Сюда!)»

Конский топот заглушил крик. Я прижалась к стенке корзины. Потом услышала голос старухи:

«Галтама, ты жива?»

«Жива... Что у нас над головой? Война?»

Старуха сорвала шелковый полог с моей корзины. Я увидела: по степи скакали всадники. Убегал князь Бадма-гун со своими приближенными. За ним гнались цырики. Князь бросил своих верблюдов. Я смеялась, радовалась. Старуха дернула меня за волосы:

«Что смеешься? Нас схватят разбойники!..»

К нам подъехали на взмысленных конях вооруженные люди.

«Кто вы? Куда ехали?»

«Люди князя Бадма-гун», ответила старуха.

На меня смотрел молодой, быстроглазый монгол в зеленом халате, в красной остроконечной шапке, с винтовкой в руках.

«Кто?» спросил он меня.

«Галтама, дочь бедного пастуха из Серой долины».

¹ Дацан — монастырь.

Цирики расхохотались:

«С каких это времен дочери бедных пастухов стали наряжаться в княжеские одежды?..»

«Говори — кто? Нам нет времени разговаривать!»

Я осмелела, поднялась в своей корзине:

«А вы какие люди? Почему ружьями женщин пугаете? Достоин ли это мужчины?»

Молодой монгол подъехал к моей корзине. Глаза его мне показались страшными, злыми. Я задрожала. Сквозь слезы рассказала о своем горе. Он помог мне вылезти из корзины. Я ступила на песок, зашаталась; в проклятой корзине мои ноги распухли, отекли, отказывались идти.

«Она больная, — сказали цирики, — посади ее, Дугур, на коня».

Так услышала я имя того молодого монгола в зеленом халате. Я ехала на коне. К вечеру мы приехали в лагерь цириков Сухэ-Батора. Меня привели в большую юрту. Там было много женщин. Они готовили в больших котлах еду цирикам. Меня поставили к одному из котлов: «Помогай, старайся...»

Так я стала работать в лагере Сухэ-Батора. Мы прошли всю степь из конца в конец. В отряд прибывали араты¹. Котлов в нашей кухне становилось все больше и больше. Старуху, с которой пришлось мне ехать на одном верблюде, я никогда потом не встретила, не знаю даже ее имени. Бывают такие в жизни нашей встречи, от которых остается у нас лишь шишка на лбу.

В отряде Сухэ-Батора подружилась я с монголом в зеленом халате, Дугуром. Когда наша повариха раздавала цирикам еду, я успевала подбросить в котелок Дугура жирный кусок. Дугур снился мне, плакала я, когда долго не видела его. Находила уловки и хитрости, чтобы убежать из большой юрты, встретить где-нибудь Дугура. Он был разведчиком и в лагере находился редко. Я знала его серую лошадь, могла из тысячи всадников узнать Дугура по зеленому ха-

¹ Араты — бедные пастухи, скотоводы.

лату и красной шапке. Однажды я встретила его вместе с Сухэ-Батором. Сухэ-Батор заметил меня.

«Кто эта монголка? — спросил он у Дугура. — Как очутилась среди нас?»

«Наша партизанка, из большой поварской юрты».

«Из какого района? Кто ее отец?»

Дугур ничего не знал о моих родителях. Я ответила Сухэ-Батору. Он строго сказал Дугуру:

«Надо отвести эту девушку в родную юрту. Упавший из гнезда птенец умрет...»

«Мне хорошо здесь», закричала я вслед ускокавшему Сухэ-Батору. Но он ничего не слышал. Оглянувшись скакавший позади Дугур, улыбнулся. Может быть, он слышал мои слова.

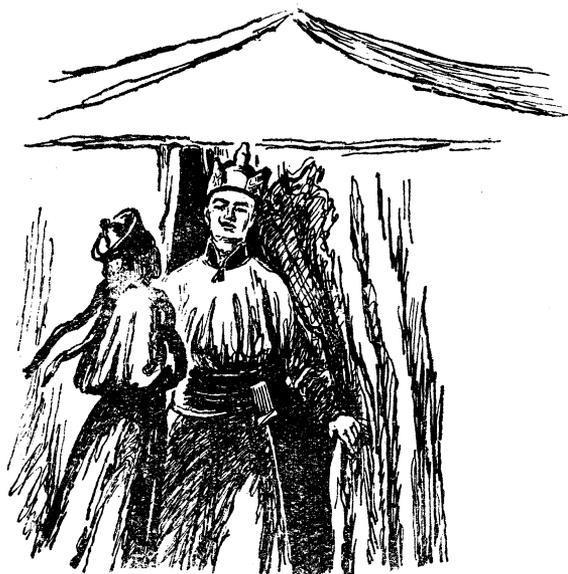
...Рано утром наша юрта всполошилась. Со всех сторон разгоралась стрельба. Белые разбойники Унгер-на¹ надумали врасплох налететь на наш лагерь. Бой не прерывался весь день. Мы свернули юрту, перевезли ее, поставили в перелеске.

У каждого человека немало в жизни черных дней. Проходит время, даже выжженное место в степи обростает травой; сживает, смиряется с горем и человек. А вот моя рана не заживает, черное поле моей печали цветами не зарастает; сколько бы ни поливала его своими слезами, стоит оно голое, мертвое... В том бою погибло немало цириков. Погиб и мой храбрый Дугур. Растоптали мое сердце белые разбойники... Бросила я большую юрту, кипящие котлы, побежала в степь. Сердце мое плакало, но глаза были сухие. К палатке Сухэ-Батора меня не пускали. Видно, очень страшно было мое лицо. Стоящий на посту цирик говорил: «Пришла ты не во-время. Уходи!..» Я села на песок, ждала. Когда вышел Сухэ-Батор, я бросилась к нему. Он спросил:

¹ Унгерн фон Штернберг — бывший есаул царской армии, одна из черных фигур контрреволюции. После разгрома белогвардейцев в Забайкалье бежал в Монголию, захватил столицу Ургу. Прославился зверскими погромами и истреблением монголов. Расстрелян в 1921 году по приговору Сибревкома.

Молодой монгол подъехал к моей корзине.

Когда вышел Сухэ-Батор, я бросилась к нему.

«Как зовут тебя? Ты встречалась мне».
«Галтама — зовут меня. Я работаю в большой юрте..»

«Что же ты просишь?»

«Винтовку и коня, почтенный Сухэ-Батор!»

«Зачем тебе это? Для тебя есть другая работа».

«Хочу рассчитаться с белыми разбойниками. Отомстить за Дугура», крикнула я.

«Он брат твой?»

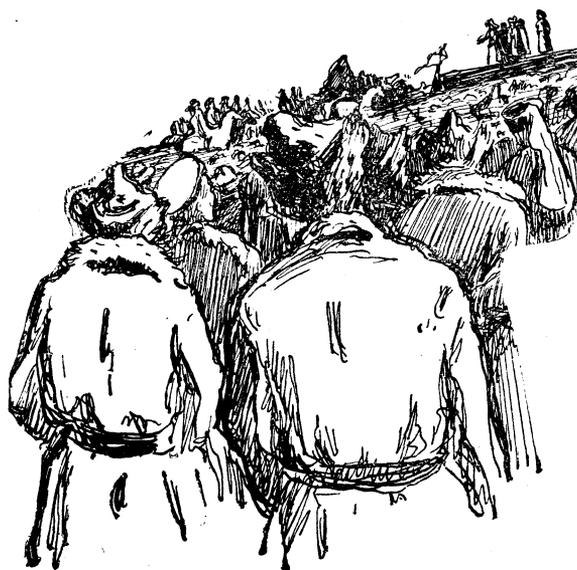
«Он — храбрый циррик. Он — друг мой...»

Сухэ-Батор посмотрел на меня.

«Мы отомстим за Дугура и за других погибших в боях... Иди, Галтама, в большую юрту, делай свою работу. Ты и там помогаешь бить врагов...»

Плохо помню, как прошла зима и весна. Наступил жаркий июль. Войска Сухэ-Батора и Чойбалсана вошли в Ургу. Победителей встречал народ. На площади с высокого помоста говорил Сухэ-Батор:

«Мы, народные воины, получив помощь от великой России, освободили нашу страну-мученицу от ино-

Победителей встречал народ.

земных захватчиков... Не жалея сил и жизни, создали народное правительство — хозяина свободной Монголии. Торжествуйте, араты!..»

До вечера не расходился народ с площади.

А потом настали годы радостной жизни. И вы, мои гости, и ты, славная Дашинима, знаете, как зацвели родные степи, как трудится аратство, умножая скот и богатство родины... Многого плохо помню. Давно кочую в Гобийских степях. Умер мой муж, славный пастих, выросли мои дочери и сыновья. Побелела моя голова. Я не хочу, чтоб вернулись Бумба-ван и Бадма-гун, чтоб покупали они молодость наших детей и везли ее на жирном верблюде в черной корзине.

Галтама вздохнула, зажгла трубку. Никто из юрты не уходил, хотя в степи стояло утро. Каждый думал. Перед всеми проходили годы их жизни. Дашинима смотрела на Галтаму. Судьба Галтамы похожа была на судьбу матери Дашинимы, и чем больше одолевали воспоминания, тем упорнее казалось Дашиниме, что и ее прошлая жизнь также похожа на жизнь Галтамы. Дашинима поднялась, сказала:

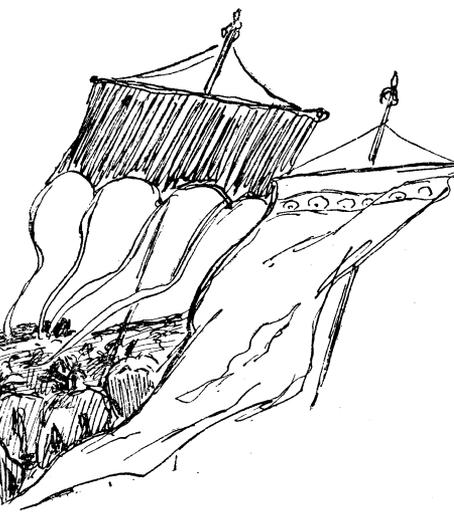
— Пусть огорчения и слезы Галтамы, ее растоптанная молодость станут уроком для молодых, здоровых, счастливых. Пусть они помнят это и кровью берегут свободу своей родины.

Дашинима прочитала письмо Галтамы, приняла от нее подарки для Красной Армии. Тогда поднялась молодая девушка в светложелтом халате, в белом берете. Глаза ее припухли от слез:

— Мы собрали в районе много подарков, большой караван отправляем в Улан-Батор. Их собрала Галтама. Мы помогали ей. Назовем этот караван именем Галтамы. Хорошее ли я сказала?

— Хорошее, — ответила Дашинима.

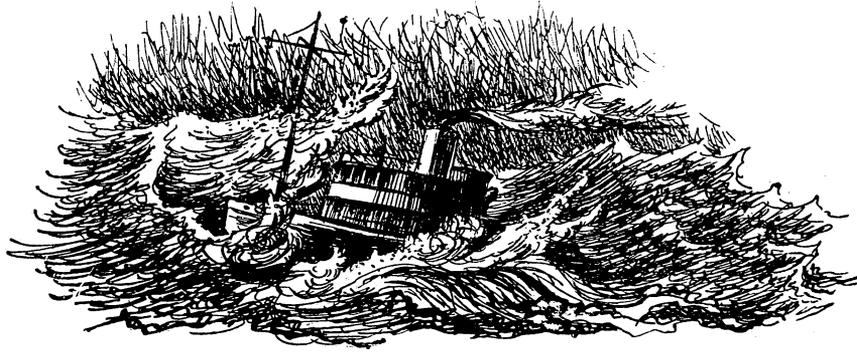
...По степи мчалась машина. Рядом с Дашинимой сидела Галтама. Машина спешила в Улан-Батор. А по той же дороге тянулся большой караван. Верблюды, тяжело навьюченные, широко шагали по сыпучему песку. Впереди шел верблюд пепельной масти, большой,

жирный, гладкий. На его горбу сидела девушка в светложелтом халате, в белом берете.

По старому обычаю караван остановился на холме, недалеко от города. Верблюды отдыхали, опустившись на траву, люди зажгли костры. В полдень караван вошел в Улан-Батор, остановился около площади, заполненной народом. На трибуне, у памятника Сухэ-Батору, рядом с вождем монгольского народа Чойбалсаном стояли старая Галтама и Дашинима. Галтама вспомнила тысяча девятьсот двадцать первый год, жаркий июль, эту же площадь, молодого, торжествующего Сухэ-Батора.

Когда пришло время и ей говорить с трибуны, она улыбнулась, посмотрела вокруг счастливыми, помодевшими глазами и молча показала на большой караван с подарками.

Небывалый рейс

Катер «Циклон» пришвартовался к шестому причалу Одесского порта. Едва заметное суденышко это затерялось среди больших океанских кораблей.

Впервые в истории мореплавания четырнадцать советских моряков на этом катере совершили небывалый рейс из Нью-Йорка... в Одессу.

Поистине трудно было поверить, что на судне, водоизмещением всего в 240 тонн, которое может ходить только в порту или по реке, можно пройти Атлантический океан и пять морей: Средиземное, Ионическое, Эгейское, Мраморное и Черное — 5 739 миль!

В Нью-Йорке капитана катера «Циклон» Порфирия Иосифовича Биюль осаждали американские моряки:

— На этой скорлупке через океан?.. Капитаны дальнего плавания с уверенностью пророчили неминуемую гибель и судна и людей в океане. Три подобных катера при попытке перейти океан погибли, а два были доставлены в Англию на палубе большого корабля.

— Мне жаль хороших моряков. — подошел к Порфирию Иосифовичу старый капитан из штата Нью-Джерси. — И хожу по Гудзону на таком катере. В свежую погоду на реке у нас и то заливает верхнюю палубу, а в океане эта букашка наверняка перекинется.

Американцы советовали взять катер на палубу океанского парохода «Генерал Черняховский», который в это время стоял в Нью-Йоркском порту, но команда катера, состоявшая из черно-морских моряков-орденоносцев, участников Великой Отечественной войны, все же приняла решение отправиться в самостоятельный рейс. Эти бывалые моряки, перевозившие в боевой обстановке в дни войны на наших пароходах разные грузы, с честью выходили из самых тяжелых испытаний. Теперь, в мирное время, они были уверены в том, что преодолеют трудности и этого рейса. Командование катером было доверено опытному, с 22-летним стажем, капитану дальнего плавания П. И. Биюль.

— Только русские большевики могут пойти на такое трудное дело! — так провожали советских моряков рабочие Нью-Йоркского порта.

Сотни моряков различных национальностей пришли посмотреть на «Циклон» и его отважную команду.

Капитан Биюль распорядился разместить все наиболее тяжелые грузы в машинном отделении катера, чтобы понизить центр тяжести и увеличить предел крена.

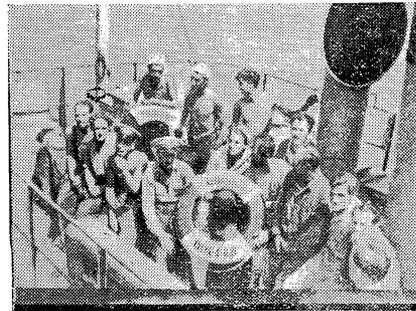
В Атлантическом океане катер попал в циклон: в «фродную» стихию. Восемь суток продолжался жестокий 8—9 балльный шторм.

С неслыханными трудностями встретились мореходы. Восемь суток люди работали в пробковых спасательных поясах. Был момент, когда катер исчез в штормовой волне. Крен достиг 40 градусов, на 16 градусов выше предельного.

В критическую минуту люди в пробковых поясах собрались у верхнего светового люка машинного отделения, готовые по сигналу капитана покинуть катер.

Однако капитан Биюль, искусно маневрируя, сумел вывести судно из опасного положения.

На седьмые сутки сильного шторма люди на маленьком катере стали укачиваться. Морская болезнь выводила из строя даже закаленных старых

Команда катера «Циклон». Снимок сделан с борта парохода «Генерал Черняховский».

моряков. Высокая температура затрудняла дыхание — судно было герметически закрыто. В жарком машинном отделении люди чувствовали себя, как в закупоренной бочке. Волны Атлантики с ревом бились о палубу. Люди передвигались только через лазы — внутренние ходы сообщения.

Однако экипаж ни на минуту не терял бодрости и уверенности в своих силах. Механизмы в опытных руках старшего механика М. Т. Умыскова, второго механика З. М. Пономаренко и третьего механика С. Р. Моргенштерна действовали отлично.

Неожиданно борт маленького корабля получил сильный удар. У всех было такое ощущение, будто «Циклон» стал проваливаться в яму. Казалось, оставались считанные секунды жизни катера. Судно накренилось на 48 градусов. В машинное отделение хлынула вода. За суденышком, по правому и левому борту, следовали акулы, ожидавшие поживы...

«Циклон» большую часть пути в Атлантике шел на буксире за пароходом «Генерал Черняховский». Круглые сутки на корме океанского парохода вахтенные следили за маленьким судном. Матрос держал наготове топор, чтобы обрубить манильский трос (длинной в 500 метров), связывавший пароход с катером, в том случае, если последний перевернется.

Когда «Циклон» снова накренился, на этот раз уже на 48 градусов, и скрылся в воде, матрос уже было замахнулся топором... Две с половиной секунды продолжался крен в 48 градусов. Когда люди на «Генерале Черняховском» уже бросились к спасательным шлюпкам, вахтенный крикнул:

— Смотрите, «Циклон»!

Из бушующих вод показались краешек носа и кусочек трубы храброго суденышка.

Капитан Биюль и его команда выдержали предельные 24 градуса крена и 48 градусов двойного крена!..

Когда шторм утих и катер закачался на спокойных волнах, всех удивил его цвет; судно стало темнокрасным — покрылось ржавчиной от долгого пребывания в воде. Казалось, что оно было вытаскано со дна моря: множество медуз, летучих рыб и водорослей уже поселилось на палубе. Почти вся корма была занесена длиннобородыми водорослями. Голубая медуза, с нитями длиной до семи метров, плыла по палубе...

В пути моряки встретили американский пароход. Свернув с курса и обогнув катер, американцы спросили сигналами: «Не нужно ли оказать вам помощь?» Капитан катера, поблагодарив, от помощи отказался.

От Гибралтара катер шел без буксировки до самой Одессы.

Появление «Циклона» на Мальте и в Гибралтаре вызвало сенсацию. Портовые власти на Мальте были крайне поражены. Между ними и капитаном Биюль произошел такой разговор на английском языке:

— Вы откуда пришли?

— Из Нью-Йорка.

— Откуда?!

— Нью-Йорка.

— Но этого быть не может!

— Я не шучу...

Портовые чиновники и морские специалисты разных рангов с целой свитой советников посетили и осматривали судно.

— Вы с того света пришли... В бурю на такой крошке!.. — говорили они, поздравляя команду и капитана с успешным рейсом.

Портовые рабочие восторженно встречали советских моряков. Английские моряки, не веря глазам своим, с удивлением рассматривали суденышко, перешедшее через океан. Многочисленные экскурсии посещали катер. Большую, законную гордость испытывали советские матросы, чувствуя свое превосходство над иностранными моряками.

...Катер сейчас тихо покачивается на ленивой зыби в одном из уединенных уголков Одесского порта. Выкрашенный еще во время рейса, «Циклон» выглядит нарядно. Скоро он примется за работу и начнет буксировать большие океанские корабли, баржи с хлебом, лесом и рудой.

И. Тайчер

В ТАЙГУ ЗА МЕТЕОРИТОМ

КАК НАШЛИ СИХОТЭ-АЛИНЬСКИЙ МЕТЕОРИТ

С. ГЕРАСИМОВ

Ясным солнечным утром 12 февраля 1947 года над центральной частью хребта Сихотэ-Алинь стремительно пронесся крупный метеорит — ослепительно яркий огненный шар с красноватым хвостом и широким дымным следом. Яркость его была так велика, что предметы отбрасывали на землю вторые тени. Полет метеорита длился от 4 до 5 секунд. Не долетая до земли, метеорит распался и каменным дождем упал на одну из пологих скалистых сопок в верховьях реки Вторая Ханихеза, в 12 километрах к северо-востоку от деревни Харьковка Красноармейского района Приморского края. Здесь в течение нескольких часов стояло столбообразное облако черного дыма с красновато-розовым оттенком.

В радиусе до ста километров от места его падения был слышен мощный гул, похожий на артиллерийскую канонаду. Удар о землю был зарегистрирован Владивостокской сейсмической станцией. Действие потрясающей силы воздушной волны распространилось на десятки километров. С крыш домов и построек в окружающих селах сдуло снег. Дрожали стены, рамы, распахивались окна, открывались и закрывались двери. Во многих домах выбило оконные стекла, из печей высыпались угли и зола. В шахтах одного прииска погасли шахтерские лампочки.

Животные испытывали беспокойство: жалобно мычали коровы, разбегались козы, кричали птицы. Собаки с визгом забивались в конуры или жались к ногам человека.

Летчики Дальневосточного геологического управления Алексей Агеев и Павел Фирциков, возвращаясь из полета с побережья Японского моря в Хабаровск, наблюдали полет метеорита и заметили место его падения. Сверху они увидели крупные воронки и вывороченные деревья. После сообщения летчиков в Хабаровске снарядили экспедицию в составе действительных членов Приамурского филиала Всесоюзного географического общества В. А. Ярмолюка, В. В. Онихимовского, Г. Г. Татаринова. Одновременно с этим из Владивостока выехал на поиски упавшего метеорита заведующий геологическим сектором Дальневосточной базы Академии наук СССР кандидат геологических наук Ф. К. Шипулин. Из многочисленных сообщений наиболее точной оказалась информация секретаря Красноармейского райкома ВКП(б) тов. Лякишева и корреспондента газеты «Тихоокеанский комсомолец» И. И. Божок со станции Бурлит.

Летчики Агеев и Фирциков доставили хабаровских геологов в район деревни Харьковка — ближайшего, по их мнению, населенного пункта от места падения метеорита. Посадка

была очень трудной. Не менее трудным оказался и переход к цели: навьюченные котомками, с материалами, инструментом и продовольствием, геологи шли через тайгу по пояс в снегу, без всякой тропы и дороги. Ночевать приходилось под открытым небом.

Еще труднее была задача Шипулина. Ему пришлось идти от села к селу, опрашивая очевидцев и постепенно уточняя место падения небесного гостя. Да и путь Шипулина от железной дороги был в несколько раз длиннее, чем у хабаровских товарищей.

Шипулина сопровождали охотник П. Берган и связист В. Смирнов. Путь их проходил по глухой и нетронутой тайге, перевитой лианами, по полям с толстым слоем рыхлого снега. Сразу же выяснилось, что валенки совершенно непригодны для ходьбы в таких условиях: они быстро набухают, тяжелеют. Ноги обернули в мягкую и теплую траву, а затем в кусок сыромятной кожи и стянули ремешками. В таких олочах (как называют эту обувь местные охотники) легко и удобно ходить по глубокому снегу. Переход был очень утомителен. Легче пройти десять километров по обычной дороге, чем километр по вязким сугробам. Иногда мечтали хоть десять-пятнадцать шагов пройти по твердой почве. Неудобным был только охотник, который,

казалось, совершенно не чувствовал усталости.

Ночевали то в охотничьих избушках, то под дуллистым деревом, разводили костры, растапливали снег, жарили подбитых рябчиков. В деревне Харьковка хорошо подкрепились кабаньим мясом, молоком, медом. Узнали, что здесь вчера приземлился самолет. Трое товарищей погрузили багаж на лошадь и ушли искать метеорит.

У цели к хабаровским геологам, прибывшим на полчаса раньше, присоединился и Шипулин, который, идя от села к селу и опрашивая местных жителей, также нащупал место падения метеорита. Тем приятнее было найти уже установленную на месте палатку. Ученые познакомились и приступили вместе к обследованию кратерного поля. Произвели глазомерную съемку скружающей местности, обмерили крупнейшие воронки, собрали легкие куски метеорита, сделали десятки снимков.

Глухой таежный район. Здесь растут знаменитый жень-шень. В кедровом лесу встречаются деревья и других пород — дубы, белые и черные березы, аяская ель, тополь, клен,

кустарники — орешник и аралия. И все это причудливо перевито, переплетено густыми лианами винограда и лимонника.

Картина жестокого разрушения и опустошения открылась взорам геологов. Масса раздробленных камней отброшена на 500—600 метров. Много ободранных, исковерканных деревьев, особенно со стороны воронок. Некоторые стволы срезаны, как пилой. Кедр в полтора-два обхвата рассечен на мелкие щепы или выворочены с корнями и отброшены на несколько десятков метров. Колоссальное количество кусочков земли, камня, осколков метеорита изрешетили снежный покров, утрамбованный сильной воздушной волной. Дождем метеоритных осколков в скальной породе сопки на площади длиной примерно в километр и шириной в полкилометра образовано более сотни больших и маленьких воронок. Они имеют чашеобразную или конусообразную форму. Диаметр крупнейшей воронки — 28 метров, глубина — 6 метров. Большая часть обнаруженных кусков метеорита была сплюсненной, лепешкообразной формы. Сихотэ-алиньский метеорит, как был назван небесный гость — по имени хребта, на склонах которого он

упал, несомненно, является одним из редчайших метеоритов не только в нашей стране, но и во всем мире.

В окружающих селах, а затем и в городах Хабаровского и Приморского краев геологи прочли много популярных лекций, вызвавших небывалый интерес среди населения. Один старик-колхозник после доклада, задав несколько вопросов, сделал вслух такое замечание: «Похоже, что земля и звезды — одна материя!»

Оператор Хабаровской студии кинохроники Борис Прок заснял место падения метеорита и произведенные им разрушения. Художник Медведев из города Имана видел, как нэбу прочертило огненное ядро метеорита. Под свежим впечатлением он написал картину, которую впоследствии приобрел Комитет по метеоритам Академии наук СССР.

В конце апреля на место падения сихотэ-алиньского метеорита прибыла экспедиция под руководством академика В. Г. Фесенкова — председателя Комитета по метеоритам Академии наук СССР. Экспедиция собрала богатый материал для изучения метеорита. Исследования советских ученых имеют важное значение для мировой науки о метеоритах.

В КРАТЕРНОМ ПОЛЕ

Е. Л. КРИНОВ,

заместитель начальника экспедиции Академии наук СССР

ВЕСТИ С ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Полет метеорита, пронесшегося 12 февраля 1947 года над Приморским краем, наблюдался жителями многих селений на сотни километров вокруг. Вскоре после исчезновения болида, скрывшегося от взоров изумленных людей где-то за сопками в западных отрогах Сихотэ-Алиньского хребта, раздались мощные удары, как бы взрывы, а за ними последовали грохот и гул. След, оставшийся на небе после болида в виде широкой дымной полосы, был виден в течение всего дня. Он постепенно искривлялся, принимал зигзагообразную форму и исчез только к вечеру.

Вскоре после этого необычного происшествия в Академию наук СССР и, в частности, в Комитет по метеоритам посыпались одна за другой телеграммы. О падении метеорита и обнаружении места его падения телеграфировали и геологи и районные работники из Хабаровска и Владивостока. В телеграммах сообщалось, что обнаружено свыше 30 воронок, из которых наибольшая имеет около 25 метров в диаметре, а также о находках осколков железного метеорита и другие подробности.

Академия наук решила срочно послать на место падения метеорита специальную экспедицию. Руковод-

ство ею было поручено академику В. Г. Фесенкову — председателю Комитета по метеоритам.

Началась спешная подготовка к отъезду. Нужно было в течение нескольких дней подготовить научное оборудование, экспедиционное снаряжение, получить продовольствие и

материалы. Сборы усложнялись наступлением переходного сезона. Приходилось брать с собой и полушубки (с валенками, шапками, рукавицами, ватными костюмами в расчете, что в тайге мы встретим еще конец зимы и морозы) и летнее снаряжение (на тот случай, если бы экспедиция затянулась). Впоследствии мы убедились, что такая предусмотрительность была не напрасной. Наконец сборы были окончены, и в марше — частью скорым поездом, частью самолетами — экспедиция выехала из Москвы во Владивосток.

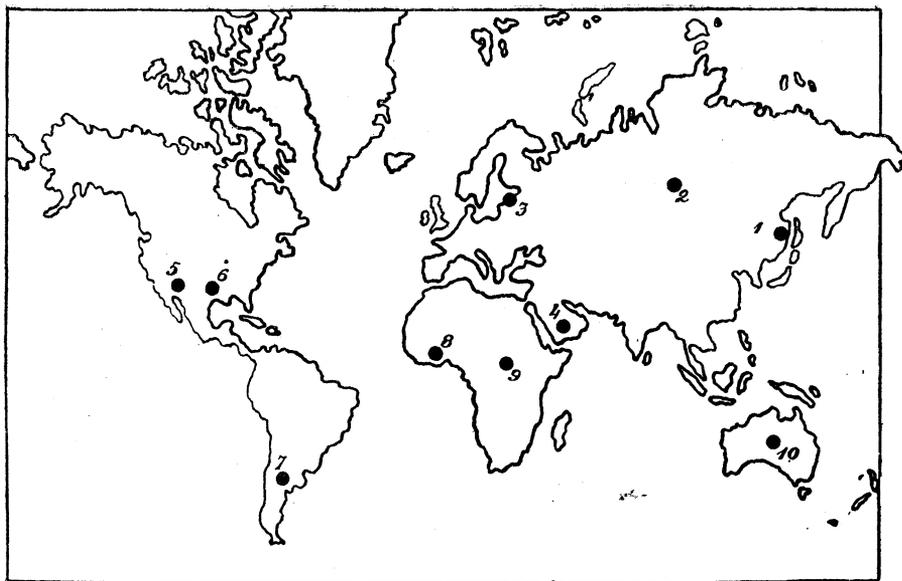

Академик В. Г. Фесенков, председатель Комитета по метеоритам Академии наук СССР и начальник экспедиции.

КОСМИЧЕСКАЯ БОМБАРДИРОВКА

Падение метеоритов на Землю — явление, вообще говоря, не редкое. В течение года на Землю падает, вероятно, не менее тысячи метеоритов. Однако подавляющее большинство их, падая в моря и океаны, пустыни и полярные страны или в другие мало населенные места, остаются неразысканными. Только ничтожное число, в среднем 5—6 метеоритов в год на всем земном шаре, становится достоянием науки.

Обычно падают очень небольшие метеориты, весом в несколько килограммов, редко — до сотни килограммов. Падение метеорита, или, вернее, его движение в земной атмосфере,

Большинство известных крупных метеоритных кратеров находится в пустынях; здесь, не разрушаемые осадками, они могут сохраняться на протяжении тысячелетий. За историческое время зарегистрировано только два падения очень крупных метеоритов; оба они упали в нашей стране (тунгусский и сихотэ-алиньский). Места падения крупнейших метеоритов, установленные мировой наукой до настоящего времени: 1. Сихотэ-алиньский метеорит (упал в 1947 г.). 2. Тунгусский метеорит (упал в 1908 г.). 3. Крупные метеоритные кратеры на острове Сарема в Эсто-ской ССР (открыты около столетия тому назад, исследованы в 1927—1937 гг.). 4. Метеоритный кратер Вабар в Аравии (открыт в 1932 г.). 5. «Каньон Дьявола» в Аризоне (открыт в 1891 г.). 6. Метеоритный кратер в Техасе (открыт в 1921 г.). 7. Скопление кратеров Кампо-дель-Чельо в Аргентине (известно с 1576 г., но исследуется только в последнее время). 8. Кратер Афанит на Золотом берегу (мало изучен, метеоритное происхождение не вполне доказано). 9. Кратер Нгоро-Нгоро (то же). 10. Скопление кратера у Хейбери в Австралии (открыто в 1931 г.).

почти всегда сопровождается мощными световыми, а иногда и звуковыми явлениями, особенно эффектными ночью. В это время по небу проносится огненный шар (болид) с хвостом, рассыпающий искры. Отсюда, между прочим, в старину и возникли легенды о полетах «огненных змеев». Все кругом озаряется на сотни километров ярким светом. Явление длится всего лишь несколько секунд, затем болид исчезает, как бы потухнув, и все снова погружается в ночной мрак. Но по прошествии нескольких минут раздаются сильные удары, похожие на взрывы, грохот, треск и гул.

Эти явления объясняются тем, что, вторгаясь в земную атмосферу со скоростью в среднем около 20 километров в секунду, метеорит мгновенно сжимает перед собой частицы воздуха и уже на высоте около 100 километров над Землей образует впереди себя своеобразную воздушную подушку. Вызывая огромное сопротивление воздуха благодаря своей чудовищной скорости, он непрерывно испытывает торможение. Энергия его движения переходит в тепло и свет. Воздушная подушка нагревается до нескольких тысяч градусов. Раскаленные струи воздуха со всех сторон обтекают метеорит, вызывая кипение и испарение его поверхностных частей; метеорит непрерывно уменьшается, он как бы «сгорает». Часто он не выдерживает огромного давления воздуха и дробится на куски (но не взрывается!).

Метеорит обыкновенно начинает светиться на высоте около 80—100 километров, а на высоте 10—20 километров он теряет свою скорость. В этот момент все световые явления прекращаются, болид тухнет, а не успевший полностью испариться в воздухе метеорит падает на землю. Вследствие очень кратковременного промежутка, в течение которого метеорит пронесется в земной атмосфере с космической скоростью, он не успевает прогреться внутри и падает на Землю только теплым или, самое большее, горячим, но никак не раскаленным, как часто думают. Поэтому метеориты не могут вызвать пожара при своем падении, даже если они и упадут на какие-либо легко воспламеняющиеся предметы. Так, в 1936 году у нас на Украине небольшой метеорит, весом немного более килограмма, при падении попал на черепичную крышу дома. Пробив крышу, он задержался на чердаке, где и был обнаружен на следующий день. Другой метеорит весом около 2½ килограммов, упавший в сентябре 1938 года в Америке, попал на крышу гаража. Пробив ее, он пробил затем крышу стоявшего в нем автомобиля и разорвал подушку сиденья шофера, в которой и был найден. В январе 1938 года метеорит весом около 800 граммов упал в Чкаловской области в 18 метрах от проходившего охотника, которым и был тотчас же поднят. Метеорит был лишь горячим, но не раскаленным. В том же году в Павлодаре Казах-

ской ССР упало сразу два небольших метеорита, из которых один весом около 100 граммов упал в одном метре от шедших по улице жителей города. Метеорит был сейчас же поднят, причем он также был лишь горячим. В сентябре 1937 года метеорит весом около 53 килограммов упал в Татарской АССР днем в поле, около работавшей колхозницы, которая воздушной волной была сбита с ног, но никаких повреждений не получила. Попутно заметим, что до сих пор не было отмечено ни одного достоверного случая, попадания метеоритов в людей. Это и понятно, если учесть ничтожную вероятность такого случая.

Многие метеориты были обнаружены случайно, либо при пахоте полей, или на рудниках и присках, либо при иных каких-либо обстоятельствах.

Всего к настоящему времени на земном шаре насчитывается около 1500 найденных метеоритов, из них 117 приходится на долю нашей страны.

Если метеорит имеет большие размеры и весит сотни или тысячи тонн, то он может достичь поверхности Земли с остатками космической скорости. В таком случае при ударе метеорита о Землю произойдет взрыв вследствие мгновенного перехода энергии его движения в тепло. От этого взрыва основная масса твердого вещества метеорита мгновенно превращается в газ, во много раз превосходящий по объему сам метеорит. В результате на месте взрыва образуется кратер. Такие гигантские метеориты падают очень редко. В настоящее время на всем земном шаре известно около десятка кратеров. Общеизвестный тунгусский метеорит, упавший в Центральной Сибири 30 июня 1908 года, относится к таким кратерообразующим метеоритам. Однако до сих пор так и не удалось обнаружить осколки этого метеорита; установлено только место его падения, где сохранились еще следы катастрофы в виде сплошного радиального вывала леса в радиусе до 30 километров. То, что не были найдены осколки метеорита, объясняется условиями характера района, в котором он упал,—ведь это заболоченная и заросшая енисейской тайгой местность. Мы знали, что сихотэ-алиньский метеорит, хотя и является очень большим, но все же недостаточно велик, чтобы сохранить к моменту падения часть космической скорости. Поэтому мы могли рассчитывать, что падение не вызвало взрыва и что нам удастся найти сам метеорит или его твердые куски.

В последние годы ученые пришли к выводу, что метеориты попадают на Землю из нашей солнечной системы, а не приходят из межзвездных пространств, как предполагалось ранее.

Метеориты представляют собой единственное космическое вещество, которое мы можем изучать непосредственно, а не при помощи приборов, как это делают астрономы. Мы можем подвергать метеориты всевоз-

Можным исследованиям с помощью современных самых точных методов, изучать их структуру, состав, физико-химические свойства и т. д. Все это дает нам возможность раскрывать и узнавать новые, не известные нам условия, при которых возникают во вселенной различные химические соединения, образуются космические тела. Поэтому метеориты тщательно собираются, подвергаются всесторонним исследованиям и хранятся в специальных коллекциях.

В нашей стране сбором, изучением и хранением метеоритов занимается Комитет по метеоритам Академии наук СССР¹.

По своему составу метеориты подразделяются на железные, железо-каменные и каменные. Железные, состоят из железа (90 процентов), никеля (6—8 процентов), кобальта (около 0,7 процента), имея также примеси фосфора, серы, углерода, хлора и некоторых других элементов. Каменные метеориты состоят, главным образом, из кремния (18 процентов), магния (14 процентов), кальция (1,3 процента), серы (2 процента), алюминия (0,8 процента). Кроме того, в метеоритах присутствует в большом количестве в виде соединений с другими элементами кислород (до 36 процентов), а также металлические включения (никелистое или сернистое железо), достигающие иногда 20—25 процентов. Вообще говоря, в метеоритах обнаружены почти все известные на Земле химические элементы; новых элементов в них не найдено. Однако изучение структуры метеоритов и их минералогического состава дает нам очень много нового. Оказалось, что многие железные метеориты обладают своеобразной кристаллической структурой, которую в точном виде пока не удалось получить искусственным путем, несмотря на многочисленные попытки к этому. Очень интересной структурой обладают и железо-каменные метеориты, так называемые палласиды. Они представляют собой как бы железную губку, пустоты которой заполнены стекловидным минералом — оливинном (желто-зеленого цвета). Необычной структурой обладают и многие каменные метеориты, вследствие чего они резко отличаются от всех земных горных пород.

Все целые метеориты всегда бывают покрыты сверху тонкой (до 1 миллиметра) корой плавления, образующейся при остывании остатков из подплавленного вещества метеорита в тот момент, когда он теряет при своем движении в воздухе космическую скорость, то есть еще на высоте 10—12 километров. В изломе каменные метеориты бывают обычно серые, но встречаются и черные и совсем белые. Кора метеоритов ча-

ше всего бывает черной и матовой. Метеориты большей частью имеют на поверхности своеобразные небольшие углубления, называемые пьезоглиптами. Кора и пьезоглипты являются основными характерными признаками метеоритов.

Самый крупный в мире железный метеорит весом около 60 тонн был найден в Африке в 1920 году, но падение его никем не наблюдалось, а поэтому и неизвестна дата, когда он упал.

К МЕСТУ ПАДЕНИЯ МЕТЕОРИТА

Во Владивостоке экспедиции пришлось некоторое время «сидеть у моря и ждать погоды» — бураны в силотэ-алинской тайге не позволяли выехать сразу же на место падения метеорита. Правда, это время не было потеряно: экспедиция использовала его, чтобы познакомиться со всеми материалами, собранными уже местными научными работниками. Геолог дальневосточной базы Академии наук СССР Шипулин уже побывал на месте. Он передал экспедиции осколки метеорита, собранные им в воронках. Эти материалы, а также рассказы Шипулина свидетельствовали о действительно необычном по своим размерам и обстановке падении метеорита. Многие опрошенные Шипулиным очевидцы передавали, что летевший по небу метеорит был ярче солнца и слепил глаза. Люди, в момент падения метеорита находившиеся в помещении, заметили как бы вспышку. От ударов дрожали в окнах стекла, раскрывались двери; многие ощущали сотрясение Земли. Все эти рассказы, вполне понятно, возбуждали огромное нетерпение, хотелось скорей попасть на место падения метеорита и самому увидеть следы причиненных им разрушений, начать детальное изучение всей обстановки падения, произвести раскоп-

ки воронок и сбор выпавших метеоритных масс.

Не менее интересными были и показания летчиков Геологического управления Фирщикова и Агеева. Пролетая на высоте около 700 метров, они заметили в густой тайге резко выделявшиеся на белом снежном фоне между деревьями рыжие от глины и скальных пород округлые воронки. Они решили, что здесь и упал наблюдавшийся ими метеорит.

Наконец 22 апреля экспедиция выехала сперва поездом до г. Имана, а затем оттуда в тайгу на грузовых автомашинах. В Имане мы узнали, что бойцы, выделенные Приморским военным округом для помощи экспедиции, уже находятся на месте падения метеорита и приступили к постройке избы для экспедиции. В Имане мы побывали также у местного художника Медведева. В момент падения метеорита он находился на улице около своего дома и рисовал этюд. Вдруг неожиданно перед его взором по небу пронесся метеорит. Он тут же, под свежим впечатлением, принялся за новую картину, и в результате ему удалось хорошо изобразить в красках падение метеорита. Мы приобрели у него эту единственную в своем роде картину. Она будет помещена на метеоритной выставке Минералогического музея Академии наук СССР.

Дорога в тайгу шла сперва по шоссе, идущему параллельно реке Иману. Признаться, нас несколько разочаровал довольно однообразный ландшафт, простиравшийся во все стороны. Все мы мечтали сразу же попасть в дебри глухой непроходимой уссурийской тайги с ее тиграми, медведями, кабанами и другими дикими зверями. Мы представляли себе тайгу такой, как описал ее неутомимый путешественник — географ В. К. Арсеньев, много лет изучавший Приморский край. Между тем во все стороны от дороги простирались болота, местами заросшие кустарником,

В тайге. Палатка бойцов.

¹ Этому комитету следует сообщать о всех случаях падений метеоритов. Комитет всем желающим высылает специальные печатные инструкции для наблюдений над падением метеоритов. Существует также Комитет по метеоритам и при Украинской Академии наук, который ведет свою работу на территории Украины.

Раскопки одной из больших воронок диаметром больше 20 метров.

лишь изредка попадались отдельные небольшие деревца. Правда, вдали виднелись сопки, которые по мере приближения к ним становились довольно живописными. Мелькали небольшие деревушки с типичными украинскими хатами и с украинскими названиями: Гончаровка, Гогсленка и т. д., — напоминание о том, что этот край заселялся главным образом переселенцами-украинцами. Крикливые и беспокойные чибицы, длиннохвостые пестрые сороки и нарядные сосредоточенные удоуды встречались на всем пути. Изредка попадалась стайка диких уток, вернувшихся сюда для гнездования.

В деревне Новополтавка — последний населенный пункт на нашем пути — нас встретили участники экспедиции Дивари и Берлизов, выехавшие из Владивостока раньше нас для опроса очевидцев падения. Они прошли пешком свыше 170 километров и побывали во многих селениях.

Переночевав в селе Новополтавка и получив в леспромхозе девять выючных лошадей, утром на следующий день (26 апреля) мы тронулись в дальнейший путь.

Настоящая тайга началась за живописной речкой Бейцухе. Она состояла сперва главным образом из лиственных пород с преобладанием березы и дуба. Затем все чаще стали попадаться и хвойные деревья: кедр, пихта, ель. Тайга становилась все более дикой и заросшей. Мы продвигались по временной дороге, проложенной лесорубами минувшей зимой. Местами дорога оказывалась почти непроходимой, иногда на несколько километров тянулись болота; нередко приходилось вброд переходить через быстрые, голые вешней воды ручьи. Люди шли по колено в воде; ноги у всех давно уже были насквозь мокрые. Лошади скользили и падали; выюки срывались.

Наконец последний переход! Это был уже четвертый день пути от Имана до места падения метеори-

та — конечной цели нашего путешествия. Остается всего 15 километров. Последний участок пути проходил уже по сплошной тайге, при отсутствии даже какой-либо тропы. Вот теперь мы по-настоящему узнали, что такое уссурийская тайга, увидели всю ее дикость и своеобразие. Уссурийская тайга поражает тем, что здесь встречаются деревья и растительные виды из самых различных климатических поясов земного шара. Мы встретили и пробковое дерево, и грецкий орех, и черную березу. Было как-то странно видеть самую обыкновенную нашу березу, но с совершенно черной, словно обугленной, корой. На каждом шагу попадалась аралия — кустарник, ветви которого сплошь покрыты тончайшими иглами. Стоит только прикоснуться к сухим аралии, как сейчас же на руке остается множество колючек, вытащить их не так просто, а оставаясь, они вызывают образование маленьких нарывчиков. Часто попадались и лианы, достигающие толщиной нескольких сантиметров, высоко взобравшиеся на деревья. Недоставало только обезьян, качающихся на этих лианах! В тайге растет и дикий виноград, плоды которого вполне съедобны и не лишены вкуса. Один из видов лиан называется по-местному лимонником. Небольшой кусочек лианы, положенный в чай, придает ему сильный привкус настоящего лимона.

По мере приближения к месту падения метеорита стали попадаться камни, выброшенные из метеоритных воронок. Забыв про усталость, мы прибавили шаг. Хотелось скорее дойти до цели. Вот р березовой роще уже и палатка бойцов, а рядом — недостроенная изба для экспедиции. Не задерживаясь в лагере, мы пошли на кратерное поле, — так мы называли заранее то место, где упал метеорит и где, как мы уже знали, было много воронок. Сюда от лагеря всего полкилометра. Поражающая картина!

Более десятка крупных воронок, диаметром от 15 до 25 метров и глубиной в несколько метров, вскрыжали площадь около половины квадратного километра. Воронки производили впечатление разрушений от какой-то мощной бомбардировки с воздуха. Лес вокруг воронок был разбит, деревья стояли без крон, многие были выворочены с корнями и отбросены далеко в сторону. Все место между воронками почти сплошь засыпано камнями, глиной и ветвями деревьев, среди которых попадались и большие обломки толстых стволов деревьев.

ПОДАРКИ ИЗ МЕЖ- ПЛАНЕТНОГО ПРО- СТРАНСТВА

Уже на третий день по прибытии, когда устройство лагеря было окончено, экспедиция по изучению падения сихотэ-алиньского метеорита приступила к своей плановой работе. Академик Фесенков с группой сотрудников занялся съемкой контуров и рельефа крупных воронок, а я с лаборантом Малинниковым — описанием и промером малых и средних воронок.

1 мая во время очередной экскурсии по кратерному полю мне удалось обнаружить первый целый, так называемый индивидуальный, экземпляр метеорита, покрытый корой плавления и пезоглинтами. Метеорит весил около 12 килограммов. До этих пор все найденные нами в воронках метеориты представляли собой осколки весом от нескольких граммов или десятков граммов до нескольких килограммов, образовавшиеся в результате удара о скальные породы более крупных метеоритных масс (весом, может быть, в несколько тонн). При падении они дробились, и их осколки были сильно деформированы, и никаких остатков первоначального вида метеоритов на них не осталось. Поэтому моя находка индивидуального целого экземпляра была интересной: мы могли, наконец, узнать, какой первоначальный вид имел каждый упавший метеорит. Работа нашей экспедиции окончательно установила, что метеорит вторгся в земную атмосферу в виде одной массы. Но во время движения его с космической скоростью в земной атмосфере, вследствие сильнейшего сопротивления воздуха и хрупкой кристаллической структуры нашего метеорита, он раздробился на большое число отдельных кусков разной величины. Все такие куски, оплавившись с поверхности, выпали затем на землю в виде своеобразного железного дождя. Общий вес всех частей, вероятно, достигает сотни тонн. Одни куски, весом в тонны, образовали крупные воронки в кратерном поле, более мелкие вызвали образование небольших ям, в которых нередко они «лежали открытыми». Еще более мелкие, вплоть до нескольких граммов весом, просто оставались на поверхности Земли.

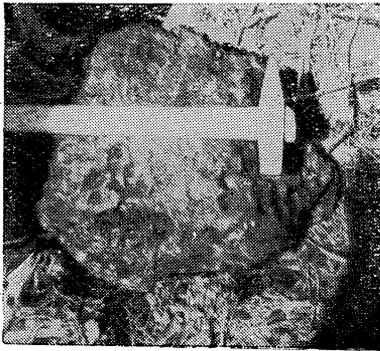
В тот же день такой же индивидуальный экземпляр нашел и Шипулин. А один из бойцов обнаружил

лунку, заполненную водой. После удаления из лунки воды в ней был обнаружен метеорит, весом около 40 килограммов, который и был доставлен в нашу избу. Так начался сбор метеоритов и их осколков.

Мы вели работы по составлению карты кратерного поля, систематически делали описания малых и средних воронок, изучали так называемую «тыловую часть эллипса рассеяния», тянущуюся 5—7 километров от кратерного поля. Каждый день мы собирали сотни килограммов метеоритного вещества. Мы иногда приходилось засиживаться далеко за полночь, внося в каталог и этикетуя собранные за день образцы метеоритов.

Каждый день мы находили все новые и новые воронки. Сначала было известно 32 воронки, а к окончанию работ экспедиции эта цифра увеличилась до 106. Когда постройка лагеря была окончена и бойцы освободились, мною при участии 12 человек было устроено «прочесывание» тайги в тыловой части эллипса рассеяния. Эту работу мы проводили в течение двух дней. В результате мы нашли несколько десятков прекрасных метеоритов весом в несколько десятков килограммов. Несколько образцов имели вес, вероятно, до 300 килограммов.

Под руководством академика Фесенкова было приступлено с помощью бойцов к частичному вскрытию одной из самых крупных воронок, диаметром в 22 метра. Одновременно мною с другими бойцами было вскрыто две воронки по 3 метра диаметром, из которых мы извлекли метеориты весом килограммов по 300, и две метровые воронки. В последних мы обнаружили метеориты, весом килограммов по 70—80. В результате раскопки крупной воронки удалось собрать много осколков разной величины, однако крупной главной массы обнаружить не удалось. При раскопках воронок применялись миноискатели, которые в некоторых слу-

Метеорит, выкопанный из воронки, изображенной на нижнем снимке.

чаях помогли быстро обнаружить залегающие в почве метеориты... Одновременно с этими работами мы занимались тщательным изучением обстановки падения. В кратерном поле вокруг воронок можно было наблюдать множество удивительных явлений, вызванных падением метеоритных масс. Изучение их даст нам возможность подробно исследовать все условия выпадения сихотэ-алинского метеоритного дождя.

17 мая экспедиция окончила свою работу, и 18 мая мы отправились из тайги по уже знакомой нам дороге на Иман.

Наша экспедиция окончилась, но работы по изучению этого исключительного в истории человечества гигантского метеорита, рассыпавшегося дождем и образовавшего единственное на земном шаре кратерное поле, разумеется, будут продолжаться в течение ряда лет. На весну 1948 года запроектирована организация очередной экспедиции. Кроме того, в настоящее время поставлен вопрос об объявлении места падения метеорита заповедником, причем решено некоторые крупные воронки сохранить в нетронутом виде, построив над ними павильоны для предохранения от вредных климатических влияний.

Раскопки одной из небольших воронок, диаметром около 1 метра.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЮБИЛЕИ

1947 год — год железнодорожных юбилеев в нашей стране. Сто десять лет назад, в 1837 году, была построена и начала работать первая в России железная дорога, связавшая Петербург с Павловском. Называлась эта дорога «Царскоесельской», так как на пути между Петербургом и Павловском лежало Царское Село — летняя резиденция российских монархов.

Стоила эта дорога недешево: каждый километр обошелся в 130 тысяч рублей серебром. Все оборудование для дороги было куплено за границей — даже рельсы и подвижной состав. Вагонов не было. Вместо них ходили платформы, на которых были установлены коляски, на шесть-восемь мест каждая. Колея была одна. Для сигнализации ночью зажигали костры, днем вывешивали шары — черные и желтые.

Проезд стоил недешево, и дорогой могли пользоваться только знать да богатые люди. Вместо билетов выдавались железные бляхи.

Сто лет назад, в 1847 году, была построена вторая дорога: Петербург — Колпино. По этой дороге пущены были паровозы и вагоны, впервые построенные в России.

Справила в 1947 году свой полувековой юбилей и Алапаевская узкоколейная железная дорога (на Урале), соединяющая Алапаевск с Муратовым, Нейво-Шайтанкой, Зырянкой и, по примыкающим к ней путям, с многочисленными районами горнорудного Урала. Дорога проходит по тайге, связывая поселки лесорубов, углежогов и колхозы.

Невиданными в дореволюционное время темпами развилось железнодорожное строительство в Советском Союзе. Особенности размах оно приобрело в годы великих сталинских пятилеток и с каждым годом ширится. Еще в 1935 году на приеме железнодорожников в Кремле товарищ Сталин указал, что «СССР, как государство, был бы немислим без первоклассного железнодорожного транспорта, связывающего в единое целое его многочисленные области и районы. В этом великое государственное значение железнодорожного транспорта в СССР». Особенно подчеркнута необходимость восстановления и развития, наряду с тяжелой промышленностью, железнодорожного транспорта и в послевоенном сталинском пятилетнем плане. План этот, в частности, предусматривает постройку второй восточной железнодорожной магистрали — Южно-Сибирской, протяжением свыше 3 600 километров. Из них около 2 тысяч километров путей должны быть построены к концу 1950 года. Магистраль эта начнется в Восточной Сибири, пройдет через Кузнецкий угольный бассейн, пересечет степи Казахстана, соединится в районе Магнитогорска с железнодорожными линиями Южного Урала и выйдет к среднему течению Волги в районе Куйбышева. Дорога эта сделает возможным широчайшее развитие народного хозяйства.

В новой пятилетке войдет в число нормально действующих железных дорог нашего Союза линия Кизляр—Астрахань, построенная в конце первого года Великой Отечественной войны — первый поезд по этой магистрали прошел 15 августа 1942 года. Линия Кизляр—Астрахань создает кратчайшую связь Кавказа с Уралом и Поволжьем. В годы Великой Отечественной войны, в 1942 году, была построена под руководством и с помощью ленинградских железнодорожников Заноярская магистраль — Печорская дорога. Первые тонны угля из Воркуты были доставлены по новой дороге в осажденный Ленинград. Сейчас Печорская дорога вступила в строй нормально действующих железных дорог: по ней идут печорский уголь и ряд других важных грузов.

Д ж е т ы - с у

Область между озерам Балхаш, Иртышом и горами — Заилийским и Джунгарским Алатау — казахи издавна называли Джеты-су (в переводе — «Семь вод, семь рек»). Когда в этот край в середине XIX века пришли русские, они просто перевели это старинное туземное название; так получила свое имя новая административная единица — Семиреченская область. Поселенные здесь сибирские казаки, основавшие в 1854 году крепость Верную (нынешний г. Алма-Ата, столица Казахской ССР), были названы Семиреченским казачьим войском. И поныне край этот часто зовут Семиречьем, или, по-казахски, Джеты-су.

Какие же именно семь рек дали ему это поэтическое имя?

Вопрос этот заинтересовал еще первых исследователей этого края. Уже в

советские годы к нему вернулся наш виднейший востоковед и анаток Средней Азии и особенно Джеты-су — покойный академик В. В. Бартольд. Вот какие «семерки» выдвигали в объяснение слова Джеты-су:

К. Влангали А. К. Гейнс В. В. Бартольд

(1851 г.)	(1866 г.)	(1927 г.)
Аягуз	Лепса	Лепса
Лепса	Баскан	Баскан
Ак-су	Саркан	Ак-су
Биень	Ак-су	Биень
Каратал	Биень	Каратал
Кок-су	Каратал	Кок-су
Или	Кок-су	Кызыл-Агач

Мы видим, что «семерки» в общем очень похожи, особенно две последние; в первой захватывается несколько более

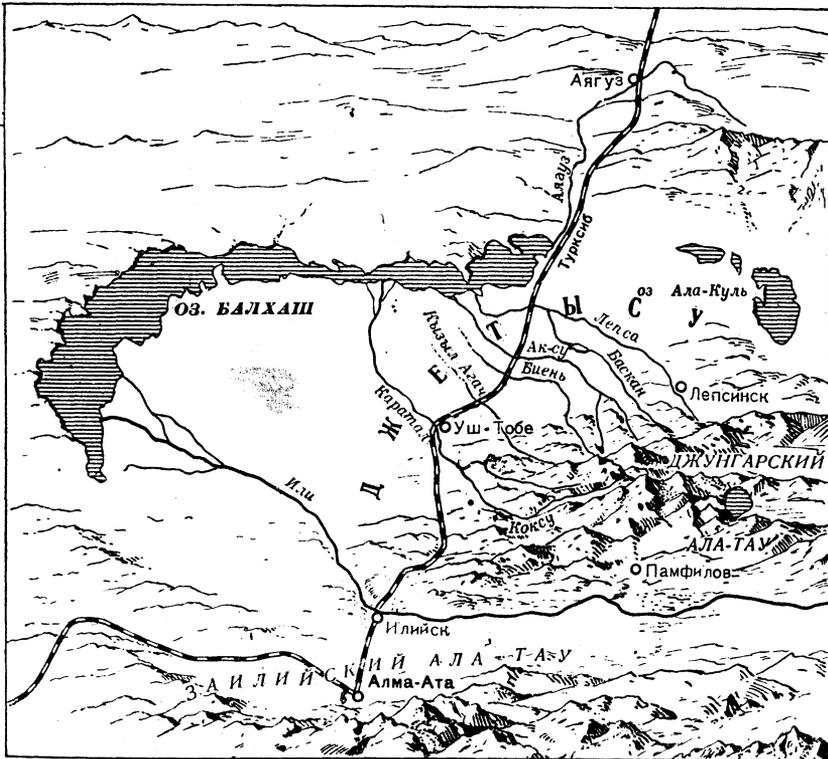
широкий «пучок» рек; зато пропущены некоторые более мелкие речки внутри него. «Семерку» академика Бартольда следует считать наиболее вероятной, так как этот автор вел подсчет по той полосе предгорий, где в старину было сосредоточено больше всего населения.

«Многоводное» название Джеты-су наводит как будто бы на мысль о хорошей обводненности края: еще бы — целых семь рек орошают этот край! В действительности обводненными здесь являются лишь предгорья, где сбегаящие с гор семь рек и многочисленные их притоки-ручьи легко перехватить, чтобы направить воду в оросительные каналы — арыки. Равнина, лежащая ниже, представляет собой настоящую пустыню, и знаменитые семь рек теряются здесь в песках, не всегда даже донося свою воду до озера Балхаш, в который им «полагается» впадать.

Только в советское время началось освоение пустынно-равнинной части Джеты-су. Толчком для этого послужила постройка Туркнеба. Смело пройдя через пески Прибалхашья, железнодорожная магистраль пересекла и большинство рек Джеты-су. Около железнодорожных станций, возникших на этих пересечениях, разрослись новые городки оазисного типа — Лепсы, Уш-Тобе, Илииск. Советская ирригационная техника, неизмеримо более высокая, чем старинная туземная, позволила создать оросительные системы и там, где раньше человек не умел вывести воду из рек. Самый крупный из этих новых оазисов — Уш-Тобинский. Речка Каратал оказалась при урегулировании ее водного хозяйства достаточно богатой водой, чтобы создать здесь, среди безводной раньше пустыни, ту отрасль хозяйства, которая требует больше всего воды — крупное рисосеяние. Почва около Уш-Тобе необычайно благоприятна для рисосеяния, удобен и рельеф, позволяющий создать ровные, окруженные валиками площадки («чеки»), которые при помощи оросительных канав в определенные периоды заливаются водой: рис здесь растет в воде. Сейчас Уш-Тобе — цветущий городок. Крутом сады, огороды, плантации. Широкие прямые улицы обсажены тенистыми деревьями. Работает ряд промышленных предприятий, и среди них — крупный мясокомбинат, на соседних полупустынных пастбищах много скота. Построены школы, больницы, клубы.

Такой же вид постепенно приобретают и другие оазисы, созданные за годы сталинских пятилеток в бесплодной раньше равнинной части Семиречья.

В. П.

НА ПАРУСАХ ПО ОКЕАНАМ

Из Балтики на Дальний Восток в камчатские воды вышли весной текущего года две трехмачтовые шхуны — «Коралл» и «Кальмар». Шхуны сопровождал пароход «Барнаул», капитан которого, В. Зеньков, являлся одновременно и начальником всей экспедиции.

Шхунам «Кальмар» и «Коралл» предстояло пройти 14 тысяч миль по маршруту, пролежавшему через Атлантику, Панамский канал и Тихий океан. Направлялись они для каботажной службы у побережья Камчатки. Грузоподъемность парусников — по 300 тонн каждый. Помимо парусов, они снабжены также и дизелями. Экипажи обеих шхун набраны из опытных моряков, долго работавших на дальневосточных судах, участвовавших во многих океанских рейсах.

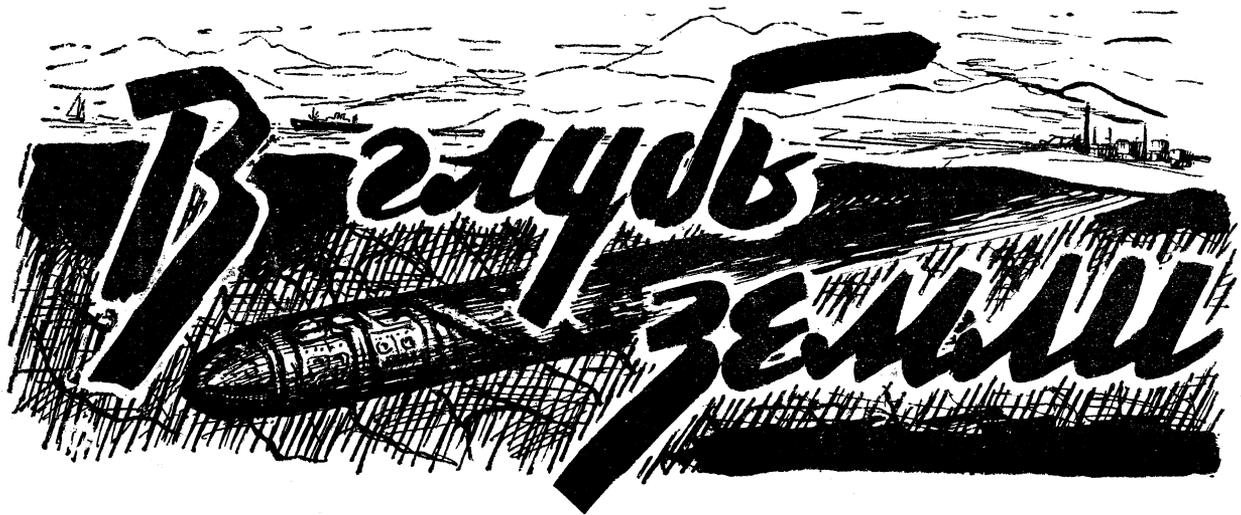
В Атлантике шхуны ожидал ряд приключений. Здесь они попали в шторм, и шхуна «Коралл» была унесена ветром в океан. В течение двух дней, борясь с волнами, «Кальмар» и «Барнаул» разыскивали шхуну и, наконец, нашли ее.

Парусники благополучно миновали Атлантический океан и пошли к Малым Антильским островам, в Санта-Лусия. В пути, однако, маршрут судов был изменен, и они повернули к Сан-Томе, одному из островов Вест-Индии, сделав лишние 300 миль. Затем шхуны прошли через Панамский канал, вышли в Тихий океан и направились к берегам Камчатки.

В такой же дальний рейс вышла в сентябре из Балтики еще одна группа парусных судов — транспортные шху-

ны «Медуза», «Креветка» и «Венера» и учебные баркентины «Юнга» и «Штурман». Сопровождают парусники пароход «Днепр». Всего парусникам придется пройти свыше 15 тысяч миль. Они вышли из порта Лиепая (Советская Латвия). Миновав Кильский канал, парусники пошли к Илимуту (Англия), отсюда, через Атлантику, к Азорским островам, к Порто-Рико и порту Колон у входа в Панамский канал. Далее суда следуют в ряд портов Мексики, Калифорнии, Гавайских островов и Японии, а отсюда — во Владивосток. В Тихом океане переход связан с исключительно трудными метеорологическими условиями осеннего и зимнего периодов.

На баркентинах «Юнга» и «Штурман» будет проходить учебу молодье моряки.

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

Рис. А. Таран

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДВЕ ЗЕМЛИ...

Глухое монотонное жужжание наполняло кабину подземной лодки. Изредка ее корпус вздрагивал, и слышался скрежет металла. Это острые стальные резцы, вгрызаясь в землю, попадали на мелкие камни. Камни терлись о наружные стенки, и тогда внутри движущегося аппарата слышался протяжный визг.

Кабина лодки освещалась маленькими электрическими лампочками, вделанными в стены. Они озаряли мягким рассеянным светом небольшое овальное помещение.

В первые минуты своего путешествия друзья не разговаривали. Они явно были в замешательстве, чувствуя себя виноватыми друг перед другом. Друзья прекрасно понимали, что каждый из них намеревался уехать один.

Кабина была рассчитана на двух путешественников. Присутствие третьего создавало в помещении тесноту. Поэтому Шереметьеву, попавшему в лодку последним, пришлось расположиться на аккумуляторных ящиках в согнутом положении.

— Надо включить радиоприемник... — сухо проговорил Богдыханов.

Однако Корелин, сидевший за управлением, ничего не ответил. Он не решался на разговор с поверхностью. Уже давно летят вниз, под землю, требовательные радиосигналы с призывом вернуться. А что на них ответить? Неужели действительно вернуться? Нет. Это теперь невозможно.

Корелин молча передал Богдыханову толстую тетрадь, лежавшую перед ним, и знаком предложил вести записи.

— Надо хоть прорадиировать, что у нас все благополучно, — предложил Гога.

С этим Корелин сразу же согласился, и через несколько секунд на поверхность земли полетела короткая радиограмма: «Все благополучно».

Такую радиограмму студенты стали посылать через равные промежутки времени.

* * *

Медленно плывут перед экраном странные пейзажи. Причудливые геологические наслоения сменяют одно другое. Изредка лодка натывается на крупные камни, и тогда глухой удар сотрясает весь ее корпус.

Согласно геологическому прогнозу, мягкая порода, в которой лодка может передвигаться свободно, дол-

жна простираться на значительную глубину. Однако «подземные рифы» стали попадаться все чаще и чаще. Вот на экране появляется темная завеса — это массив из мелкокристаллического гранита. Корелин направляет луч радиолокатора вниз, в надежде найти проход. Но стена уходит слишком глубоко. Лодка скользит параллельно гранитной преграде.

Быстро течет время. Занятые наблюдениями, путешественники не ощущают его. Корелин с удивлением замечает, что лодка находится под землей уже более четырех часов.

— Надо послушать, что говорит земля, — предложил Богдыханов.

Это была первая фраза, произнесенная громко. При этом никто не заметил, как странно она здесь звучит. Богдыханов, повидимому, бессознательно назвал поверхность «землей», точно со словом «земля» связано только представление о ее поверхности, а глубина — это что-то другое, имеющее иное название.

Перед глазами студентов на экране телевизора разворачивалась сказочная панорама.

Корелин включил радиоприемник. «...нам запятая желаем успеха точка» — послышалось в трубке попискивание морзянки, и на этом передача прервалась.

— Нам желают успеха! — радостно закричал Корелин. — Все в порядке, товарищи!

Все вздохнули с облегчением.

На экране появился просвет. Впереди уже было легко проходимое лодкой отложение известняка.

— Что это?! — вдруг удивленно воскликнул Богдыханов. Перед глазами студентов на экране телевизора раздвигалась сказочная панорама.

В геологических напластованиях были вкраплены знакомые по учебникам ископаемые — древнейшие животные и растения. Но это были не плоские отпечатки, какие сохраняются обычно в музеях, нет — казалось, перед путешественниками возникли целые организмы. От облучения радиолокатором их границы и детали резко выделялись на экране, мерцающая флуоресцирующим светом.

Это было поразительное зрелище. Можно было проследить даже переходные формы фауны и флоры различных геологических эпох. Прошлое Земли как бы оживало перед подземными путешественниками.

— Да ведь это целый заповедник ископаемых! — восторженно воскликнул Корелин. — Вот вам панорама развития жизни на нашей планете!

Гога Шереметьев молча заснял специальным аппаратом несколько наиболее интересных кадров.

Однако радость друзей была кратковременна. Все чаще и чаще стали попадаться по пути тонкие мраморные жилки.

— Наверное, скоро будет базальт... — угрюмо заметил Корелин. — Ведь мрамор образовался при нагревании базальта с известняком во время вулканического периода.

И действительно, скоро волнистая стена базальта появилась впереди лодки. Однако она не преграждала путь полностью. Кое-где в различных местах виднелись как бы «ущелья» из известняка.

Постепенно твердая стена, в которой застряла лодка, превращалась в пыль и мелкий щебень.

— Попробуем пробраться через известняк, — предложил Богдыханов. — Ведь надо же испытать лодку как следует.

Вздрагивая от столкновения с твердыми жилами, лодка углубилась в узкие базальтовые ворота.

В кабине заметно увеличился скрежущий шум. Каменные породы сильнее отражали звук, и даже без радиолокационного прибора можно было понять, что лодка движется среди твердых базальтовых стен. Так пассажиры поезда даже с закрытыми глазами легко догадываются, что поезд проходит тоннель.

Все более узким становится ущелье. Все чаще и чаще трутся борта лодки о каменные стены.

— Надо вернуться... — едва успел произнести Гога, как в то же мгновение послышался пронзительный скрипящий звук.

Лодка вздрогнула всем своим металлическим корпусом и остановилась, зажатая в каменных тисках.

* * *

В кабинет главного инженера вбегает радист.

— Плохи дела, Арам Григорьевич... — говорит он еще на ходу.

— Что-о-о?..

— Сигналы еле слышны... Последнее, что мне удалось разобрать: «...зажаты... скале... координаты...» — и это все...

Геворкян медленно приподымается из-за стола и так же медленно, но твердой походкой, направляется к выходу.

Он тщательно прикрывает дверь своего кабинета.

* * *

Затихло жужжание мотора, и в кабине наступила напряженная тишина.

Корелин включает радиоприемник. Лицо его становится бледным, на широком лбу выступают капельки пота.

Но все усилия напрасны. В лодку теперь пробрались лишь необыкновенно слабые и совершенно непонятные сигналы. Один раз Корелину показалось, что он разобрал несколько слов, но еле слышимое попискивание морзянки вскоре совсем потонуло в монотонном шипении радиоприемника.

— Все, товарищи... нас не слышат, — совсем тихо проговорил Корелин.

— Может быть, мы их не слышим, а они нас слышат? — осторожно заметил Богдыханов.

— Гм-м-м... — промычал Гога неодобрительно, и все поняли, что это вряд ли возможно.

Корелин снова включает мотор, и кабина наполняется гулом и металлическим визгом. Судорожно дергается лодка, зажатая в каменных объятиях. Хрустящим треском отдается в кабине борьба крепчайшей стали с камнем.

* * *

— Паники не должно быть... — тихо, но твердо говорит Геворкян, обращаясь к собравшимся в его кабинете сотрудникам. — Мы спасем их при любых обстоятельствах. Давайте рассуждать просто... Запасов провизии и воды у них хватит надолго. Кислород тоже в избытке. Значит... — инженер на полуслове обрывает свою речь, обводя воспаленным взглядом присутствующих, — значит, нам остается установить точно, — я повторю, точно, — их местонахождение. А дальше скоростной турбобур сделает свое дело...

— А потом что?.. — беспокойно спрашивает кто-то.

— Прежде всего через образовавшийся проход мы сможем им подавать новые запасы провизии и кислорода... И так будет продолжаться до тех пор, пока отверстие не будет расширено до нужной величины. Только бы уточнить местоположение! Местоположение!.. — закончил он, делая ударение на последнем слове.

И только совсем тихо, изредка прорываются какие-то очень слабые радиосигналы.

* * *

Друзьям пришлось много поработать, прежде чем они сумели освободиться из каменного плена. После неудачных попыток раскатать лодку и выйти на мягкий грунт было решено раздробить крепкую породу, державшую подземную машину. Эта работа выпала на долю Гоги Шереметьева. Он надел маску с кислородным прибором и, отвинтив задний аварийный люк, вышел в известковую трубу. Едкая нагретая пыль наполняла тоннель, похожий на трассу метрополитена, только уменьшенную в диаметре. Чтобы кислород не выходил из кабины и пыль не попадала внутрь помещения, выходной люк имел коридор с двумя автоматическими дверцами. Как только Гога втиснулся в этот коридор, дверь, ведущая в кабину, наглухо захлопнулась, и одновременно открылась наружная стенка люка.

Осмотрев породу в том месте, куда заклинилась лодка, Гога пустил в ход электрический отбойный молоток. Оглушительная пулеметная дробь наполнила кабину. Постепенно твердая стена, в которой застряла лодка, превращалась в пыль и мелкий щебень. В ней появилась довольно широкая прорубь.

Вернувшись в кабину, Шереметьев предложил, прежде чем двигаться дальше, изучить местность, находящуюся на пути.

Радиолокационный экран показал, что впереди носа лодки было пространство, свободное от твердой породы. Следовательно, лодка могла беспрепятственно двигаться вперед. Да никто и не думал о возвращении назад, через узкое ущелье, едва не ставшее могилой для первых подземных путешественников.

— По-моему, лодка выдержала свое самое тяжелое испытание, — сказал Корелин, когда машина уже двигалась в мягком глинистом грунте. — Прочное сооружение...

— Подожди еще, — поглядывая на карту, мрачно заметил Богдыханов, — судить будем, когда выйдем на поверхность. Хотя, впрочем, я с тобой согласен. Такой проверки не придумаешь и нарочно.

Корелин снова занялся радиоприемником. Он долго настраивался, тщательно вслушиваясь в наушники.

— Ничего не слышно... — наконец проговорил он тихо. — Надо возвращаться, ребята...

После небольшого совета решили возвращаться на поверхность, не просто подымаясь постепенно вверх,

а с заходом в то место, где проходил телевизионный турбобур. Ведь таким путем можно будет исследовать заодно участок под землей, где предполагалось нахождение нефти.

Лодка взяла соответствующий курс и начала быстро двигаться в сравнительно мягком и удобном для передвижения грунте.

Изредка Корелин включал радиопередачик и выстукивал на ключе стандартную фразу: «Все благополучно». Однако никакого ответа с земли так и не было слышно.

* * *

Первым заметил признаки нефтеносного песчаного слоя Богдыханов. Он увидел его очертания в левом углу экрана. Слой находился на довольно большом расстоянии от турбобура, который выделялся на экране в виде прямой, вертикальной линии.

— Нефть! — закричал Богдыханов радостно. — Александр, поворачивай!

Но радость их была охлаждена коротким и скептическим замечанием Гоги:

— Посмотрим на дальномер... — буркнул он, протягивая руку к никелированному прибору, установленному на стене.

В самом деле, до видневшегося впереди нефтяного пласта было не близко. Так вот почему бурение до сих пор не давало результата! Надо было сверлить скважину на значительном расстоянии от того места, где она проходит в настоящее время.

— Мы доказали еще одно преимущество подземной лодки перед бурильными инструментами! — возбужденно заговорил Корелин. — Смотрите, как быстро тут можно разбираться в подземной обстановке!

— Давайте соединим месторождение с бурильной скважиной. Грунт подходящий, — сказал Гога.

Это предложение было встречено громким «ура», глухо прозвучавшим в маленькой овальной кабине.

Друзья представили себе радость людей, находящихся там, на поверхности, когда они увидят, как из скважины появится нефть. Может быть, она даже забьет фонтаном... Новые драгоценные источники черного золота, так необходимого стране...

— Но надо сначала проверить, хватит ли нам энергии в аккумуляторах, чтобы выбраться на землю, — спохватившись, проговорил Богдыханов.

Корелин остановил лодку, и друзья в полной тишине принялись производить расчеты и измерения.

— Не густо... — заметил Богдыханов, когда Гога закончил свои подсчеты на листике бумаги — Может быть, не стоит рисковать?

— Однако желание подать нефть наверх было слишком велико и заманчиво, да и месторождение находилось сравнительно недалеко.

— Рисуем, товарищи? — громко спросил Корелин, снимая попрежнему безответные наушники.

Но нигде не слышно характерного шума подземно-двигающейся машины.

Это была переносная радиостанция.

— Да... — тихо сказал Богдыханов.
Огибая крупные подземные камни, лодка быстро пошла к нефтяному пласту.

* * *

Путь оказался необыкновенно трудным. Несколько раз приходилось возвращаться назад, чтобы обойти препятствия. Но самое неприятное случилось, когда лодка уткнулась носом в песчаный слой, пропитанный нефтью. Видно, черная жидкость хранилась в нем, как это бывает, под огромным давлением. Нефть ринулась в проход, проделанный лодкой, и в кабине стало слышно, как хлопочет могучая струя, несущая в себе мелкие и крупные камни. Их барабанная дробь о стенки машины заглушала шум моторов.

Лодку стало сильно качать. Ее поворачивало из стороны в сторону. Иногда она принимала совершенно вертикальное положение, и путешественники скатывались вниз, к хвосту, стараясь ухватиться за что попало.

С большим трудом удалось друзьям вывести свой подземный корабль из мощного подземного вихря. Но и обратный путь оказался не таким легким, как этого можно было ожидать. Сзади за лодкой следовал напор нефти. Он давил на хвост и сильно затруднял управление.

Когда лодка подошла к буровой скважине, ее несколько раз ударило о стальную трубу. Но дело уже было сделано. По свободному пространству между трубой и скважиной нефть подымалась наверх!

Долго пришлось уходить от разбушевавшейся нефти. Лодка спасалась от нее, разыскивая сыпучий грунт. Наконец послышалось шипение размалываемого песка, и управление стало более легким. Песок засыпал проход, оставляемый лодкой, и подземная буря постепенно стала утихать.

Когда, наконец, лодка вышла в толщу «спокойной» земли, путешественники поняли, во что обошлось задуманное ими дело. Запас электроэнергии значительно уменьшился в их аккумуляторах.

Корелин надевает наушники, рука его тянется к ключу... Тщетно! Земля не отвечает. Но, может быть, там, на поверхности, их все же слышат? Скрытая глубоко в недрах, подземная лодка посылает на поверхность свою последнюю радиограмму.

* * *

В маленькое помещение радиостанции входят Батя и руководитель спасательных работ, главный инженер Геворкян.

— Есть что-либо новое?

Радиист отрицательно качает головой. Батя надевает наушники и сосредоточенно вслушивается.

Глухо шумят радиолампы. Иногда слышится слабый

треск далеких грозовых разрядов. И только совсем тихо, изредка прорываются какие-то очень слабые радиосигналы. Может быть, это с противоположного конца земли, огибая ее, пришли волны, схожие по длине с волнами передатчика, установленного на лодке. А может быть, эти сигналы принадлежат и самой лодке? Но слишком они слабы, чтобы можно было что-либо разобрать.

Батя и главный инженер садятся в машину и направляются в поле. Здесь организована акустическая слежка за шумами в толще земли. Несколько чрезвычайно чувствительных микрофонов, глубоко зарытых в землю в самых различных местах, ловят малейшие шорохи, какие только порождает земля. Таким способом можно обнаружить шум, издаваемый лодкой и даже определить ориентировочно ее местоположение.

Но нигде не слышно характерного шума подземно-движущейся машины. До микрофонов доносятся лишь звуки, родившиеся на поверхности. И чтобы уменьшить эти помехи, уже давно отдано распоряжение — прекратить работу всех механических станков. Приостановлено бурение во всех опытных скважинах. Даже люди стараются ходить тихо, на цыпочках.

В середине дня, когда в кабинете главного инженера происходило очередное совещание участников спасательных работ, в комнату вбежал начальник институтской охраны.

— Появилась... Только что появилась! — проговорил он, задыхаясь от волнения.

Все присутствующие вскочили со своих мест.

— Где?.. Где?.. — послышались радостные возгласы.

— Из буровой скважины № 3. Только что появилась.. Бурлит полным ходом!

Только теперь все поняли, что появилась не лодка, а нефть.

Случись это событие в другое время, — это был бы великий праздник. Но теперь, когда под землей погибали люди, это сообщение прозвучало как-то обидно, не во-время.

Немного позже сотрудников института взволновало еще одно очень странное обстоятельство. Люди, дежурившие у скважины № 3, рассказали, что незадолго перед тем, как из скважины пошла нефть, они слышали отчетливый металлический звук. Кажется, кто-то несколько раз сильно постучал молотком о стальную трубу, глубоко опущенную в землю. Всем известно, как хорошо распространяется звук по металлу. Возможно, это и были сигналы, посланные каким-то непонятным способом подземными путешественниками.

К месту скважины срочно привезли чувствительный микрофон. Его присоединили к уходящей глубоко в землю стальной трубе. Но ничего, кроме шума просачивающейся нефти, превратившегося теперь благодаря усилению звука в мощный рев, в телефонные наушники не было слышно.

В ПОДЗЕМНОМ ГРОТЕ

В конце рабочего дня кто-то тихо постучал в будку радиста. А затем на пороге появился пожилой, немного сутулый человек. Это был тот самый инженер, который раньше других хотел заменить Геворкяна на первом испытании подводной лодки.

— Я немного радиолобитель, — несмело заговорил он, обращаясь к радисту. — Сегодня мне пришла в голову занятная мысль. Хочу с вами посоветоваться. Вы, конечно, знаете, что чем выше антенна, тем обычно лучше слышно передачу. Так вот я и думаю... Раз турбобур глубоко уходит в землю — не попробовать ли воспользоваться им вместо антенны?.. Что вы на это скажете?

Вместо ответа радист лишь как-то остолбенело посмотрел на инженера и бросился к большому металлическому ящику. Это была переносная радиостанция.

— Скорее! — закричал он на ходу, обращаясь к помощнику. — Тащи за мной аккумуляторы... Скорее!!!

Через несколько минут радиоаппаратура была установлена на земле рядом со скважиной № 3. От нее потянулись провода, торопливо прикрученные к толстой стальной трубе.

Радист застыл, вслушиваясь в слабые, еле заметные шорохи, доносившиеся из далеких земных глубин. Несколько минут напряженного ожидания — и вдруг из телефонных наушников послышались настолько громкие радиосигналы, что они различались на расстоянии даже нескольких шагов:

«...запас энергии кончается точка ищите северо-западном направлении точка привет всем точка».

— Ура! — закричал радист. — Связь установлена!!! Он уцепился за ключ и начал быстро выстукивать ответ.

«...перехожу на прием» — закончил радист свою передачу.

Но ответа не последовало. Молчала земля. Вместо морзянки слышался лишь громкий и монотонный треск.

— Отлично работает подземная антенна, — проговорил радист, немного хмурясь. — Даже помехи от электромотора в лодке слышны прекрасно. Но почему они не отвечают? Неужели выключили передатчик?..

Все тише и тише становился шум электромотора удаляющейся лодки...

* * *

Все попытки связаться с землей по радио оказались безрезультатными. Прорадивав последний раз о том, что запас электроэнергии подходит к концу, Корелин решил больше не включать аппарат. Он не знал, что последние слова его радиogramмы были прекрасно услышаны на поверхности. Надежда на помощь с земли, казалось, рухнула. Друзья подкрепились горячим какао, хранившимся в термосах, и, прижавшись друг к другу в тесной кабине, уснули беспокойным, тревожным сном. Наутро было принято решение: пробиваться на поверхность самостоятельно.

Почему Корелин выбрал направление для движения лодки именно на северо-запад, для остальных оставалось загадкой. Ясно было одно — лодка не могла подниматься вверх по вертикали. Она должна была постепенно «набирать высоту», так же, как это делают самолеты.

Друзья Корелина понимали, что запаса электроэнергии нехватит, чтобы добраться до поверхности.

Чем же руководился Корелин, твердо настаивая на том, чтобы двигаться именно на северо-запад?

Прошло несколько часов, и подземные странники могли убедиться, что их друг не ошибся в расчетах. На экране в.зникло огромное пустое пространство.

— Подземный грот! — радостно закричал Корелин. — Вот си.

И, наконец, один за другим, путешественники спустились сами.

Только тут друзья вспомнили о легенде, рассказанной им Панферычем.

Так вот в чем дело! Их товарищ, любитель природы, поэзии и народных преданий, оказался прав. Грот действительно существовал.

— Есть ли тут чем дышать, или нечем? — глухо проговорил Богдыханов, осторожно отвинчивая лок после того, как лодка высунулась носом в пустое пространство.

Через узкую щель в лодку проник спертый и удущивый воздух. Богдыханов вышел из кабины и осветил подземелье электрическим фонариком.

Внизу — хаос каменных глыб, свалившихся с потолка. Черные стены мрачно высяты и замыкаются дугообразной аркой, с которой свисают вот-вот готовые сорваться камни. Сыростью и холодом веяло от этого огромного подземелья.

— Выход должен быть! — уверенно заявил Корелин. — Ведь легенда-то оправдывается! Раскопаем завал и выйдем...

Друзья принялись энергично готовиться к походу. На веревке было спущено вниз самое необходимое снаряжение. И, наконец, один за другим путешественники спустились сами.

Трудно определить истинные размеры грота. Свет электрического фонарика теряется в густой темноте. Узкие ходы ведут к угрюмым пещерам. Друзья внимательно осматривают каждую из них, карабкаясь по скользким и острым камням.

Отдохнув, студенты принялись работать лопатами и кирками.

С каждым шагом итти становилось все труднее. Проход начал круто подыматься вверх. Местами потолок опускался настолько низко, что приходилось становиться на четвереньки и даже ползти по земле.

Наконец друзья достигли того места, где был когда-то вход в пещеру. По всему было видно, что много лет назад здесь произошел обвал. Значит, поверхность была недалеко.

Отдохнув, студенты принялись работать лопатами и кирками.

— Стойте! — воскликнул вдруг Богдыханов. Приставив к уху ладонь, он внимательно к чему-то прислушивался. В отдалении, еле различимый за мощным валом темной, слежавшейся земли, раздавался глухой, нарастающий звук...

Буровая машина, сверлящая в земле широкое отверстие, сделала свое дело. Через несколько минут подземные пленники вышли на свободу.

— Ну, товарищи! — обратился к ним Геворкян, обнимая по очереди каждого. — Не буду вас утомлять расспросами... Скажите только: лодка испорчена?

— Что вы, Арам Григорьевич! — ответил Корелин, вырываясь из бурных объятий главного инженера: — В полной исправности!

— Испытание выдержала замечательно.. Находится в подземном гроте, — добавил Гога Шереметьев.

— Насчет грота можете сейчас не рассказывать, — перебил его Геворкян. — Мы получили вашу последнюю радиограмму и поняли, почему вы направились на северо-запад. Панферыч помог нам разыскать место обвала, а остальное доделал бур...

— Не сердится на нас главинж? — тихо спросил Богдыханов, обнимаясь с Батей.

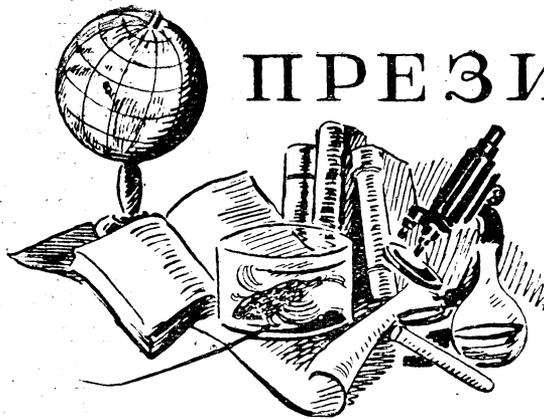
— Дело прошлое, — также тихо отвечал Батя. — Ночью, когда вы стартовали в подземный рейс, пришла телеграмма из центра, запрещающая Геворкяну первому проводить испытание, а желающих, как вы знаете, было много...

* * *

Прошло два дня. Проникнув в грот, сотрудники института вновь снабдили машину запасом энергии и кислорода. Точно в назначенный час из-под земли раздалось приглушенное гудение моторов. Потом земля слегка всхолмилась, и лодка, со скрежетом вращая в воздухе стальными резцами, вышла на поверхность.

Конец

ПРЕЗИДЕНТ

СОВЕТСКИХ ГЕОГРАФОВ

В. СТРИГУНОВА

Рис. А. Яроцкого

В огромном белом зале Ленинградской филармонии долго не умолкали аплодисменты.

На трибуне, готовясь начать доклад, посвященный столетию Географического общества, стоял высокий, седой, как лунь, человек, черты которого были хорошо знакомы каждому из тех, кто сидел в зале и аплодировал.

Географы Советской страны на торжественном открытии Географического съезда дружно приветствовали своего главу — президента Географического общества Льва Семеновича Берга.

Третий раз на протяжении одного года советская общественность чествовала Л. С. Берга. В марте 1946 года ленинградские географы дружно отметили семидесятилетие этого замечательного ученого, которого сейчас можно назвать, пожалуй, единственным в мире географом-энциклопедистом. В ноябре того же года Л. С. Берг был избран академиком.

Географы Москвы хорошо запомнили день, когда впервые в качестве академика, но все такой же бесконечно скромный, Л. С. Берг появился в большой географической аудитории университета. Овации тогда надолго задержали начало научного доклада, в котором новый академик хотел поделиться своими мыслями об исторических изменениях климата на земном шаре. И как-то само собой вышло, что после доклада — как всегда ясного, лаконичного и строгого, в котором за каких-нибудь полчаса было сказано все, что нужно, все то главное, что являлось плодом долгих лет раздумий и упорной пытливости, — Берг долго и тепло рассказывал взволнованным слушателям о своих учителях, великих русских географах Д. Н. Анучине и П. П. Семенове-Тяньшанском, говорил о самом заветном — о любви к родине, к русской науке.

СТУДЕНТ ИЗ БЕССАРАБИИ

Лев Семенович Берг родился в 1876 году, в Бендерах, тогда небольшом городишке Бессарабской губернии. Над нешироким здесь Днестром

Академик Лев Семенович Берг, президент Географического общества Союза ССР.

в садах и виноградниках задумчиво стояли белянькие домики. На пыльных немощеных улицах, у старинной турецкой крепости маршировали солдаты, — здесь у порога Балкан были крупные интендантские склады и стоял постоянный гарнизон. Городок жил обслуживанием армии, вел бойкую торговлю хлебом, который сплавлялся по Днестру в Одессу; голько что через него прошла первая железная дорога, связавшая Бессарабию с русскими рынками.

В Бендерах в 80-х годах еще не было гимназии, и маленькому Бергу пришлось учиться в Кишиневе.

Детские и юношеские впечатления от родной Бессарабии во многом определили интересы гимназиста, уже тогда поражавшего учителей выдающимися способностями, замечательной памятью, необычайной любовью к науке. Природа Бессарабии раскрывалась своими самыми живописными чертами сразу за околицей Кишинева. Кудрявые холмы Кодр, усаженные виноградниками и садами, были видны с окраинных улиц; в глубине Кодр еще сохранилось много лесов, где растительность Русской равнины была причудливо смешана с породами, пришедшими с запада, с Карпат, — грабом и даже буком. К югу от Кишинева и Бендер расстились привольные степи. Днестр привлекал своеобразием своей рыбной фауны. Быть может, именно детские воспоминания о сверкающей чешуей добыче бендерских рыбаков и толкнули позже Берга на занятия ихтиологией. Разноплеменное население Бессарабии также живо интересовало юношу. Красочные наряды и кустарные изделия молдавских крестьян, предания и фольклор болгарских и гагаузских колонистов, расширявшийся приток в города Бессарабии русского и украинского населения — все это вызывало пытливый интерес к богатой, своеобразной истории Бессарабии и этнографии ее современного населения.

И поныне Берг всегда называет себя бессарабцем, и глаза его загораются особенной теплотой, когда он вспоминает Молдавию, которую он считает одним из самых привлекательных уголков в СССР. К этому краю он возвращался во многих из своих работ. Когда в 1917 году румынская военщина захватила Бессарабию, Берг немедленно откликнулся на это замечательной книгой «Бессарабия», в предисловии к которой с гневом говорит о постигшей ее участи. Каждая страница книги проникнута убедительными доказа-

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

Тельствами неразрывных исторических и географических связей Бессарабии с Россией. В 1923 году он выпускает другую книгу — «Население Бессарабии», показывающую глубокие славянские корни бессарабского населения и культурное влияние на него славянства. Возвращение его родного края в семью народов Советского Союза было для ученого-патриота большим личным счастьем.

В 1894 году Лев Берг с золотой медалью окончил Кишиневскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Здесь произошла знаменательная встреча юноши с замечательным русским географом Д. Н. Анучиным. Необычайно широкий круг интересов Анучина, бывшего не только выдающимся физико-географом, но и замечательным археологом, этнографом и антропологом, нашел в молодом студенте из Бессарабии благодарную почву. Анучина справедливо считают основателем русского озероведения. Может быть, потому и первые самостоятельные научные работы молодого Берга заключались в исследовании западносибирских озер.

В Московском университете Берг занимался под руководством крупнейшего зоолога М. А. Мензбира также и ихтиологией. Эту «вторую специальность» — ихтиолога — он пронес через всю свою жизнь, став впоследствии признанным мировым авторитетом в науке о рыбах. При этом в своих занятиях ихтиологией Л. С. Берг умел найти материал и для самых широких географических обобщений.

Так, например, рыбы доставили Л. С. Бергу главный материал для его работы «Фауна Байкала и ее происхождение», позволившей ему прийти к важнейшим выводам о возрасте этого замечательного озера. И то, что первой научной работой Берга, за которую он — еще студентом — получил золотую медаль, было исследование о шукке, не случайно; это как бы предугадало будущему ученому его вторую специальность.

В 1899—1906 годах по поручению Географического общества Берг производил свои замечательные исследования Аральского моря — этого второго по величине озера мира. Три полных полевых сезона проработал он на Арале. Средства, которыми располагал молодой ученый, были очень скромными — в сущ-

Парусная яхта «Орион», на которой Л. С. Берг производил исследования Аральского моря в 1901 и 1902 годах.

ности, вся огромная работа была произведена в одиночку. В первую поездку в распоряжении Берга была простая парусная рыбацкая лодка; позже ему удалось пользоваться парусной яхтой «Орион», принадлежавшей Туркестанскому управлению земледелия и государственных имуществ. Отплывая каждый раз из устьев Сыр-Дарьи, Берг буквально испещрил Аральское море, высаживаясь в десятках мест на его берегах. Программа работ была необычайно обширна. В нее входило и уточнение съемки берегов и изучение их геологии, и сбор зоологических и ботанических коллекций, и промеры глубин, и исследование солености вод, их удельного веса, температур, мутности. Трудно перечислить все работы, для выполнения которых требовалось не только полное владение самим мастерством производства географических изысканий,

по и необычайная энергия и изобретательность. Умело извлекая все, что можно было считать достоверным, из свидетельств старых путешественников (начиная с греческих и арабских историков и географов), Берг сумел сопоставить их с собственными наблюдениями и в результате получить необычайно яркую картину развития Аральского моря. В классическом труде «Аральское море» он убедительно показал, что представление о прежнем соединении Арала с Каспием ошибочно, что говорить об усыхании Арала нельзя, что озеро это находится на стадии зрелости; попутно он подробно рассмотрел всю проблему прежнего стока Аму-Дарьи в Каспийское море по ныне сухому руслу Узоя. Впервые в этой работе и в написанных в тот же период статьях Берг широко подошел к той теме, которой продолжал с тех пор заниматься уже всю жизнь, — к теме исторических изменений климата. Берг решительно вступил в спор с некоторыми зарубежными географами, среди которых модной была примитивная и ошибочная теория о прогрессирующем усыхании Центральной Азии. Год за годом полемика эта разрасталась, и вот статьи Берга составили уже целую книгу «Климат и жизнь», в которой наш ученый смог дать развернутое изложение своих чрезвычайно интересных и глубоко продуманных взглядов.

«Аральское море» было высоко оценено русскими географами. Московский университет присудил Л. С. Бергу за эту работу степень доктора географии. Географическое общество наградило в 1911 году нового доктора своей высшей наградой — Большой золотой медалью имени П. П. Семенова-Тяншанского.

В те же годы ученый успеваел провести еще очень важное экспедиционное обследование озера Балхаш. Берега Балхаша были тогда совсем пустынными. Даже лодку для экспедиции пришлось взять из Петербурга! Другую лодку экспедиция сама построила на реке Или, по которой и спустилась в озеро.

Часть карты Ремезова «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи» 1697 года, использованной Л. С. Бергом для составления истории географического изучения Аральского моря. На карте показано впадение в Аральское море не только Сыр-Дарьи (река Сыртч) и Аму-Дарьи, но и несложных мелких речек. Справа от Аральского моря — Каспийское море («море Хвальское»). Следует помнить, что наши предки изображали на карте Север не наверху, а внизу.

Здесь Берг сделал очень важные наблюдения (некоторые из них можно назвать открытиями): он установил, что представления о солености Балхаша сильно преувеличены и что на значительной части озера вода пригодна для питья. Отчет о Балхашской экспедиции, опубликованный Географическим обществом, представлял собой прехороший образец географического описания, полученного в результате одного полевого сезона.

ГЕОГРАФ- ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Замечательная черта Л. С. Берга — умение сближать материал, добытый им часто в совершенно далеких областях знания, для новых выводов и обобщений. Благодаря этой черте ни одна, даже самая на первый взгляд мелкая написанная им заметка не пропадает бесследно, а используется впоследствии для широких, а порою и самых неожиданных обобщений. Вот небольшая статья Л. С. Берга, опубликованная в 1946 году. Называется она странно: «Родина тохаров и распространение лосося». Тохары — один из народов, живший незадолго до начала нашей эры; об их происхождении истории вели большие споры. В этих спорах кто-то упомянул о встречном в древних памятниках на тохарском языке названии рыбы лосося и сделал отсюда вывод о первоначальном местобитании тохаров. Лев Семенович неожиданно вступает в спор и поворачивает всю «тохарскую проблему» по-новому. Ведь он-то знает географию лосося, притом не только современную, но и ту, которая могла быть в прошлом! Рыбы и... язык давно исчезнувшего народа, — что может быть между ними общего? Надо быть Бергом, чтобы найти это общее!

Идут горячие споры о колебаниях уровня Каспия; ученые ломают голову над тем, какими могли быть эти уровни в то время, от которого

не осталось никаких письменных свидетельств? Лев Семенович — один из больших знатоков этого вопроса — вдруг появляется на заседании Географического общества и «предъявляет» замечательное сопоставление уровней Каспия и... ледовых условий плавания в Арктике. Оказывается, можно проследить ясную связь между периодами падения уровня Каспия и потепления Арктики (Лев Семенович дает этому и

Экспедиция Л. С. Берга исследует место впадения реки в озеро Балхаш (1903 г.)

объяснение); а раз это так, значит на основании показаний наших северных мореходцев об условиях плавания, — а такие показания сохранились за большой период, — можно косвенно судить и о колебаниях уровня Каспия.

Л. С. Берг занимается геоморфологическим районированием России, изучает ее рельеф, работает над вопросами почвообразования (в частности, дает оригинальную теорию про-

Рыба голомянка (водится только в озере Байкал).

исхождения лёсса). Слова и снова возвращается он к проблемам климата и его исторических колебаний, разбирает самый предмет географии и ее методологические основы. И вот из всего этого постепенно складывается то учение о ландшафтах, создание которого, по всей вероятности, и следует признать главной заслугой Берга. Сейчас это учение настолько прочно вошло в географический обиход, настолько привычно для каждого географа, что трудно даже представить себе, что до Берга география не имела отчетливо установленного понятия ландшафта и ландшафтных зон.

Не все написанное Бергом наша наука приняла за бесспорное. Некоторые из его положений вызвали оживленную критику. Но спорность отдельных положений Берга не умаляет значения его трудов для развития советской географической науки.

Ученик и современник Анучина и Семенова-Тяншанского, Воейкова и Докучаева, Мушкетова и Вернадского, Берг гордится русской наукой, мировой славой русских географов. Он уделяет много сил, чтобы сделать достоянием миллионов читателей подвиги русских путешественников-исследователей — Пржевальского, Козлова, Беринга и Крашенинникова, Миклухо-Маклая, Минаева и многих других. С юношеской горячностью вступил Берг в спор с американцем Гольдером, безуспешно пытавшимся спорочить сообщение русского «землепроходца» Семена Дежнева о его плавании через Берингов пролив. Интересное исследование посвятил Берг русским исследователям и землепроходцам, начавшим освоение якутских земель.

Видный авторитет во многих отраслях географической науки, Берг в то же время — крупнейший историк географических исследований и горячий патриот, убедительно доказывающий приоритет русской науки в развитии важнейших научных идей.

ЭКСПЕДИЦИИ МОЛОДЫХ ГЕОЛОГОВ И АРХЕОЛОГОВ

В широко развернувшихся в СССР научно-исследовательских экспедициях — геологических, биологических, геоботанических, археологических и других — с каждым годом все большее участие принимает под руководством старых ученых молодежь, в том числе студенты различных вузов.

Так, летом текущего года выехала из Ленинграда на Кавказ большая экспедиция молодых геологов и геоботаников Ленинградского университета. Руководил экспедицией проф. С. С. Кузнецов. Задачей экспедиции являлась разведка массивных залегающих полезных ископаемых в целях установления мест их последующей эксплуатации. В поисках этих ископаемых участники экспедиции исследовали геологическое строение и геологическую историю Большого Кавказа. Работы ведутся здесь уже третье лето.

С участием студентов третьего и пятого курсов геологического отделения Молотовского университета была организована также экспедиция по изучению верхне- и среднекаменноугольных отложений Молотовской области, представляющих большой интерес для геологов. В основании среднекаменноугольных отложений Краснокамска находится горизонт, богатый нефтью.

На летнюю производственную практику выезжало несколько групп студентов восточного факультета Ленинградского университета. Они приняли участие в работах археологических экспедиций: Таджико-сغدийской (под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР А. Ю. Якубовского), Тянь-шанско-алайской (под руководством доктора исторических наук А. Н. Вернштама) и Закавказской (раскопки древнейшей урартской крепости в Армян-

ской ССР), а также в ряде этнографических экспедиций.

Одна из последних экспедиций выехала в Бурят-Монголию на поиски стоянок человека, жившего тридцать тысяч лет назад (под руководством проф. С. П. Окладникова).

Около двадцати студентов Калининского педагогического института были включены в состав Псковской экспедиции, организованной Институтом материальной культуры Академии наук СССР. Псков — один из древнейших русских городов — был разрушен фашистскими захватчиками и теперь энергично восстанавливается. Задачей экспедиции является изучение истории города как древнейшего поселения дославянского периода и как памятника славянской культуры по сохранившимся в земле остаткам его материальной культуры.

НОВАЯ КНИГА О КОРЕЕ

Советские читатели внимательно следят за устройством послевоенной судьбы многострадального корейского народа. Они встретят с живым интересом появление новой книги В. Зайчикова о Корее.

Книга написана автором на основании личных наблюдений и богатого материала, собранного им во время поездки в Корею в 1945 году.

Перед читателем книги предстанет живой облик своеобразной горной страны, с исключительным разнообразием и контрастами картин природы и ее климата: дикие скалистые горы, бурные реки, водопады, низвергающиеся к морю, суровая тайга и сильные зимние морозы на севере и вечнозеленые субтропические растения, теплый влажный климат и сокрушительные ливни на юге. Недра Кореи богаты железной и медной рудой, углем, цветными и благородными металлами.

Колониальное господство японцев в Корее отразилось самым губительным образом на жизни населения страны, на развитии ее хозяйства, на культуре и быте народа.

К моменту освобождения Кореи в 1945 году японцам принадлежала половина всей земельной площади страны. Они вывозили большую часть риса, рыбы и других продуктов в Японию и обрекали корейцев на голодное и нищенское существование. Даже в урожайные годы весной корейские крестьяне питались корой и корнями деревьев.

В развитии сельского хозяйства Кореи много своеобразного. Так, скотоводство в Корее развито очень слабо. Лошади и мелкий скот являются редкостью. Лошади совершенно не применяются в земледелии — ими пользуются лишь для верховой езды и как вьючными животными. Молочного хозяйства в Корее нет, рогатый скот используется только для перевозок и в качестве тягловой силы в земледелии.

Япония превратила Корею в свою передовую военнопромышленную и сырьевую базу. Она строила крупные военные металлургические, химические и сталелитейные заводы и продукцию их вывозила к себе. Все золото, добывавшееся в Корее, также вывозилось в Японию.

В Корее довольно высоко развиты пути сообщения, но строительство дорог также диктовалось агрессивными целями Японии, в первую очередь захватом Маньчжурии и подготовкой нападения на Советский Союз.

Японские колонизаторы всячески тормозили развитие народного образования в Корее. В настоящее время дети обучаются на родном языке, но до сих пор образование ограничивается почти исключительно начальным обучением. Население Кореи в значительной своей части еще неграмотно.

1 В. П. Зайчиков, Корея. Географическое государственное издательство, 1947 г., стр. 228. Цена 9 руб.

За годы войны в Корее сильно выросло городское население, однако окраины городов сохранили почти без изменения старый вид. Здесь кривые, узкие улицы, глинобитные дома, расположенные настолько тесно один к другому, что нередко несколько домов соединены вместе под одной крышей. Двери и окна чаще выходят во двор, а на улицу обращены только небольшие отверстия в виде форточек, расположенные в самом низу стен, почти у земли.

В настоящее время народные массы Кореи проявляют бурную политическую активность. В Северной Корее, находящейся под контролем Советской Армии, осуществлены широкие де-

В. Т. ЗАЙЧИКОВ

КОРЕЯ

ОГИЗ ГЕОГРАФИЗ 1947

В. Т. ЗАЙЧИКОВ — КОРЕЯ

мократические преобразования и коренные социальные реформы. 725 тысяч безземельных и малоземельных крестьян получили бесплатно свыше 1300 тысяч гектаров бывшей японской и помещичьей земли. На предприятиях введен восьмичасовой рабочий день, установлена твердая заработная плата.

Совсем иная картина наблюдается в Южной Корее, зоне американской оккупации. Здесь демократические организации жестоко преследуются корейскими реакционерами, которые, опираясь на поддержку американского командования, не допускают проведения земельной реформы и пытаются сорвать восстановление Кореи как демократического государства.

Очень интересны приводимые в книге сведения о Северной и Южной Корее. Северная Корея занимает около 57 процентов всей площади страны, в ней живет около 40 процентов населения Кореи. Здесь сосредоточена почти вся добыча железной руды, каменного угля, подавляющая часть производства стали, чугуна, цветных металлов. Южная Корея представляет собой в основном аграрный район, располагающий 55 процентами всех посевных площадей и 65 процентами валового сбора зерновых культур в Корее. Эта характеристика Северной и Южной Кореи наглядно показывает, насколько обе ее части экономически тяготеют одна к другой и насколько будущее корейского народа связано с задачей скорейшего объединения страны, с восстановлением Кореи как независимого демократического государства.

А. О.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 11 НОЯБРЬ 1947

СОДЕРЖАНИЕ

В. Pokишевский	
Шестнадцать столиц. Гравюры на дереве В. Федаевской	2
Штурман В. Аккуратов	
К полюсу недоступности	12
С. Владимиров, В. Елагин	
Обновленная земля (продолжение) Рис. Л. Тараканова	19
Е. Шустер	
Под созвездием Южного Креста (продолжение)	29
Г. Кунгуров	
Галтама (рассказ) Рис. А. Биль	40
В тайгу за метеоритом	
С. Герасимов — Как нашли сихотэ-алиньский метеорит. Кринов — В кратерном поле	48
	49
Вадим Охотников	
В глубь земли. Рис. А. Таран	55
В. Стригунов	
Президент советских географов. Рис. А. Яроцкого	61
В мире книг	64
На обложке в рамке:	
Рис. художника А. Ливанова «Взятие Кремля, 1917 г.»	

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции:
Москва, Новая пл., д. 6/8.

Тел. К 5-24-71.

★

Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакционная коллегия: И. В. Иноземцев (редактор), Д. Л. Арман, Н. Н. Михайлов, анад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцева.

Оформление худ. Б. В. Грозевского.

Техн. редактор А. Губер.

Получено в печать 16/XI 1947 г. А08790. Бумага 60x92 1/2. 8 печ. листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. 3 кв. 1947

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сушеская, 21.

В ГОРАХ АБИССИНИИ

Около двух тысяч километров по дорам горной Абиссинии прошел караван советских исследователей. Это было двадцать лет назад.

Экспедиция 1927 года изучала сельское хозяйство Эфиопии, собирая семена полезных растений, определяя границы земледелия на горных высотах жаркой страны.

Оказалось, что земледельцы Абиссинии разводят голозерный ячмень на огромных высотах — до 3700 метров, но выше этой границы ячмень не поднимается. Различные формы пшеницы

прижились в Абиссинии на высоте от 2000 до 2800 метров.

Абиссиния оказалась самой богатой страной по разнообразию сортов пшеницы.

«...Во всем мире известно 650 форм пшеницы, из них на долю горной Абиссинии приходится 250...», пишет об итогах советских исследований в Эфиопии академик Л. С. Берг.

Наши ботаники нашли в Северной Абиссинии безостые твердые пшеницы. До этого наука высказывала лишь предположения о существовании таких форм пшеницы в природе.

Ячмени горной Абиссинии, перевезенные в Советский Союз, вызревали в холодных Хибинах и на полях Ленинградской области.

Горный поход 1927 года был первой советской ученой экспедицией в Абиссинию.

Ю. М. ШОКАЛЬСКИЙ

Тридцать лет назад известный ученый Ю. М. Шокальский возглавил работу Русского географического общества.

В 1917 году вышел из печати классический труд Шокальского «Океанография», увенчанный премией Академии наук.

Книга эта примечательна тем, что Ю. М. Шокальский впервые ввел в обиход океанографии точную и выразительную русскую терминологию, заменив ею зачастую мало вразумительные иностранные словообразования.

В «Океанографии» Ю. М. Шокальский уделял особое внимание истории работ русских исследователей океанов и морей — кругосветных мореплавателей XIX века. Он давал высокую оценку трудам адмирала С. О. Макарова, наблюдениям А. Н.

ВЕТЕРАН РУССКОЙ ОКЕАНОГРАФИИ

Крылова в Атлантике и т. д.

Десять лет назад Ю. М. Шокальский выпустил научный обзор советских океанографических работ с 1917 по 1937 год.

В советское время Ю. М. Шокальский отдал много сил изучению Черного моря. Главной задачей он считал всестороннее изучение Восточного и Дарданелл.

Имя ветерана советской океанографии было присвоено нескольким кораблям, в том числе исследовательскому судну Арктического института. Пять лет назад корабль «Академик Шокальский» подвергся нападению пиратов с немецкой подводной лодки. Советские исследователи, верные своему долгу, погибли вместе со своим судном.

Большое плавание «Уэллена»

Пять лет назад пароход «Уэллен» совершил большое плавание в морях, омывающих Северную Америку, Индию, Австралию, Новую Зеландию.

Одной из задач морского похода была перевозка грузов хины в иранский порт Бендэр-Шахпур, где хинин перегружался на самолеты для отправки в Советский Союз.

В 1942 году «Уэллен» побывал в самых различных портах мира.

Помощник капитана корабля С. Панин оставил записки о посещении советскими моряками Западной Австралии, о Лебидиной реке, о городе Перте.

В Сиднее команда «Уэллена» посетила зоологический сад, открытый в свое время по почину Н. Н. Миклухо-Маклая одновременно с его морской биологической станцией в бухте Ватсон-бай, близ Сиднея.

«Уэллен» имел стоянку в порту Веллингтон в Новой Зеландии, посетил Северный и Южный острова этой земли.

Во время необычного безостановочного перехода «Уэллен» провел 32 дня в просторах Тихого океана, объезжая пламенем войны.

В заметках С. Панина содержатся любопытные описания стран, городов и портов далеких стран. Некоторые из них видели советский флаг впервые.

ГЕРОИ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Пятнадцать лет назад отряд Г. А. Ушакова закончил двухлетнее скитание по Северной Земле.

В невероятных трудных условиях, затерянные в просторах необозримого полярного архипелага, зимовщики производили топографическую съемку островов Северной Земли, делали астрономические определения, изучали венные недра, измеряли глубины Ледовитого океана. Выпущенный ими шар-пилот однажды поднялся над Северной Землей на небывалую дотоле высоту в 41,04 километра.

Четыре зимовщика пересекли главный остров архипелага (о. Октябрьской революции) с запада на восток — от залива Сталина до мыса Берга. Эти люди открыли для нашей родины огромную полярную страну. (Поверхность Северной Земли равна 37 тысячам квадратных километров.)

Была составлена карта архипелага. Мыс Серпа и Молота, о. Демьяна Ведного, фиорд Спартак видны на этой карте. Многие мысы, заливы, фиорды названы в честь русских и советских ученых.

В 1932 году к берегам Северной Земли пришли корабли «Сибиряков», «Русанов», «Таймыр», и над архипелагом появился самолет известного полярного авиатора А. Д. Алексея.

Один из участников эпопеи покорения Северной Земли, исследователь-самоход Сергей Журавлев, умер десять лет назад в Арктике, которой он посвятил свою жизнь.

Составил Сергей Марков
Рисовал В. Чернецов

*Лев Семенович
Берг*

*Президент Географического
общества Союза ССР*

Академик Л. С. Берг — выдающийся географ-энциклопедист, Огромной заслугой Л. С. Берга является разработка теории географических ландшафтов. Л. С. Берг в ряде своих работ убедительно доказывает, как много сделали русские ученые для развития географической науки.

Портрет и рисунки на этой странице обложки — художника А. Яроцкого.